

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ РОССИЯН И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРТИЙНО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СТРАНЫ

При реализации проекта использовались средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 30 июня 2007 года №367 – рп. Договор гранта № 184/К от «19» декабря 2007 г.

Москва, 2008 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<u>ВВЕДЕНИЕ</u>	<u>4</u>
<u>1. Современное состояние партийно-политической системы России</u>	<u>6</u>
1.1. Современное состояние избирательной системы России	6
1.2. Завершившийся избирательный цикл и проблемы развития партийно-политической системы	20
1.3. Россияне о роли выборов в современной России (по результатам качественного исследования)	43
<u>2. Социальная сегментация российского общества</u>	<u>50</u>
2.1. Социальное самочувствие россиян	50
2.2. Основные социальные слои российского общества. “Средний класс”, “богатые”, “бедные”, “срединный слой”, их численность, состав, политическое самосознание	61
2.3. Другие социальные группы общества (профессиональные, региональные, по типу поселений). Их численность, состав, политическое самосознание.	89
<u>3. Идеиная и мировоззренческая сегментация российского общества</u>	<u>99</u>
3.1. Роль идейных противоречий в современной России	99
3.2. Идеино-политическая и мировоззренческая классификация российского общества. Идеино- политический спектр	118
3.3. Феномен консенсусной метаидеологии и его границы	149
3.4. Либеральная идеология и ее носители	168
3.5. Левая идеология и ее носители	178
3.6. Национал-патриотическая идеология и ее носители	187
<u>4. Базовые ценности основных идейно-мировоззренческих групп общества и их содержательное наполнение</u>	<u>197</u>
4.1. Социальная справедливость в понимании основных идейно-мировоззренческих групп	197
4.2. Свобода в понимании основных идейно-мировоззренческих групп	216
4.3. Порядок в понимании основных идейно-мировоззренческих групп	233
<u>5. Политический выбор россиян через призму идейно-мировоззренческой сегментации</u>	<u>246</u>
<u>6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ</u>	<u>283</u>
<u>6. Заключение и основные выводы</u>	<u>283</u>

ОПИСАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Данный аналитический отчет написан на основании социологического исследования, проведенного на средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 30 июня 2007 года № 367 – рн.

Проведенное исследование включало в себя: опрос населения в 46 субъектах РФ по общероссийской выборке (объем – 3000 респондентов) и 20 фокус-групп в городах Москва, Ростов-на-Дону, Тюмень, Новосибирск.

География исследования

1	Белгородская область	23	Ростовская область
2	Брянская область	24	Республика Башкортостан
3	Владимирская область	25	Республика Мордовия
4	Воронежская область	26	Нижегородская область
5	Липецкая область	27	Оренбургская область
6	Тверская область	28	Пензенская область
7	Ярославская область	29	Саратовская область
8	г. Москва	30	Республика Татарстан
9	Московская область	31	Удмуртская Республика
1	Белгородская область	32	Курганская область
2	Брянская область	33	Свердловская область
3	Владимирская область	34	Тюменская область
10	Архангельская область	35	Ханты-Мансийский автономный округ
11	Калининградская область	36	Алтайский край
12	Ленинградская область	37	Красноярский край
13	Новгородская область	38	Новосибирская область
14	Республика Карелия	39	Омская область
15	г. Санкт-Петербург	40	Республика Алтай
16	Республика Адыгея	41	Читинская область
17	Республика Дагестан	42	Республика Бурятия
18	Республика Ингушетия	43	Кемеровская область
19	Краснодарский край	44	Амурская область
20	Ставропольский край	45	Сахалинская область
21	Астраханская область	46	Приморский край
22	Волгоградская область		

Введение

За без малого десятилетие политической и социальной стабильности, связанной с именем В. Путина, российское общество претерпело существенные изменения. Значительно вырос уровень жизни граждан, изменилась социальная структура, во многом преодолен “кризис идентичности”, доставшийся в наследство от революционной эпохи 90-х годов. На уровне “парадных” ценностей россияне все в большей степени проявляют оптимизм, готовы к поступательному движению вперед, к “новым успехам и свершениям”, выглядят единой политической нацией. Сформировалась и социальная база новой стабильности – средний класс, в основном уже родом из “последефолтовской” эпохи, по своему составу существенно отличающийся от преуспевших в 90-е годы “новых русских”. Власть, в первую очередь, в лице Президента РФ, пользуется несравнимо более высоким уровнем поддержки общества, чем в предыдущую историческую эпоху. Государство, стянутое “обручем” путинской административной вертикали, выглядит куда более дееспособным. Оно отвоевывает все новые позиции в экономике и политике, казалось бы, утраченные навсегда в 90-е годы.

Однако политическая система, сформировавшаяся при В. Путине, ее перспективы, эффективность и устойчивость вызывают большие споры среди политиков и политических экспертов. Они отмечают избыточную централизацию системы, ее “заточенность” на принятие решений узким кругом лиц, непрозрачность, монополизм. “Ставка на бюрократию” стала оборотной стороной попыток укрепления государства, построения административной вертикали. Однако сегодня “путинская бюрократия” вызывает едва ли не более негативное восприятие общества, чем пресловутые олигархи 90-х годов. Активные и перспективные общественные силы не всегда могут найти себе достойное место в сложившейся политической системе и либо уходят в радикальную оппозицию, либо, что происходит гораздо чаще, вообще перестают связывать свои интересы с политикой.

Как отмечают специалисты, по-прежнему не решена главная проблема сегодняшнего общества, не преодолен институциональный кризис, отсутствуют эффективно работающие политические, государственные и общественные институты. “Старые” институты, доставшиеся “новой России” и от эпохи демократического “натиска”, и от более ранних периодов в истории страны, так до конца и не нашли своего места в сегодняшней общественно-политической

системе. Это касается политических партий, представительной власти, профсоюзов, Церкви, традиционной российской бюрократии. Действующая крайне неповоротливая модель политических партий явно не соответствует сложившимся реалиям, где все более значимым фактором формирования социальных сетей становятся современные информационные технологии. Несоответствие партийной модели требованиям времени во многом становится причиной разочарования массового избирателя в политике, в самой процедуре выборов как форме народовластия. Серьезные испытания поставила перед партийно-политической системой страны и новая “социальная реальность”, в рамках которой общество слабо сегментируется по идейно-мировоззренческим основаниям, а социальные слои и группы недостаточно консолидированы, чтобы поддерживать устойчивую многопартийность. Как результат, общество в политическом отношении “сбивается в кучу”, что порождает идеологическую всеядность и монополизм отдельных политических сил. Даже выборы в высшие органы государственной власти все меньше становятся поводом для принципиальных дискуссий о будущем страны, стратегиях ее развития.

Связность общества, которая должна обеспечиваться работающими институтами, остается на крайне низком уровне. Сможет ли российское общество и новая власть решить эту задачу - наполнить “старые меха” новым содержанием? Сформируется ли в “новой” постпутинской России политическая и государственная система, адекватная не только ценностям общества, но и его возможностям?

Проведенное Фондом «Центр политической конъюнктуры» совместно со ВЦИОМ исследование «Политические и мировоззренческие ценности россиян и трансформация партийно-политической системы России» позволяет ответить на вопросы о том, каково состояние и мировоззренческие основы действующей партийно-политической системы и каковы основные направления ее возможного трансформирования. В подготовке настоящего отчета принимали участие Л. Г. Бызов (общее научное руководство, методика, анализ), М. Б. Боков (организация исследования, проведение полевых работ, обработка результатов качественного исследования, методика), М. А. Тарусин (научное консультирование).

1. Современное состояние партийно-политической системы России

1.1. Современное состояние избирательной системы России

Как показали результаты исследований, проводившихся ВЦИОМ в период 2007-08 гг., институт народовластия в целом, и институт выборов, в частности, в современной России переживает не самый лучший период, хотя и не настолько сильный кризис, чтобы возникла непосредственная угроза дестабилизации российской политической системы. Сама проблема политической системы современной России, эффективность избирательной системы, степень доверия общества к самому институту выборов, в последнее время становятся все чаще предметом дискуссий с участием как российских, так и международных наблюдателей, причем дискуссий, которые зачастую носят спекулятивный характер. В разного рода международных “рейтингах”, характеризующих развитие демократии и степень политических свобод, страну постоянно “задвигают” на место в нижней части списка, ставя в один ряд с наиболее авторитарными режимами Азии и Африки. Основанием для подобного рода инсинуаций служит выстраиваемая нынешними властями “административная вертикаль”, отмена прямых выборов глав субъектов федерации, засилье “административного ресурса” на выборах всех уровней, все более “тотальное” голосование избирателей в пользу “партии власти” и, соответственно, маргинализация всей политической оппозиции.

Как показывают исследования, проблема “непрозрачности” и “управляемости” избирательного процесса действительно существует, она воспринимается обществом скорее негативно, однако общая стабильность социально-политической ситуации в стране снижает актуальность этих проблем и пока они воспринимаются обществом скорее спокойно, по-настоящему волнуя лишь определенные оппозиционные круги. В то же время эта опасность содержит в себе определенную угрозу на будущее, которая может проявиться уже в рамках начавшегося избирательного цикла. Речь идет о снижении легитимности в глазах общественного мнения самого избирательного процесса и результатов выборов. Ведь и в отношении парламентских выборов, и президентских в рамках цикла 2007-08 гг., достаточно распространенным является мнение, что “выбор сделали за нас и без нас”, а мы, избиратели, в лучшем случае его одобрили, причем скорее формально, чем по-существу.

Можно констатировать, что выборы в России до сих пор так и не стали значимым фактором ротации власти. Они остаются сегодня скорее декорацией, являющейся парадной, ритуальной ценностью, и все в меньшей степени институтом “обратной связи” между обществом и властью. Короткий период “настоящих выборов” в России (1990-1999 гг.) не принес обществу счастья и демократии, напротив, привел к массовому разочарованию в эффективности демократических процедур. И, соответственно, сворачивание этого института, выхолащивание его содержания не воспринимается обществом как “что-то страшное”, затрагивающее реальные интересы простых избирателей. Менталитет большей части россиян все больше тяготеет к квазимонархическим формам¹, когда власть подотчетна лишь “высшим силам”, неважно в лице Господа Бога или Президента, но не населению страны. Большая часть россиян, все менее интересующихся политикой и не желающих вникать в нюансы политического процесса, охотно перекладывают ответственность за страну на В. Путина, Д. Медведева, местного губернатора или мэра, и не имеют не только возможностей, но и большого желания что-то менять и на что-то влиять.

Многие наблюдатели, внутри России и вовне, отмечают кризис самого института выборов в современной России. Действительно, за последние годы мы перестали выбирать прямым голосованием глав субъектов федерации, отменены выборы по одномандатным округам, сами результаты выборов, особенно на федеральном уровне становятся все более предсказуемыми, постоянно растет роль так называемого “административного ресурса”. На этом фоне значимость выборов для большинства граждан России не может не падать. Как показало исследование, проведенное ВЦИОМ в июне 2007 года, только 26,6% опрошенных россиян полагали, что в современной России “выборность органов власти – это очень важно”. 47,9% дали также положительный, но более уклончивый ответ на поставленный вопрос, а, по мнению 18,3% опрошенных, выборы большого значения не имеют, при этом 5,9% из них выразили свое неприятие выборов в категорической форме.

Как это показало настоящее исследование, в восприятии населения существенно различается значимость выборов в зависимости от того – кого граждане выбирают. В качестве по-настоящему важных выборов воспринимаются только выборы Президента РФ – 53,3% опрошенных охарактеризовали их как очень важные и еще 31,1% - как скорее важные. Со значительным отрывом от

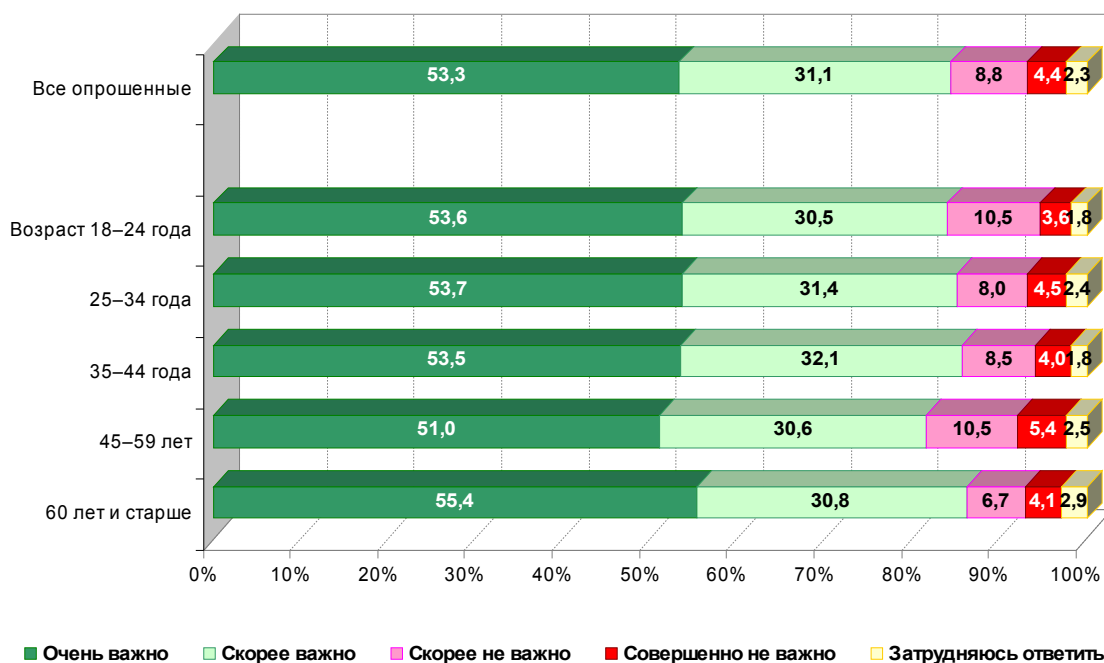
¹ Боков М. Б. Народ и власть. Так все-таки нужна или не нужна России монархия. Мониторинг общественного мнения, 2006, № 3.

этих “главных” выборов следуют выборы депутатов Государственной Думы РФ – 31,2% признает их “очень важными” и еще 33,9% - “скорее важными”, а также выборы глав муниципальных образований – мэров городов и глав администраций районов (для 32,7% опрошенных они – “очень важные” и для 35,6% - “скорее важные”). Замыкают этот список различных выборов выборы в региональные и местные представительные органы власти (законодательные собрания, областные Думы) – 26,1% россиян считают, что они “очень важны” и еще 32,3% - что они “скорее важны”.

Эти данные говорят о том, что выборы воспринимаются в целом позитивно, большинство россиян считают их в той или иной степени важными, однако лишь выборы Президента РФ являются значимостью “первого порядка”, а значимость остальных выборов, в том числе и тех, в которых участвуют политические партии – значимостью “второго порядка” (см. диаграммы 1-4). Это соотношение в целом характерно для практически всех возрастных групп.

Диаграмма 1

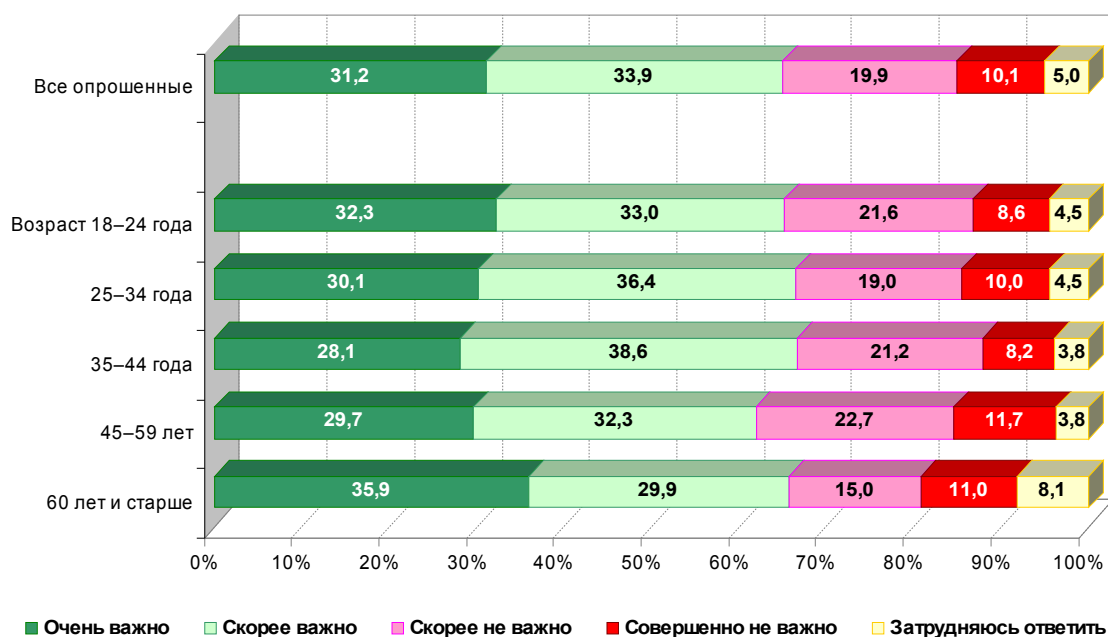
Насколько важными Вам представляются выборы Президента РФ?
(закрытый вопрос, один ответ)

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Диаграмма 2

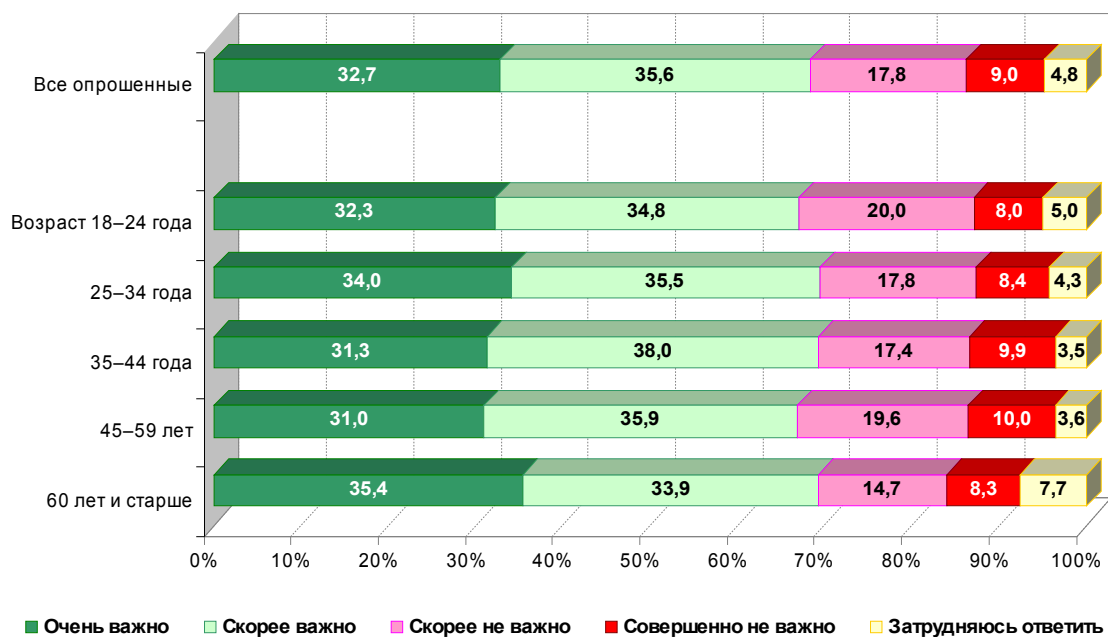
Насколько важными Вам представляются выборы
депутатов Государственной Думы?
(закрытый вопрос, один ответ)

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Диаграмма 3

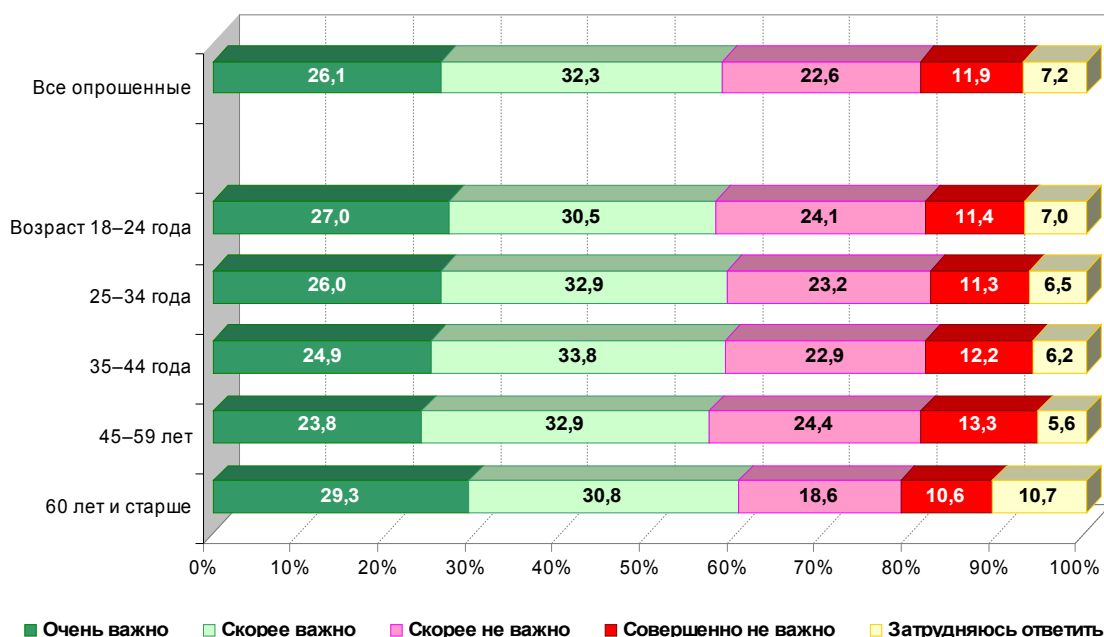
Насколько важными Вам представляются выборы
глав муниципальных образований (мэров городов, глав администраций)?
(закрытый вопрос, один ответ)

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Диаграмма 4

Насколько важными Вам представляются выборы
в региональные и местные представительные органы
(законодательные собрания, областные Думы)?
(закрытый вопрос, один ответ)

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Это означает, что сам институт выборов приобрел в стране скорее парадный, ритуальный смысл, а как инструментальная ценность свое значение во многом растерял. Конечно, этот кризис начался не с пресловутого “построения вертикали”. Огромный удар по самой идее “разделения властей” был нанесен еще в 90-е годы, когда оппозиционная Государственная Дума РФ, большинство в которой составляли КПРФ, ЛДПР, “Яблоко”, ничего не смогла противопоставить проводимой исполнительной властью политике. Тогда за думской оппозицией укрепился имидж политического бессилия, “пустой говорильни”. Государственная Дума стала восприниматься как театр, причем со временем все более скучный, дурно отрежиссированный. Притчей во языцех стало неудачное выражение Бориса Грызлова – “Дума не место для дискуссий”, при этом “думская кухня” в лице многочисленных комитетов и фракций вообще никого не интересует.

Стало общим местом представление о том, что Дума ничего не решает, просто штампует то, что ей укажут свыше, а все депутаты – бездельники, получающие запредельную зарплату и льготы и не трудящиеся даже присутствовать на заседаниях этого органа власти. Понятно, что это

представление является сильно гипертрофированным, но людей не переубедишь, да и никто особо и не старается переубеждать. Если в 1993 году нашлись те, кто готов был с оружием в руках защищать высшую законодательную власть, как бы к ее деятельности в тот период не относиться, то действующая Государственная Дума вряд ли может рассчитывать на подобные жертвы. В глазах общественного мнения она превратилась в одно, не слишком значимое звено чиновничьей административной вертикали, не более того. От ее работы мало кто ждет чего-либо значимого, кто бы в ней не заседал. И тот факт, что в нынешней, как и в предыдущей Думе большинство составляют “единороссы”, пользующиеся поддержкой более 50% избирателей, ничего не меняет в принципе, что лишний раз подтверждает определенную “формальность” этой поддержки, которая, по сути, не слишком дорогого стоит.

Одновременно, на фоне “политического театра”, в которой выродилась законодательная власть, стала стремительно сокращаться “демократия на местах”, ростки которой, появившиеся на рубеже 80-х и 90-х годов, были вытоптаны олигархическими интересами “новых русских” в союзе с коррумпированной местной бюрократией. У значительной части граждан стало складываться убеждение, что есть сфера “моих собственных интересов”, на которые никак не может повлиять деятельность высших, да и любых других выборных органов страны, и выборы как институт их формирования – в том числе.

Подобное отношение к значимости выборов связано с ощущением, присущим большинству наших сограждан, что “выбирай – не выбирай”, от моего личного голоса, от участия в выборах мало его или практически ничего не зависит. И эта точка зрения имеет свои резоны. Действительно, предлагаемые избирателю списки кандидатов от той или иной партии составляются без его ведома. Они являются, как правило, продуктом внутриэлитных договоренностей. Популярны лидеры списков зачастую выступают в роли так называемых “паровозов”, и в дальнейшем, привлекая голоса части избирателей, не участвуют в работе избранного органа власти. А в Думе заседают те, кого никто не знает и за кого никто персонально не голосовал.

Не удивительно, что лишь 18,6% россиян (год назад – 21,1%) продолжают верить, что от обычных избирателей зависит многое. 40,4% (год назад 42,3%) придерживаются в этой связи более осторожного мнения, согласно которому от них лишь кое-что зависит, но весьма немного. И, наконец, 37,8% (год назад -

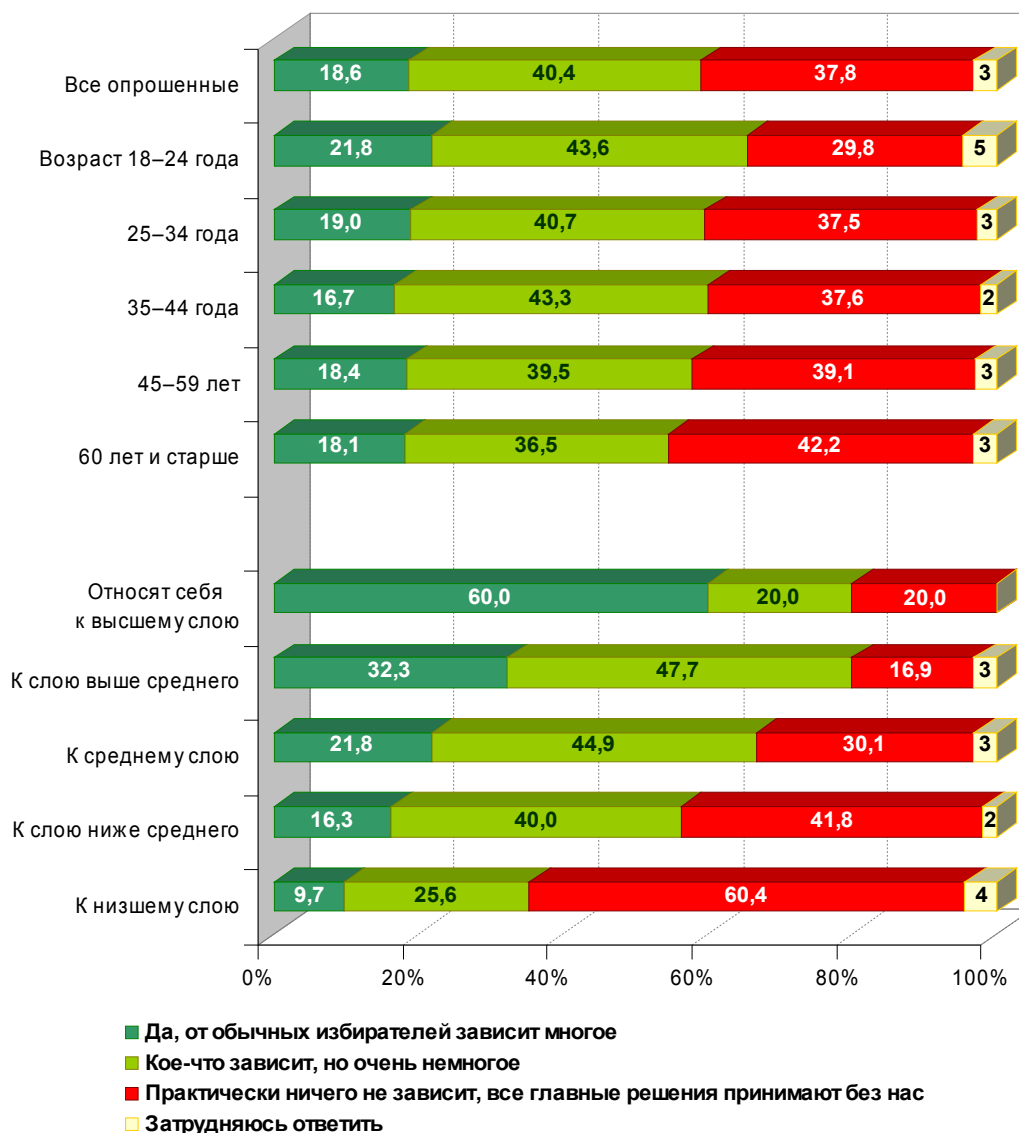
31,6%) опрошенных уверены, что от их голоса практически ничего не зависит, все главные вопросы все равно будут решены “за закрытыми дверями”, без участия их мнения (см. диаграмму 5). Налицо хотя и медленная, но неуклонная тенденция снижения инструментальной ценности выборов, и, как следствие, общая деградация демократического устройства страны. При этом в 2007 году некоторые популярные российские политики, когда их опросили прокомментировать результаты исследования ВЦИОМ, выразили удивление что нашлись тогдашние 21% столь наивных россиян, которые продолжают верить в значимость своего участия в выборах.

Весьма интересными являются результаты исследования, согласно которым ощущение значимости выборов резко повышается по мере приближения к высшим, наиболее преуспевшим слоям общества. Среди тех, кто относит себя к низшему слою, лишь 9,7% считают, что от голоса избирателей что-то зависит, в группе, которую можно отнести к среднему классу таких от 28 до 31%, то среди тех, кто отнес себя к слою высшему, таких уже 60,0%.

Таким образом, наиболее сильное отчуждение от избирательного процесса наблюдается на низших, наименее адаптированных этажах общественной пирамиды. полагают, что от их голоса что-то зависит, то в группе “бедняков” таких лишь 8-10%. Это люди, как правило, не принимающие не только действующую избирательную практику, но весь социально-политический строй, установившийся в стране после крушения социализма. Именно на этом ощущении основываются и достаточно распространенные настроения, согласно которым “власть обслуживает интересы богатых”, “все законы пишутся для тех, кто их оплачивает” и так далее. И этой действительно очень тревожный симптом, свидетельствующий, выражаясь языком коммунистической пропаганды, о “классовом характере буржуазной демократии”.

Диаграмма 5

Как Вы считаете, от обычных избирателей, таких как Вы, зависит, кто придет к власти в нашей стране, и какая будет проводиться политика, или нет?
(закрытый вопрос, один ответ)

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

По мнению аналитиков “Фонда Общественное мнение”, “если говорить об отношении россиян к выборам вообще как политическому инструменту народного волеизъявления, то оно далеко неоднозначно. Превалирующей является точка зрения, согласно которой выборы не отражают мнение народа. В обратном уверены 37% участников опроса (16% затруднились сказать что-либо определенное на этот счет). Такое соотношение мнений на протяжении последних четырех лет является достаточно устойчивым (лишь в апреле 2003 года, когда

был сделан первый замер, сторонников первой точки зрения насчитывалось 44% – чуть больше, чем их оппонентов, доля которых составляла 42%)”².

В то же время, сам институт выборов остается значимой “парадной ценностью” общества, и его существование признается важным даже в условиях “выборов без выбора”, как это и было во времена советской власти. Сами выборы сегодня воспринимаются значительной частью общества, особенно старшим поколением, как своего рода ритуал, акт сопричастности гражданина к политике государства, акт скорее имеющий символическое значение, чем рациональное. И по мере роста легитимности самого современного российского государства, эта функция становится все более значимой. Однако выборы здесь имеют прямо обратное, по сравнению со странами и системами с функциональной демократией, значение – не государство обретает легитимность через выборы, а сам гражданин через символическую процедуру тайного голосования подтверждает свою легитимность как гражданина.

Нет в обществе большого доверия и к тому, как ведутся в последнее время избирательные кампании. У всех в памяти и несправедливое распределение эфирного времени, и жесткое давление в пользу “нужной” партии или “нужного” кандидата губернатора или мэра, и, наконец, снятие “проштрафившихся” партий с дистанции накануне выборов без должного обоснования. Последнее характерно для выборов в региональные Законодательные собрания в сезоне 2006-2008 гг., когда снятие “Родины”, “Яблока”, других партий с дистанции под надуманными предложениями существенно исказило результаты выборов.

Особенно большие сомнения у россиян по поводу того, как проходят выборы в регионах, на местном уровне. В то же время меньше всего претензий к избирательным кампаниям по выборам Президента РФ. Так 17,5% россиян в июне 2007 года считали проходящие в стране президентские избирательные кампании “безусловно, честными”, с другой стороны, и безусловно нечестными их считало еще более глубокое меньшинство – 5,9%.

Основная часть населения придерживается промежуточных позиций. 45,2% опрошенных считали избирательные кампании по выборам Президента РФ скорее честными, а 18,4% - скорее нечестными.

Понятно, что при всех возможных издержках президентских кампаний, общество все же готово признать их результаты в целом отвечающими волеизъявлению граждан. Значительно больше претензий к выборам в

² Сайт “Фонда общественное мнение”. Исследование 2008 г.

Государственную Думу РФ. Только 7,0% считают эти выборы и предшествующие им избирательные кампании, безусловно, честными, еще 32,7% - скорее честными.

Еще менее привлекательно выглядят выборы и избирательные кампании по выборам региональных законодательных властей. Лишь 6,3% характеризуют эти избирательные кампании как безусловно честные и еще 28,5% - как скорее честные. Таким образом, основной кризис доверия к институтам выборов зреет снизу, и практика проведения выборов в регионах страны и на местном уровне в наибольшей степени не устраивает россиян.

Определенные сомнения высказываются россиянами и в отношении честности процедуры подсчета голосов. В безусловную честность этой важнейшей процедуры выборов в том же 2007 году верили только 10,7% опрошенных. 29,6% придерживались диаметрально противоположного мнения, они склонны считать, что голоса подсчитываются нечестно, происходит масштабная фальсификация результатов в пользу угодных властям партий и кандидатов. По мнению же почти половины опрошенных, 48,0%, при подсчете голосов возможны отдельные ошибки и подтасовки, но не настолько значительные, чтобы поставить под сомнение полученные на выборах результаты.

Среди причин, вызывающих у части наших граждан сомнения в законности состоявшихся в декабре 2007 года выборов Государственной Думы, на первые места выдвигаются такие как возможность фальсификации при подсчете голосов избирателей, нарушения во время самого процесса голосования (19%), заранее существующая предрешенность в результате выборов – все равно пройдут те партии, “которые нужны” (13%), “продажность” самой избирательной системы – место в будущей Государственной Думе можно купить за деньги, таким образом, все решает материальный фактор (12%).

Менее распространены такие причины недоверия как давление на избирателей, их подкуп со стороны отдельных партий и кандидатов (6%), низкое качество некоторых потенциальных кандидатов – среди них есть имеющие судимость, кое-кто не имеет высшего образования и так далее (3%), отсутствие равных условий для партий и кандидатов на этапе избирательных кампаний (2%).

И все-таки, что определяет решение – голосовать или не голосовать? Среди причин и мотивов, которыми руководствуются те избиратели, которые не намерены принимать участие в выборах, наиболее распространены такие как

неверие в то, что их голос как-то повлияет на результат выборов (32,0%), отсутствие интереса к политике вообще и выборам, в частности (25,4%), личные и семейные обстоятельства, не позволяющие прийти на избирательный участок (18,0%), отсутствие среди политических партий той, которая вызывает симпатию (17,9%), неверие в честность подсчета голосов (16,0%), отсутствие реальной власти у вновь избранных депутатов Государственной Думы (7,4%), благополучие ситуации в стране, при которой вообще не имеет смысла чего-то менять и избирать новую власть (6,4%).

Среди тех, кто все-таки намерен голосовать, в качестве основных причин и мотивов подобной позитивной установки назывались такие как намерение выполнить свой гражданский долг (патриотическую обязанность), поскольку все избиратели должны участвовать в выборах (32%), привычку, воспитание, устоявшийся ритуал всегда ходить на выборы (18%).

Менее значимыми мотивами оказались такие, как намерение поддержать свою партию, своего кандидата (7%), надежда на перемены к лучшему (6%), намерение воспользоваться своим конституционным правом (5%), нежелание дать кому-то воспользоваться своим голосом и тем самым исказить результаты выборов (4%), надежда на то, что мой голос на что-то повлияет (4%), интересно участвовать в выборах первый раз (4%), стремление выразить свое мнение, участвовать в формировании органов власти, в выборе политического пути страны (3%), небезразличие в отношении того, кто придет к власти, кто будет управлять страной (2%), боль за Россию, за судьбу будущих поколений (2%).

Можно сделать вывод, что основная часть позитивной мотивации к участию в выборах носит символический и ритуальный характер, что более характерно для избирателей старшего поколения. Отсутствие ясной рациональной мотивации, возможности реально на что-то повлиять в наибольшей степени “отпугивает” от участия в выборах современную российскую молодежь.

Утрата института выборов как инструментальной ценности, механизма влияния рядового гражданина на политику не может не сказаться и на общем интересе современных россиян к политике, политическому процессу. Согласно мониторинговым данным ВЦИОМ, он невелик и продолжает снижаться все последние годы.

Только 6,8% опрошенных россиян, по их собственным словам, безусловно, интересуются политикой, еще 30,3% - скорее интересуются, от случая к случаю. Гораздо больше тех, кто сегодня политикой не интересуется – 23,6% совсем не интересуются и еще 37,4% - скорее не интересуются (см. диаграмму 6).

Весьма характерным для современной социальной структуры российского общества является и то обстоятельство, что наиболее политизированными оказывается не социальная “середка” общества, не его средний класс, а самые состоятельные россияне. Так среди тех, кто охарактеризовал свое материальное положение как очень хорошее, безусловно, интересуются политикой 15%, а около 77% - тех, кто в целом интересуется.

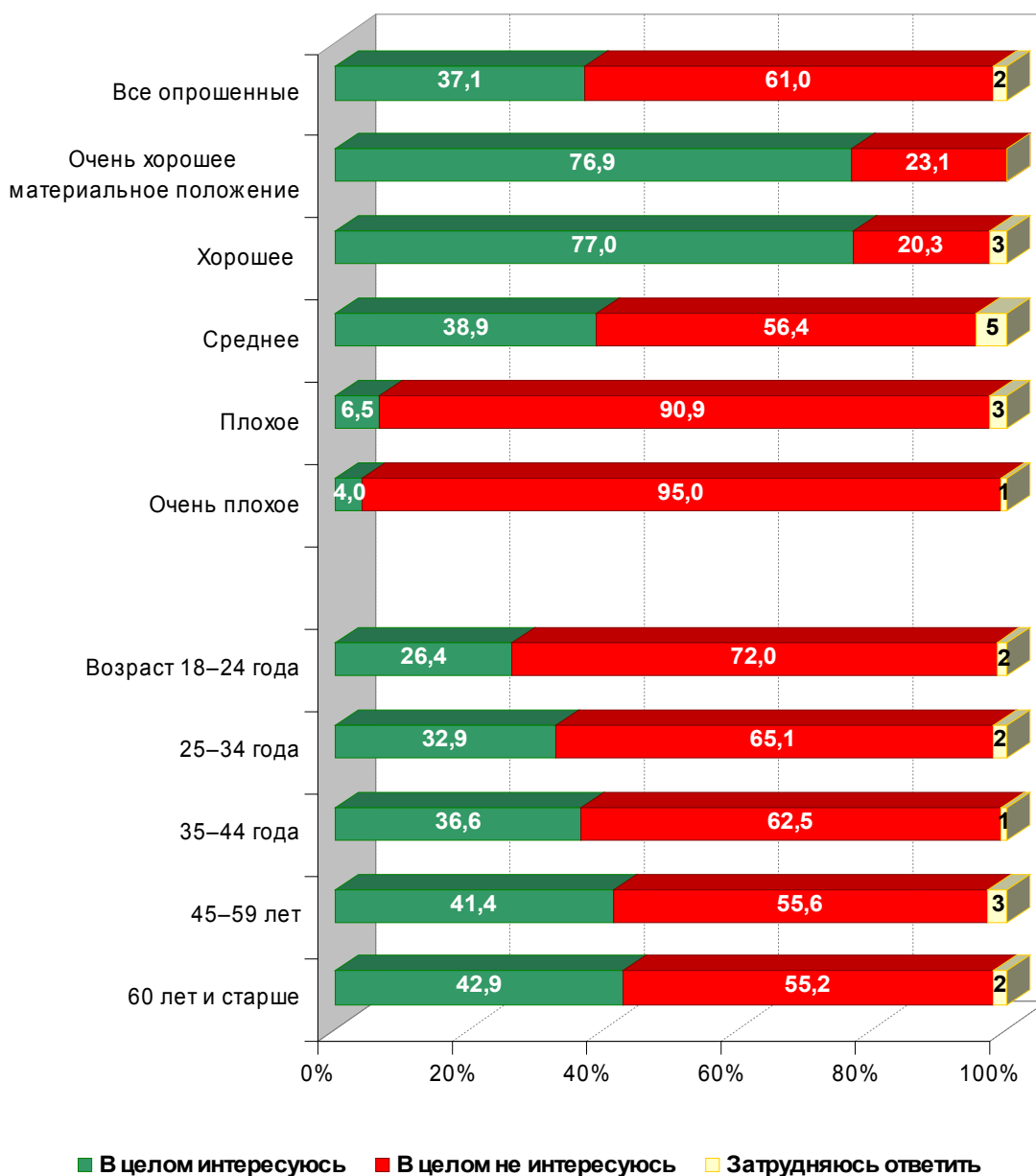
С другой стороны, среди тех, чье материальное положение очень плохое интересуются политикой 12% опрошенных, тогда как в средней части общества уровень интереса к политике не превышает 6-7%.

Это обстоятельство ярко проявляет себя в политической жизни страны, когда носителями наиболее активного политического протеста является немногочисленные либералы, близкие к “Другой России”, с одной стороны, и “левые”, представляющие преимущественно российскую бедноту, с другой. Вторая группа намного более многочисленная.

Еще более характерен возрастной разрез. Среди молодежи до 24 лет политикой «безусловно, интересуются» всего 3% опрошенных (и 26,4% - интересуются в целом), а 72% совсем не интересуются или скорее не интересуются. Среди старшего поколения россиян, тех, кому за 60 лет, эти цифры составляют, соответственно, 11%, 42,9% и 55%.

Диаграмма 6

Скажите, пожалуйста, интересуетесь ли Вы политикой?
(закрытый вопрос, один ответ)

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Согласно данным исследования ИС РАН о политической активности бедных и малоимущих россиян³, наиболее политически активной группой общества являются пенсионеры, люди старших возрастных групп. Это касается и личного участия в политических акциях, митингах и демонстрациях (2,0%), и внимательного интереса к политике (33,8%). Это связано, на наш взгляд, с двумя

³ “Малоимущие в современной России”. Исследование ИС РАН под рук. М. К. Горшкова, 2008 год

факторами, которые мы отмечали выше. Пенсионеры являются в России одной из немногих консолидированных социальных групп, осознающих свои общие социально-экономические интересы. Кроме того, люди старших возрастов застали время пика политической активности в стране, пришедшееся на конец 80-х годов и начало 90-х годов, и по инерции продолжают за политикой следить. Ну и, наконец, у них есть свободное время, чтобы смотреть телевизионные новости и информационные передачи, посещать уличные акции протеста. По контрасту с активными пенсионерами, группа “молодых бедных” и “молодых условно бедных” выглядит, напротив, наиболее пассивной и неполитизированной. Ни один из опрошенных молодых бедных не принимал личного участия в политических акциях (в группе “условно бедных” эта цифра составляет 0,8%). Внимательно следят за политикой 13,0% бедных и 9,7% “условно бедных” россиян. А совсем не интересуются политикой 58,3% “бедных” и 51,65% “условно бедных”. На фоне активных пенсионеров и пассивных молодых малоимущих, обычные благополучные слои общества приближаются к среднестатистическим показателям. Среди них 1,4% лично участвовали в политических акциях, 20,0% внимательно следят за политикой, 36,5% - изредка обсуждают вопросы политики в компании друзей и товарищей по работе, а 34,0% совсем не интересуются политикой (см. таблицу 1).

Таблица 1

Политическая активность различных групп общества

	Пожилые россияне (старше 50 лет)	Бедные	Условно бедные	Малоимущие	Благополучные	всего
Лично участвовали в политических акциях	2,0	0,0	0,8	0,3	1,4	1,3
Внимательно следят за политикой	33,8	13,0	9,7	17,3	20,0	26,2
Изредка обсуждают вопросы политики	32,7	28,7	37,9	37,8	36,5	34,9
Не интересуются политикой	31,5	58,3	51,6	44,6	34,0	37,6

Источник: ИС РАН, 2008 г.

Таким образом, молодое поколение россиян практически не интересуется политикой, а старшее ей интересуется в большей степени в силу инерции, привычки, сформированной более бурными прошедшими десятилетиями.

Равнодушие современных поколений россиян к политике является одним из главных факторов, определяющих кризис партийно-политической системы России нынешней эпохи. В условиях равнодушия к политике большей части россиян не хватает энергии для строительства нормальных политических партий, и эта энергия подменяется активностью “сверху”, исходящую из всем известных кабинетов Кремля и Старой площади. Это равнодушие частично вызвано объективными факторами, связанными с общей политической стабильностью, а в определенной степени спровоцировано (точнее усилено) действующим избирательным законодательством и практикой его применения.

1.2. Завершившийся избирательный цикл и проблемы развития партийно-политической системы

Общее проблемное состояние современной российской политической системы существенно сказывается на общей легитимности выборов, в особенности выборов представительных органов власти. Этому способствуют такие факторы как общая низкая политическая культура большей части населения страны, несформированность партийной системы, отсутствие авторитета у политических партий и Государственной думы как общественно-политических институтов, последние нововведения в избирательное законодательство, которые устанавливают максимальную психологическую дистанцию между волеизъявлением граждан и результатами выборов. Партийные списки, за которые голосуют граждане, составляются без участия общественного мнения, решения принимаются партийной бюрократией. Результаты выборов, как правило, носят заранее предрешенный характер. Очень велика на них роль так называемого административного ресурса, когда к негодным партиям возможны любые придирки, вплоть до снятия их с дистанции под надуманными предлогами, тогда как нарушения со стороны “партии власти” остаются заведомо безо всякой правовой оценки. И, наконец, нынешняя партийно-политическая система не в состоянии взять на себя реальное представительство тех или иных слоев и групп российского общества, а интересы и политическое самосознание этих групп остаются скорее в латентном состоянии, и пробивают себе дорогу различными “скрытыми каналами”. Однако вопрос о том, подлежит ли партийно-политическая система России эффективному реформированию или же она, как считают немало аналитиков, вообще не реформируема и не подходит для России, остается открытым. Очевидным представляется то, что за кризисом многопартийности в

России стоят как объективные предпосылки, связанные с коренной трансформацией социальной структуры общества, так и субъективные, связанные с намерением властей использовать партийную систему в узко прагматических интересах. Нет в российской политической элите и консенсуса относительно основных путей реформирования политической системы.

Если многочисленные российские аналитики уже давно обращали внимание на несовершенство выстроенной в последние годы партийно-политической системы, то завершившийся избирательный цикл скорее усилил эти опасения, чем их развеял. Вроде бы все “прошло гладко” – в Думу прошли четыре партии, их успех был в основном заранее предсказан, “обиженных” партий, которых, по их собственной оценке, “не пустили в Думу” – не было. Расклад сил в обществе, зафиксированный результатами выборов, в целом отражает настроения в обществе. Все так... но. Складывается впечатление, что все же легитимность этих выборов оказалась не на самом высоком уровне, есть ощущение явного перебора административного ресурса, использовавшегося и до, и во время избирательной кампании, в целях “выстрижения политического газона”, убирая с дороги и кого надо, и кого не надо. У многих аналитиков и у значительной части россиян, как это показали опросы общественного мнения, сложилось впечатление, что изменения в избирательном законодательстве, произведенные накануне выборов, преследовали именно эту цель – усиления контролируемости процесса выборов со стороны властей, страховки от любых возможных и невозможных неожиданностей.

Действительно, парламентские выборы в рамках последнего избирательного цикла сопровождались рядом нововведений в избирательное законодательство. Не все из них встретили равно позитивное отношение и общества, и экспертов. В наибольшей степени сказанное касается отмены графы «против всех». Как показала серия опросов, проведенная ВЦИОМ, отмена соответствующей графы не встретила однозначной поддержки общества. Более того, 51,8% опрошенных скорее не поддерживали отмену графы, а скорее поддерживали только 33,7%. Обществу оказался отнюдь не ясен смысл и последствия данного нововведения, а ссылки на соответствующие законодательства в странах «развитой демократии» не кажутся уместными. Хотя бы потому, что в этих странах не часто происходит снятие с дистанции неугодных партий или кандидатов накануне выборов, причем партий, входящих в число фаворитов кампании, как то происходило в некоторых регионах на выборах законодательных собраний в 2006-07 гг. Как показал опрос,

проведенный ВЦИОМ в октябре 2006 г., примерно 22,5% россиян за последние десять-пятнадцать лет хотя бы раз голосовали «против всех». 82,5% из них делали это, согласно их собственной оценке, по причине недоверия ко всем кандидатам, отсутствию среди них достойных. Наибольшее число тех, кто когда-либо голосовал «против всех» - среди нынешних сторонников ЛДПР – 33,4%. Голосовавших «против всех» больше среди лиц средних возрастов (от 35 до 50 лет), с высоким уровнем образования. И уже этот факт опровергает аргументы, что голосуют «против всех» люди малоинформированные и равнодушные к политике, которым сложно разобраться в длинных списках партий и кандидатов. По мнению 80,0% голосовавших против всех, голосуя подобным образом, они не добились каких-либо политических результатов, которыми были бы удовлетворены. Главный результат – вовсе не в конкретных политических результатах, они обратили внимание властей на свое неудовольствие происходящим, не «взяли греха на душу», проголосовав за неизвестного или сомнительного кандидата.

Голосование «против всех» – это одна из немногих ранее доступных форм выражения протеста, пусть и недостаточно действенная, способ выразить властям свое отношение. Конечно, голосование «против всех» является далеко не единственным и не самым эффективным способом выражения своего недовольства. На вопрос, как бы Вы посоветовали поступить на выборах тем, кто недоволен существующим положением дел, заданный ВЦИОМ в мае 2007 года, лишь 16,4% посоветовали проголосовать в графе «против всех». Самое большое число опрошенных – 29,5% - считают наиболее эффективной формой протеста, напротив, голосование за партию находящуюся у власти, так как именно от ее усилий зависит решение проблемы. Подобная мотивация наблюдается и в политической практике последних лет, когда та же «Единая Россия» регулярно собирает голоса не только тех, кто доволен тем, как идут дела в стране, но и протестные голоса - как справа, так и слева. 18,8% советуют недовольным вообще не участвовать в выборах, остаться дома. Только 16,1% полагает, что лучшим способом выражения недовольства является голосование за оппозиционную политическую партию или оппозиционного кандидата. И, наконец, 2,3% опрошенных посоветовали бы недовольным прийти на выборы, но при этом испортить (порвать, выбросить) избирательный бюллетень. Как видно из этих данных, политическая и избирательная практика даже после отмены графы «против всех» оставляет избирателю достаточно широкий спектр возможных

действий. Однако этот спектр возможностей существенно отличается от аналогичного спектра в странах развитой демократии, где наиболее естественной формой выражения протеста против действий властей является голосование за оппозицию. В реалиях сегодняшней России оппозиции как значимого политического фактора нет. Та, которая представлена в Думе, является скорее ее «местоблюстителем», занимает место, чтобы на него не сел кто-то еще. Конечно, в таком плачевном положении оппозиции виноваты не только власти, без всякой нужды «выстригающие политический газон», но и само общество, которое всего – и плохого, и хорошего – продолжает ждать только от властей, но ни в коей мере от самого себя.

Согласно исследованию “Фонда Общественное мнение”⁴, “русские избиратели дорожат правом голосовать против всех кандидатов или партий, участвующих в тех или иных выборах: 59% опрошенных заявили, что избирательные бюллетени должны содержать графу ‘против всех’. Считают эту графу излишней 24% респондентов, не имеют определенного мнения – 16%. Аргументируя свою точку зрения, сторонники данной графы чаще всего апеллировали к принципу свободы политического волеизъявления (23%) – *‘если кто хочет, пусть будет возможность’*. Второй по распространенности довод состоял в том, что эта графа нужна на случай отсутствия в избирательных бюллетенях достойных кандидатов (16%). Протестный мотив – возможность посредством голосования ‘против всех’ выразить недоверие властям – звучал гораздо реже (6%). Главной причиной несогласия с графой ‘против всех’ была уверенность респондентов в том, что в списке ‘плохих’ кандидатов всегда найдется хоть один ‘хороший’: *‘достойного все равно можно выбрать’*, *‘все не могут быть плохими’* (10%). Сравнительно часто респонденты говорили и о бессмысленности участия в голосовании, не сопряженного с тем или иным позитивным выбором: *‘если пришел на выборы, то выбирай’* (4%). По мнению 58% опрошенных, избирателю, не желающему отдавать свой голос ни за одного из кандидатов или партий, участвующих в выборах, следует не игнорировать выборы, а голосовать ‘против всех’. Противоположное мнение – что в этом случае лучше просто не идти на выборы – разделяют 22% опрошенных. Отметим, что год назад, в октябре 2004 года, россияне поддерживали первую точку зрения несколько реже (52%), а вторую – несколько чаще (29%). Самый распространенный довод респондентов, высказавшихся в пользу участия в

⁴ Сайт “Фонда общественное мнение”. 24 ноября 2005 года. Автор – Ирина Шмерлина

выборах с возможностью голосовать 'против всех', – снижение вероятности подтасовок с использованием незаполненных бюллетеней (15%). Весомым является и мотив политической дисциплины, гражданского долга: *'все должны ходить на выборы', 'у граждан страны есть обязанности, в том числе и ходить на выборы. Это долг каждого – проголосовать, пусть и «против всех»'* (10%). Столь же часто респонденты говорили о том, что голосование 'против всех' – это проявление определенной гражданской позиции, которая должна быть услышана властями (10%). Мнение тех, кто считает, что избирателю, не имеющему политических предпочтений, лучше остаться дома, обосновывается главным образом бессмысленностью 'нулевого политического участия': не пойти на выборы или проголосовать 'против всех' – *'это одинаково, и нет смысла тратить время'* (11%). Таким образом, в сознании большинства избирателей голосование 'против всех' не равнозначно отказу от участия в политической жизни страны. В то же время далеко не во всех случаях голосование 'против всех' является 'протестным голосованием'. Этот вывод подтверждают и ответы респондентов на вопрос о том, почему некоторые люди голосуют против всех. Интерпретирует такой выбор как осознанный акт протеста треть опрошенных (31%). При этом каждый второй респондент (51%) называл в числе причин, побуждающих избирателей голосовать таким образом, отсутствие в списках для голосования достойного кандидата. Близки к этому мотиву и версии, согласно которым к голосованию 'против всех' подталкивает недостаток информации о кандидатах (17%), а также трудность выбора в пользу одного из претендентов (14%). Каждый пятый (19%) говорил о таком мотиве, как опасение по поводу подтасовок, возможных в результате большого количества незаполненных бюллетеней; столько же (18%) указывали на отсутствие интереса избирателя к политическому процессу и его участникам (респонденты, отвечая на соответствующий закрытый вопрос, могли выбрать несколько версий, поэтому сумма ответов намного превышает 100%). Для себя лично допускают возможность проголосовать 'против всех' на каких-либо выборах 52% респондентов, исключают такую возможность – 40%. Причем за последний год ситуация изменилась весьма существенно: в октябре 2004 года считали такой электоральный выбор возможным для себя только 37% избирателей, невозможным – 44%. Доля респондентов, заявляющих, что они одобряют людей, которые голосуют 'против всех', также заметно возросла (с 28% до 38%), а доля выражающих осуждение в их адрес – столь же ощутимо сократилась (с 48 до

39%). Более того, резко выросла (с 14% до 23%) и доля респондентов, утверждающих, что им самим доводилось на тех или иных выборах голосовать 'против всех' (а доля дающих противоположный ответ сократилась с 81% до 72%). Очевидно, что в реальности такой масштабный сдвиг в численности имеющих подобный опыт произойти не мог: общенациональных выборов за это время не было, региональные и муниципальные – имели место далеко не повсеместно, и 'обвального' роста доли голосующих 'против всех' на них не наблюдалось. Следовательно, год назад многие были склонны 'забывать', что они когда-либо голосовали 'против всех', а сейчас – 'вспоминают' об этом. Иначе говоря, мы наблюдаем ярко выраженную тенденцию к легитимации такого электорального поведения”.

Остановимся и на других инновациях избирательного законодательства. Что касается ужесточения мер к кандидатам и политическим партиям, допускающим экстремистские высказывания и действия, то здесь мнение общества и мнения экспертов значительно расходятся. Общественное мнение не любит и опасается экстремистов, поэтому 72,5% опрошенных против 13,1% в мае 2007 года были готовы поддержать данную меру. Однако эксперты видят в этом нововведении опасные «подводные камни». По их мнению, неоднозначность трактовки понятия «экстремизм» может привести к росту административного произвола на выборах и узаконить практику сведения счетов с политическими конкурентами. Принятый Государственной Думой новый закон вызвал острую критику со стороны многих общественных и правозащитных организаций. Согласно их логике, расширительное толкование экстремизма в рамках закона по борьбе с ним создает опасный прецедент, когда деяния, подпадающие под уголовное законодательство, становятся предметом компетенции административного судопроизводства или вовсе пресекаются во внесудебном порядке. В демократическом обществе любой конфликт интересов, особенно между государством и личностью или государством и общественной организацией, разрешается в суде - а перед нами закон, позволяющий органам власти, не утруждая себя следствием и сбором убедительных доказательств, регулировать деятельность неправительственных организаций. Тем более, когда речь идет о таком широком толковании слова "экстремизм", какое предлагает одобренный Госдумой законопроект. Или пункт о публичной клевете на чиновников - по сути, он пресекает всякую возможность подвергать критике деятельность представителей власти. А это означает, что под вывеской борьбы с экстремизмом

власти могут легализовать использование так называемого «административного ресурса», роль которого в современном избирательном процессе и без того чрезмерно велика для страны, претендующей на статус демократического государства. Подобное вмешательство уже имело место в ходе серии выборов в региональные законодательные собрания в период с декабря 2005 по март 2006 года. Незадолго до выборов в Московскую городскую думу по обвинению в разжигании национальной розни была снята с регистрации партия «Родина», считавшаяся одним из фаворитов кампании, а в ходе мартовской кампании эта партия была допущена к участию в выборах лишь в двух регионах. Как результат, смена руководства в «Родине» и прекращение ее самостоятельного политического существования. Все это заставляет предположить, что законодательные меры, направленные на усиление борьбы с экстремизмом, тесно связаны с электоральными процессами в современной России.

В декабре 2006 года Государственная Дума приняла еще одно нововведение, реакция на которое и общественности, и избирателей оказалась также неоднозначной. Речь идет об отмене порога явки на выборах всех уровней. Авторы этого закона опять-таки ссылаются на опыт многих зарубежных стран с развитой демократической системой. Одна в отличие от этих стран, в России «привычка к демократии» еще только формируется. Многие группы населения, особенно молодежь, не считают нужным принимать участие в выборах. К самим выборам как форме народного волеизъявления в определенных сегментах общества начинает проявляться скептическое отношение. И власть, какими бы мотивами она не руководствовалась, фактически подыгрывает этим настроениям, как бы говоря своим избирателям – «и не надо, можете на выборы не ходить». Не случайно, лишь 15% опрошенных готовы были в момент принятия этой поправки полностью поддержать данное нововведение, еще 29% высказались «скорее за», а около 40% россиян высказали к нему свое негативное отношение. Многие при этом полагают, что отмена порога явки и, как следствие, снижение этой явки могут открыть пути для масштабной фальсификации голосований – вбросу в урны бюллетеней не явившихся на участки избирателей с нужным властям результатом.

Нельзя не коснуться и тех изменений в избирательное законодательство, которые были сделаны ранее, но были апробированы лишь в рамках нынешнего избирательного цикла. Речь идет о переходе на пропорциональную систему выборов, которые с прошлого года проходят лишь по партийным спискам.

Учитывая низкий рейтинг политических партий как общественного института, легко объяснить то, что эта мера не пользовалась поддержкой большинства граждан ни в 2004 году, когда она была объявлена в «пакете антитеррористических мер» В. Путиным, ни сегодня, по прошествии более двух лет. В марте 2007 года лишь 26% опрошенных россиян высказались в поддержку перехода к выборам в Государственную думу по партийным спискам, тогда как 40% высказались против этого. По мнению противников пропорциональной системы, ее введение ведет не столько к укреплению многопартийности в современной России, сколько к монополизации политической жизни властными элитами. Происходит дистанцирование большей части граждан от работы законодательных органов, в которых избиратели не видят своих представителей, персонально за которых они отдали свой голос. Еще менее приемлемой представляется практика выборов только по партийным спискам в регионах, где партии как институт укоренены еще в меньшей степени, чем на федеральном уровне. Лишь 12% опрошенных ВЦИОМ в ходе того же исследования 2007 года назвали выборы только по партийным спискам лучшим способом формирования представительной власти в регионах, 15% высказались за мажоритарную систему выборов, когда все депутаты представляют свой территориальный (одномандатный) округ. Почти вдвое больше тех (31%), кто считает оптимальной смешанную систему – ту, которая и существовала в регионах до 2005 года. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что развитие избирательного законодательства в последние годы явно идет по не самому оптимальному пути, вместо стимулирования граждан к политической активности, свободному волеизъявлению, оно отражает интересы скорее правящей элиты закрепить свою монополию на власть, оградить себя от разного рода неожиданностей.

Ну и, наконец, то, что касается 7-% барьера. На первый взгляд, в 2007 года ни одна из партий не пострадала от введения этого барьера. Однако в отличие от 2003 года этот барьер сразу поставил в фактически безнадежное положение партии, не относящиеся к первому кругу фаворитов, что во многом привело к потере ими их и без того скромного электората – они предпочли присоединиться к кому-то из будущих победителей, не видя смысла голосовать за аутсайдеров. Можно смело утверждать, что для современной России с ее неустоявшейся партийной системой, и без того сверхмонополизированной политической жизнью, введение 7-% барьера не способствовало эффективности нашей партийно-

политической системы. Как отметил в своей публичной лекции В. Гельман⁵, “эти институциональные изменения, направленные на электоральное доминирование «партии власти» на уровне выборов в стране в целом. Здесь были сделаны шаги по резкому повышению входных барьеров на электоральный рынок. Напомню, что после 2003 года заградительный барьер для прохождения партий в Государственную Думу был поднят до 7%, по мировым меркам высокий барьер, хотя, конечно, есть страны, где он еще выше. Это принятие нового закона о партиях, который резко сократил количество политических партий в России. Если до нынешней версии закона о партиях в России было зарегистрировано 46 политических партий, то сейчас их количество снизилось до 15, затем 14, но фактически будет еще меньше. Собственно, последний цикл выборов приведет к отмиранию еще некоторого количества партий. Запрет на предвыборные блоки – очень важный шаг. И в целом все эти шаги довольно сильно способствовали достижению электорального доминирования и тому, что в течение двух сроков подряд «Единая Россия» обладает сверх-большинством – более 2/3 мест в Государственной Думе”.

Как следствие, общественное мнение фиксирует определенный кризис развития демократии в современной России. Только 25% опрошенных считали в 2007 году, что демократический процесс в стране успешно развивается. 34% считали, что он сохраняется, но “затормозился”. По мнению 14% россиян, демократический процесс в стране и вовсе пошел на убыль. Но винить в этом действия одних только нынешних властей было бы далеко неправильно. Налицо вина и прежних властей, и самого общества, и “демократов”, участников демократического процесса. Несмотря на не самые “блестящие” итоги пятнадцатилетнего развития демократии в нынешней России, разочарование многих россиян демократическими процедурами, демократия была и остается важной политической ценностью. 47% опрошенных выступают исключительно за законную смену власти в стране, против захвата власти с помощью уличных беспорядков или дворцовых переворотов (как это имело место в некоторых соседних странах бывшего СССР). Еще 23% придерживались такой же позиции, хотя и с некоторыми важными оговорками. 10% связывали легитимность процесса смены власти с перспективами “неухудшения” экономического положения в стране, а 13% с перспективами недопущения раскола общества, политического кризиса в стране.

⁵ В. Гельман. Трансформация российской партийной системы. Полит.Ру, 24 марта 2008 г.

Что для сегодняшних россиян, в первую очередь, связывается с понятием “демократия”? Это свобода слова, прессы, вероисповедания (51%), экономическое процветание (43%), социальная справедливость и равенство (42%), порядок и стабильность (26%), неукоснительное исполнение закона (23%), выборы государственных лидеров народом (17%). Меньшее значение для демократии имеют гарантии прав меньшинств (4%), подчинение меньшинства большинству (3%). Для части россиян демократия ассоциируется исключительно с общественным негативом – для них она “когда каждый делает все, что ему нравится” (6%), анархия и безвластие (3%), пустая болтовня (6%). В этом списке хорошо видно, что сами по себе выборы властей не воспринимаются как самый значимый фактор демократии, гораздо важнее оказывается общий социальный и экономический контекст состояния страны

Если подводить промежуточные итоги демократического развития страны за последние десятилетия, то они носят явно противоречивый характер. Ряд институтов, связанных с демократическим процессом либо успешно прижились, либо процесс их приживания идет, хоть и с трудностями. Это касается свободных выборов органов власти (согласно данным ВЦИОМ за декабрь 2007 года, 46% россиян полагают, что этот институт успешно прижился и еще 33% - что рано или поздно приживется), развития многопартийной системы (по мнению 52% она успешно прижилась и 29% видят это в недалеком будущем), свободы и независимости средств массовой информации (по мнению 48% опрошенных это уже стало реальностью, и еще 31% надеются на это в недалеком будущем).

Зато налицо явная пробуксовка с верховенством законов и Конституции, законопослушностью властей и общества (только 17% видят это в сегодняшней России, 40% надеются на будущее и 26% не верят в возможности для этого в России в принципе), с равенством всех граждан перед законом (11% видят его в современной России, 35% надеются на будущее, и 41% не верят в возможность в принципе), в умении и желании граждан бороться за свои права (12% полагают, что этого мы уже добились, 46% верят в возможность этого в будущем и 28% не верят в принципе).

Сам завершившийся избирательный цикл 2007-08 гг., в ходе которого были избраны новая Государственная Дума и Президент РФ, в определенной степени подвел итоги длительной эволюции партийно-политической системы страны, происходившей при В. Путине, одновременно оставив целый ряд существенных вопросов относительно ее будущего.

Выборы ожидались и прошли со вполне предсказуемым результатом “в одни ворота”, при этом роль административного ресурса, по оценкам многих наблюдателей, проявлялась более сильно, чем в любых предшествовавших кампаниях. По сути дела, Кремль взял на себя не только задачу обеспечения “Единой России” максимального результата, но и начал все активнее вторгаться и в дела партий, конкурирующих с кремлевским фаворитом (например, под давлением Кремля была проведена чистка списков “Справедливой России”). “Единая Россия” была поставлена не просто в лучшие, а в суперльготные условия, ей разрешено все, чего и близко не разрешено ее оппонентам.

Однако, несмотря на “оглушительный успех”, “Единая Россия” оказалась в довольно непростом положении как политическая партия. Во время исторических событий осени 2007 года, когда были приняты решения и о том, что В. Путин лично возглавляет список этой партии, и о выдвижении Д. Медведева “кандидатом Кремля”, и уже весной 2008 г. о том, что В. Путин, не вступая в партию, становится ее лидером — были приняты не самой партией, а были “спущены ей сверху”. Не принесли партии “политического счастья” и первые месяцы после выборов Президента РФ. Как отмечает один из лидеров “ЕР” Андрей Исаев⁶, “сказать, что правительство у нас “партийное”, по-прежнему нельзя. Лидер “Единой России” стать ее членом не захотел, ни одного нового министра или хотя бы заместителя министра — “единоросса” в Белом доме не появилось. Все принципиальные решения принимаются в обход партии — она может через консультации или парламент лишь слегка подкорректировать их. А иногда и не может... 8 мая при утверждении Владимира Путина на пост премьера “Единая Россия” отказалась от права задать кандидату вопросы. “У нас много возможностей общаться в другом формате”, — заявил тогда Борис Грызлов. У него лично возможности, может, и есть, но про других членов фракции — рядовых и не очень — такого не скажешь. Заседания правительства, где депутаты имеют возможность присутствовать и получать информацию из первых, так сказать, рук, при Путине-премьере стали проводиться не раз в неделю, как раньше, а раз в месяц. А первая встреча фракции с вождем состоялась лишь 29 июня. Да и там не согласованные заранее с руководством вопросы совсем не приветствовались... Во время обсуждения внесенных правительством поправок в бюджет 2008 года, бюджеты социальных фондов и налоговое законодательство “единороссы” тоже удержались от вопросов. Про инфляцию, про то, насколько “повышение” пенсий и пособий ее компенсирует, и о том, почему второй раз за полгода перекраивается бюджет, спрашивали коммунисты, ЛДПРовцы и “справороссы”.

⁶ Зазор российской демократии. МК, 7.07.2008

Сама партия при этом оставалась статистом и скорее инструментом для развития той или иной политической интриги, чем генератором политического процесса. А факт лидерства в ней В. Путина и формального неучастия в ее деятельности Д. Медведева говорит о том, что партия может в обозримом будущем стать заложником институционального противостояния не столько личностей двух лидеров страны, сколько ветвей власти, выстроенных в свое время самим В. Путиным в рамках логики построения единой административной вертикали.

Нынешняя роль “Единой России”, по замыслу В. Путина ставшей ограничителем потенциальных властных амбиций нового президента, не может не вызывать у последнего вполне обоснованного беспокойства. Особенно это важно учитывая то обстоятельство, что “Единая Россия” не является партией в узком смысле этого слова, но выстроена как несущая конструкция той же административной вертикали, в ней добровольно или “добровольно-принудительно” состоят практически все губернаторы и главы субъектов федерации, подчиняющиеся согласно конституции страны именно президенту, а не правительству или тем более партийной бюрократии.

Все эти обстоятельства не гарантируют “Единой России”, по крайней мере, в ее нынешнем формате, безоблачного существования в ближайшем будущем. “Выдернув” из под нее несущую административную конструкцию, можно в одночасье обвалить и всю партию, как это и произошло с КПСС в 1990-91 гг.

Не представляется и слишком вероятным переход в России к формированию “партийного правительства”, то есть к парламентской республике, где правительство формирует политическая партия, победившая на выборах, а президент имеет скорее представительские функции.

Подобная модель, характерная для стран Европы и западной демократии в целом, встречает поддержку лишь 12,8% россиян, против нее ориентирована вся многовековая политическая традиция страны, связанная с жесткой и персонифицированной властью главы государства. Так и сегодня 46,0% опрошенных россиян считают, что России в наибольшей степени подходит президентская республика, в которой все основные вопросы решает президент страны и еще 23,7% выступают за “что-то среднее между президентской и парламентской республикой”.

Президент, глава государства в нашей традиции занимает во многом место выбранного монарха, а традиционная монархия пользуется поддержкой незначительного меньшинства россиян. Так за монархическую форму правления выступают 4,1% опрошенных, в том числе за символическую монархию, где монарх не вмешивается в управление страной – всего 0,9% и 3,2% - за самодержавную монархию, где монарх (царь) решает все основные вопросы жизни страны (см. диаграмму 7).

Из сказанного вытекает, что наиболее вероятным сценарием ближайшего будущего России будет все-таки консолидация всей верховной власти, пусть и постепенная, вокруг избранного президента Д. Медведева, который, судя по всему, намерен дистанцироваться от всех действующих политических партий.

Диаграмма 7

**Как Вы считаете, какая политическая система
в наибольшей степени подходит для нашей страны?**
(закрытый вопрос, один ответ)

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Если даже институциональное положение партии-триумфатора выборов 2007 года оставляет много вопросов относительно ее будущего, то что говорить о “партиях-неудачниках”? Их роль, даже тех, кто прошел в состав Государственной Думы, в условиях конституционного доминирования “единороссов”, остается

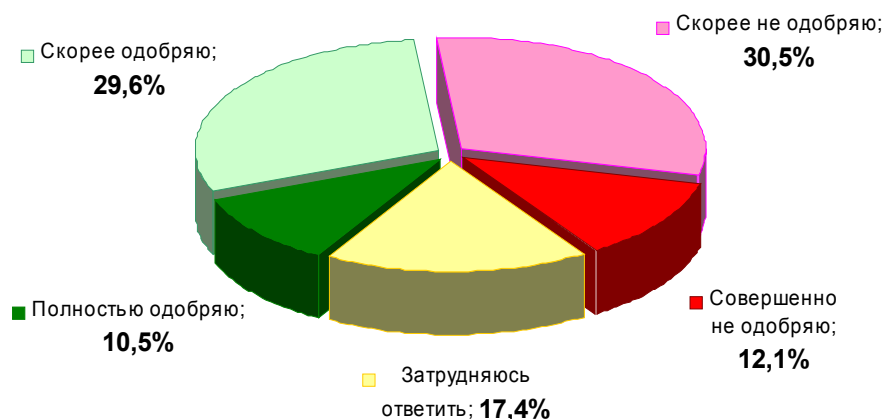
скорее символической, а новым партиям чрезвычайно сложно пробиться сквозь явно завышенный для нашей неустоявшейся партийно-политической системы 7-% избирательный барьер. Как результат, Государственная Дума в ее нынешнем виде вряд ли способна придать сколько-нибудь заметный динамизм политическому процессу, общество уже давно не ждет из недр ГД РФ каких-либо существенных вестей, центр принятия политических решений (а после мая 2008 г. – два центра) находятся отнюдь не в ее стенах. И первые месяцы работы новой Государственной Думы скорее подтверждают эти прогнозы – политическая дискуссия в ней свернута (или, точнее, и не открывалась), оппозиция в лице, например, “Справедливой России”, с таким трудом добывшая себе место под солнцем, как-то потерялась, судьба руководства Госдумы обсуждалась на переговорах В. Путина с Д. Медведевым, но не в стенах самой Думы, и даже не в руководстве “правлящей партии”⁷.

Как результат, сама Государственная Дума РФ как институт не пользуется высоким уровнем доверия россиян, причем это наблюдается все пятнадцать лет существования этого института представительной власти, вне зависимости от того, какие политические силы в ней сегодня составляют большинство. Сегодня только 10,5% россиян полностью одобряют деятельность ГД РФ, и еще 29,6% – скорее одобряют при 42,6% не одобряющих или скорее не одобряющих, а общественное мнение продолжает считать депутатов карьеристами и бездельниками, не делающими никакой полезной для общества работы. Причем особенную нетерпимость к деятельности Государственной Думы проявляют как раз представители наиболее образованных и состоятельных слоев российского общества. Даже среди сторонников “Единой России”, доминирующей в ГД, лишь 13% одобряет деятельность этого института полностью (см. диаграмму 8).

⁷ Информационная лента РИА-Новости, www.rian.ru/politics, май 2008

Диаграмма 8

В какой степени Вы одобряете или не одобряете деятельность Государственной Думы России?
(закрытый вопрос, один ответ)

Источник: ВЦИОМ, 2008

Аналогичными данными располагает и такая авторитетная исследовательская организация как “Фонд Общественное мнение”. По их данным, в 2008 году лишь 27% опрошенных положительно, с доверием относились к деятельности Государственной Думы, а 52% - отрицательно, с недоверием⁸ (см. таблица 2).

Таблица 2

Скажите, пожалуйста, как Вы относитесь к Государственной Думе Российской Федерации - положительно, с доверием или отрицательно, с недоверием?

	Население в целом	В.Путину			Пол		Возраст			Образование				Доход			Тип населенного пункта				
		Доверяю	Отчасти доверяю	Не доверяю	Мужской	Женский	18–35 лет	36–54 лет	55 лет и старше	Ниже среднего	Среднее общее	Среднее специальное	Высшее	2.500 руб. и менее	2.500–4.500 руб.	Более 4.500 руб.	Москва	Мегалополис	Большой город	Малый город	Село

⁸ Сайт “Фонда Общественное мнение”, исследование 2008 года.

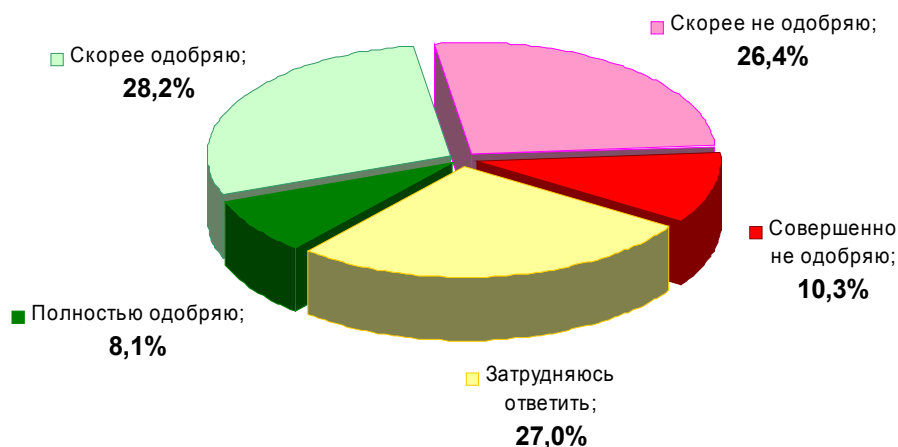
Доли групп	100	64	24	8	46	54	38	36	26	13	35	34	17	23	30	23	8	12	17	38	24
Положительно, с доверием	27	36	15	5	25	29	29	25	29	27	28	29	23	28	28	25	17	29	28	26	32
Отрицательно, с недоверием	52	42	67	83	56	49	47	58	52	49	52	52	57	51	55	58	57	47	50	58	47
Затрудняюсь ответить	21	22	18	12	19	21	24	18	20	24	20	19	20	21	17	17	26	25	22	17	21

Источник: ФОМ, 2008

Еще меньше доверия вызывают политические партии, деятельность которых одобряют только 8,1% россиян и еще 28,2% - скорее одобряют. При этом 36,7% относятся к деятельности политических партий совершенно негативно или скорее негативно (см. диаграмму 9). Неудивительно в этой связи, что переход к пропорциональной (партийной) системе формирования представительной власти вряд ли оказался способным укрепить доверие общества и к выборам, и к самим демократическим процедурам в стране.

Диаграмма 9

В какой степени Вы одобряете или не одобряете деятельность политических партий?
(закрытый вопрос, один ответ)

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Как показали результаты последних выборов, политические партии в современной России мало кого представляют. Их идеологическое лицо становится все менее различимо, все они в ходе избирательной кампании апеллируют к общим мейнстримным идеологическим тенденциям, напирая на

принципы социальной справедливости. Мало представляют партии и интересы конкретных социальных групп, которые до сих пор, несмотря на все социальные контрасты в стране, так и не стали полноценными субъектами политического процесса и не готовы осознавать и представлять свои групповые социальные и политические интересы. Почти полностью оказалась подавленной и “региональная составляющая”, далеко не однозначная в путинскую эпоху. Заменяя избранных глав субъектов на фактически назначенных, федеральная власть во многом потеряла инструмент для контроля над подспудными процессами в региональных элитах и настроениях людей, что может больно аукнуться в решающий момент.

Почему же после пятнадцати с лишним лет демократического процесса в стране мы пришли к тому же от чего в свое время уходили – к формированию фактически однопартийной политической системы (или полуторапартийной как говорят политологи)? Дело здесь в особенностях российской политической культуры или сознательной политики властей, целью которой является ограничить нашу правящую элиту от какой-либо конкурентности?

Безусловно, политическая оппозиция так и не стала в обществе признанной частью политической культуры. Политики и партии, оказавшиеся в оппозиции, заведомо сами лишают себя шансов на что-либо повлиять, когда-либо поучаствовать в реальной власти. Исследование, проведенное ВЦИОМ в мае 2006 года, показало, что настоящей дееспособной оппозиции в стране не только скорее всего нет, но и общество не вполне осознает, зачем она нужна. По мнению 53,8% опрошенных, «задача оппозиции состоит в том, чтобы указывать власти на ее ошибки», и только 28,7% полагали, что «задача оппозиции состоит в том, чтобы вырабатывать альтернативный курс и стремиться к приходу к власти», то есть заниматься именно тем, чем занимается нормальная оппозиция в современных демократических странах. Общество отводит оппозиции скорее лишь роль критика властей, а не реального политического субъекта, способного бороться за власть. Вероятно, наша недавняя политическая история ясно продемонстрировала, что какие бы ошибки не делала власть, оппозиции все равно ничего не светит, и в этом смысле на нее не следует и чрезмерно рассчитывать.

Только 32,9% россиян посчитали в ходе исследования 2006 года оппозицию непременным атрибутом настоящей демократии – «без политической оппозиции она невозможна». Существенно больше тех – 48,4% - кто вообще не видел

необходимости в существовании оппозиции, когда в стране нормальная политическая, социальная и экономическая ситуация» и власти не делают явных ошибок. Это сугубо инструментальное отношение к политической оппозиции. Роль политической оппозиции при этом в России постоянно снижается. По мнению 32,7% россиян сегодня ее роль меньше, чем 7-8 лет назад, и только 22,2% придерживались альтернативного мнения. Та оппозиция, которая таковой себя называет и располагает фракциями в Государственной Думе, не может быть названа независимой и влиятельной (так считают только 6,6% опрошенных). 55,7% россиян считали ее маловлиятельной, а 45,8% к тому же – еще и несамостоятельной, управляемой и манипулируемой основными центрами власти.

Слабость нашей политической оппозиции вызывается самыми различными факторами. Это и «зажим» оппозиции со стороны властей, которые ограничивают ее материально и информационно (22,7%), и апатия и безразличие самого общества (21,9%), и уже имеющийся опыт деятельности оппозиции, который общество оценивает скорее негативно (18,8%), и само нынешнее политическое устройство, когда от оппозиции все равно практически ничего не зависит (18,9%). Подобное положение дел приводит к тому, что наибольшая часть населения готова поддерживать власть, даже не разделяя во многом ее курс (42,5%). Во многом именно этим объясняется неизменно столь высокий рейтинг «партии власти» и ее политического представительства в лице «Единой России». Ее «нормальный» рейтинг, основанный на поддержке идей и политического курса, составляет не более 35-40%, а на последних выборах она собрала более 60%. Она действует как «политический пылесос», затягивая голоса и тех, кто в нормальной ситуации предпочел бы поддержать оппозицию. И это плохо, так как лишает власти страны маневра, зачем что-то менять, когда и так все хорошо, и две трети участников выборов голосуют за власть?

По данным исследований, оппозиция суммарно могла в 2006 году рассчитывать на примерно 24% симпатий россиян, при этом «правая оппозиция» критикующая власти на нарушение экономических и политических свобод – на 7,5%, «левая оппозиция» критикующая власти за нарушение принципов социальной справедливости – на 12,3% симпатий россиян. Хотя в обществе сегодня преобладают именно левые политические ориентации – население не хочет доверить их реализацию оппозиции, это запрос скорее к нынешним властям. За минувшие неполные два года ситуация практически не изменилась.

Коммунисты набрали столько, сколько было “положено” левой оппозиции, а правая оппозиция не набрала вообще ничего. Зато более 15% суммарно набрали ЛДПР и “Справедливая Россия”, которые оппозиционными назвать крайне сложно, своим успехом они фактически добавили голосов в копилку той же “партии власти”.

И парламентские, и президентские выборы не могут не настраивать на пессимистический лад в отношении эффективности “демократии по-российски”. Все ключевые, на самом деле важные для страны вопросы власть не намерена отдавать на суд избирателей. Не случайно, лишь 5% опрошенных уверенно отвечают “да”, на вопрос, позволяет ли нынешняя избирательная система действительно учесть волю и интересы избирателей. Те же 5 с небольшим процентов опрошенных выражают уверенность в полной честности выборов. Система жесткого фильтра, выстроенная Кремлем, не способна пропускать через себя многих из тех харизматичных политиков и общественных деятелей, которые традиционно становятся яркими и популярными народными избранниками. Многие яркие, способные к самостоятельным мыслям и поступкам люди, не проходят через этот фильтр. Власть, особенно представительная, приобретает непривлекательный образ “однородной серой массы”, того самого “агрессивно-послушного большинства”, который так убедительно критиковали демократы первой волны. Власть сама выгоняет на улицу потенциальных политиков новой волны, которые могли бы в иных условиях стать ее союзниками, повторяя тем самым роковую ошибку последней генерации коммунистических правителей. Она загоняет в уличное подполье и оппозиционных демократов, и русских националистов – силы, которые пока не в состоянии претендовать на массовую поддержку в обществе, но имеющие немалое влияние в элитных кругах.

Политическая система, созданная в стране при В. Путине, является, по распространенному мнению и политологов, и социологов, наиболее уязвимым местом режима, и ее трансформация является по сути неизбежной. Главным обвинением в ее адрес служат такие ее черты как безальтернативность и антидемократичность. Вот типичный взгляд одного из критиков системы: “Будучи формально легитимированной через избирательную процедуру смена власти, вместе с тем, полностью выведена из зоны неопределенности, связанной с демократическими выборами. Реальная безальтернативность выборов на важнейший политический пост обеспечивается как манипуляцией общественным мнением через подконтрольные средства массовой информации и

использованием властных преимуществ инкумбентами ("административный ресурс"), так и господствующими моделями поведения и менталитета населения, готового поддерживать действующую власть из страха перед худшим или пассивной надежды на лучшее. В результате этих и других изменений российское политическое сообщество за три года четко усвоило правила игры в новой политической системе. Безальтернативность власти воспринимается политиками, журналистами, экспертами как данность, не подлежащая обсуждению. Осмысление и оценка ситуации в стране происходит в рамках заданной действующей властью системы координат. Дискуссии вокруг тех или иных изменений политики не затрагивают сложившуюся систему властных отношений. Критика режима допускается, но исключительно как критика правительства. Такая политическая система может существовать либо при условии согласия общества (поскольку важнейшим способом ее легитимации являются выборы), либо при полной неэффективности институциональных и иных каналов воздействия населения на власть⁹.

Среди важнейших моментов, определяющих тренд трансформации российской партийной системы, В. Гельман¹⁰ отмечает такие. "Я бы выделил два основных тренда трансформации российской партийной системы, они тесно взаимосвязаны между собой. Это, прежде всего, возникающее доминирование партии власти на трех уровнях: парламентском, электоральном и, наконец, региональном. И второй, параллельно протекающий, хотя напрямую не связанный с этим тренд – это тренд резкого ослабления, я бы даже сказал, вымирания, политической оппозиции в России, как левой, так и либеральной. Должен оговорить, что здесь имеется в виду под понятием «партия власти», потому что в России очень много на эту тему разных разговоров. В данном случае имеются в виду партии, которые созданы и тесно связаны с органами исполнительной власти, которые используют государственный аппарат и государственные ресурсы для обеспечения своего господства, и которые используют выходящие за рамки конституции средства для того, чтобы контролировать исход политического процесса и на выборах, и в парламенте, и за их пределами".

В пробуксовке развития многопартийности эксперты видят как следствие пассивности общества, так и сознательное нежелание властей способствовать

⁹ Т.Е.Ворожейкина. Стабильна ли нынешняя Россия? В сборнике "Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации. М., 2003.

¹⁰ В. Гельман. Трансформация российской партийной системы. Полит.Ру, 24 марта 2008 г.

осознанию отдельными группами общества своих интересов. “Власть следила за тем, чтобы социальные группы не становились самостоятельными, иногда учитывала интересы общества, иногда прибегала к его помощи, особенно когда речь шла о целостности государства или в периоды утверждения новых политических элит. А общество в целом приспосабливалось к власти, принимая ее высший эшелон и считая врагом ее институты. Именно поэтому в России так и не сложилась настоящая партийная система. Российское общество в силу своей безгражданственности и государственной опеки за всю свою историю не научилось формулировать свои политические интересы и защищать их через институт партий. Партии, особенно в современной России, скорее являются (или добровольно становятся) орудием и атрибутами власти. Достаточно вспомнить опыт партийного строительства: “Наш дом — Россия”, “Единство”, позиции СПС и т.д. При этом они стремятся стать правящими не за счет предложения своих программ, а путем выражения одобрения действий власти”¹¹. Как утверждает один из “отцов русской демократии” В. Шейнис, “возвращается традиционная социально-политическая модель: многовластный и непререкаемый лидер — доминирующая в центре и в регионах партия бюрократии (хотя и в ином идеологическом оформлении, но все тот же «приводной ремень») — политически пассивное, разочаровавшееся в своих возможностях общество. Процесс реставрации набирает силу. Демократическое законодательство подправляется или обращается в фикцию. Осуществлена контрреформа избирательного права. На месте парламента, суда, общественных институтов выстраиваются муляжи, а бизнес и главные СМИ поставлены под жесткий контроль государства. Развернуто наступление, в том числе средствами, напоминающими работу спецслужб прошедшего времени, на независимые неправительственные организации”¹².

Однако все эти тенденции, включая концентрацию власти в руках президента (“суперпрезидентская республика”), действительно имеющие место, в целом находятся в соответствии с магистральным общественно-политическим запросом общества. “Если уровень доверия к президенту растет, то уровень доверия к другим институтам государства и гражданского общества падает. За самостоятельность регионов и территориальных единиц, по данным опросов, высказывались всего 4% опрошенных, за равноправие — 5%. При этом две трети

¹¹ В.Н.Дахин. Исторические детерминанты политического развития современной России. В сборнике “Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации. М., 2003.

¹² Виктор Шейнис. Когда же придет настоящий день? Сайт ФОМ-клуба, декабрь 2006

опрошенных (62%) считают, что в России не существует сильного государства, и одним из необходимых условий совершенствования государственной системы нашим согражданам видится жесткая вертикаль власти, соблюдение политики подчинения местной власти - региону, а региона - Центру. Поэтому и предложения об усилении вертикали власти встречают понимание и поддержку у большинства населения России. Помимо объяснений, связанных с социокультурными и историческими факторами, напрашивается вывод о связи подобных настроений с механизмами социальной идентификации¹³. В какой-то степени чрезмерная консолидация власти отражает движение маятника – от крайней фрагментации властных элит и всего политического пространства в 90-е годы до концентрации всей власти в Кремле и ослабления влияния региональных и партийных элит после 2000 года. По мнению В. Гельмана, “процесс трансформации политического режима повлиял на формат российской партийной системы, характеризующейся партийной фрагментарностью и электоральной неустойчивостью”. Он сравнивает тенденции развития российской партийной системы с колебаниями маятника: от равновесия однопартийного режима – в сторону сверхвысокой фрагментации и неустойчивости, а затем – в сторону резкого снижения фрагментации¹⁴. В “авторитарном перерождении режима”, как оценивают процесс политической трансформации критики политики нынешних властей, можно усмотреть и ростки “новой субъектности”, консолидации властных элит вокруг общегосударственного политического и экономического курса. Как считает А. Зудин, “главная характеристика нового режима - моноцентризм, т.е. сильный центр власти, позволяющий проводить новые реформы. Фундаментом моноцентризма автор считает негласный “социальный контракт” с обществом в обход элит. Процесс подготовки и принятия решений расширил круг участников за счет подключения сообщества бизнеса и верхней палаты парламента. Решения стали освобождаться от клановой логики и восстанавливать связь с реальными интересами и настроениями”. Автор считает, что политика Путина позволяет через согласования и компромиссы проводить целенаправленный курс преобразований¹⁵. В то же время моноцентризм, сыгравший свою значимую роль в преодолении центробежных тенденций, сегодня все в большей степени себя

¹³ Н.М. Великая. Проблемы консолидации общества и власти. М., 2003

¹⁴ В. Я. Гельман. От "бесформенного плюрализма" – к "доминирующей власти"? (Трансформация российской партийной системы) *Общественные науки и современность*. 2006. № 1. С. 46-58.

¹⁵ А.Ю.Зудин. *Общественные науки и современность*. 2003. № 2. С. 67-83.

исчерпывает, становится тормозом для дальнейшего развития политической системы страны. Однако что может ему придти на смену? Какая политическая модель соответствует менталитету и социальному опыту “новой российской протонации”, активно формирующейся сегодня?

В первую очередь, речь идет о том, что партийная система должна стать институтом, способным аккумулировать энергию общества. На сегодняшний день энергия общества остается в значительной степени невостребованной, и в основном направлена на обустройство своего частного жизненного пространства. Все, что выходит за пределы этого пространства, воспринимается скорее как ресурс для решения частных и корпоративных задач. Это означает, что если “на словах” государство выступает как носитель общенациональной субъектности, решающий задачи стратегического будущего нации, то на практике эти претензии не подкреплены системой работающих институтов. “Государство” со всей своей шумной и эфемерной политической жизнью, выборами, национальными проектами, реформами и бюджетами – остается “зоной отчуждения”, в которой рядовые россияне не видят большого смысла и относятся к ней скорее как к области ритуального. Сфера частных интересов и сфера общенациональных интересов разделены почти непроницаемым барьером, гасящим энергетику общества и перенаправляющим ее на локальные уровни социального бытия. Постепенно формируется ценностный и идейно-политический консенсус, однако «пробуксовка», в первую очередь, на институциональном уровне препятствует переходу общества в новое качественное состояние. Политические проекты, формируемые под эти процессы, остаются неполноценными, энергия носителей «новой субъектности» замыкается на локальном уровне, в основном частных, индивидуальных стратегий успеха. А формально действующие политические и государственные институты, лишённые энергетической подпитки общества, остаются во власти корпоративных и групповых интересов, чему не в состоянии противодействовать никакие создаваемые «административные вертикали». Главный порок нынешней системы – это ее восприятие обществом как “зоны отчуждения”, не имеющей точек пересечения с повседневной жизнью и повседневными интересами большинства россиян. Несмотря на предсказуемость итогов состоявшихся выборов, высокую степень контроля со стороны властей за их проведением и возможными результатами, политическая система страны вступает в фазу повышенного риска. Временные запасы периода социальной стабильности постепенно истощаются, и

их может не хватить на весь новый избирательный цикл. Все большая и активнейшая часть политического класса маргинализируется. Институты многопартийности, представительной власти в целом, призванные быть буфером между обществом и властью, плохо справляются с этой задачей. Действующие политические партии, за редким исключением, все меньше являются носителями той или иной идеологии, тех или иных мировоззренческих позиций. За ними скорее стоят интересы отдельных группировок во власти, а значит, партии перестают быть ареной общенациональной дискуссии по принципиальным вопросам жизни страны. Выстроенная В. Путиным административная вертикаль власти может быть подвергнута эрозии в результате возможной практики политического “двоевластия” в стране. Все эти угрозы еще не достаточно актуализированы, они скорее “маячат на горизонте”, чем в полной мере осознаются обществом. Однако проблема трансформации политической системы России, ее приближения к меняющейся социальной реальности, остается актуальной.

1.3. Россияне о роли выборов в современной России (по результатам качественного исследования)

1.3.1. Как показали результаты качественного исследования, большинство опрошенных признает необходимость выборов как таковых, но весьма критически относятся к тому, как они проходят в стране в последние годы. В пользу выборов обычно приводятся самые общие доводы, о том, что без выборов не бывает демократии, что выборы – это воля населения страны и так далее, что это наш общий гражданский долг.

- *«Я думаю, что выборы являются основой демократии. Т.е. выборность нашей власти как бы дает нам право на то, что мы можем жить в демократическом обществе, можем выражать свою точку зрения и можем, как бы строить свою жизнь, свое отношение к тому, по какому курсу мы должны развиваться. Сейчас мы выбираем партии, как бы придерживаемся каких-либо взглядов партийных – социал-демократы, либо правые демократы, либо коммунистические взгляды, и в зависимости от того, как мы хотим, чтобы развивалось наше общество, развивалась наша страна, мы выбираем людей. Т.е. выборы это необходимая основа»* (мужчина, 20 лет)

- *«Считаю, что выборы нужны, так как, прежде всего, мы должны знать мнение всех слоев общества! Каждый человек, зная, на что способны уже предыдущие власти, способен выбирать!»* (женщина, 63 года)
- *«Ну, я считаю, что выборы нужны, необходимы потому, что если бы не было выборов, все покупалось бы. У кого больше карман, тот был бы у власти. Я считаю, что выборы необходимы»* (женщина, 58 лет).
- *«Я считаю, что выборы важны, хотя на последних выборах были очень предсказуемые результаты, но важно само существование выборов!»* (женщина, 49 лет).

1.3.2. С другой стороны, выборы сегодня носят все более формальный характер, а их результаты становятся все более предсказуемыми.

- *«Важны выборы, но в нашей стране в последнее время это формальность»* (женщина, 48 лет).
- *«Однако в нашей стране выборы недемократические, я считаю, что они безальтернативные и ни к чему не приводящие»* (женщина, 25 лет).
- *«Я считаю, что принцип выборности власти очень важен для России однако с таким условием, что организацию выборов нужно сейчас кардинально пересматривать и каким-то образом изменять. Потому что все больше они становятся формальностью»* (женщина, 60 лет).
- *«Я считаю, что выборы нужны с одной стороны, но не в том виде, в котором они существуют на данный момент. Поскольку я во всяком случае прослеживаю некую в кавычках безысходность. Вариант, т.е. исход один. Ставят народ в такие рамки, предлагают таких кандидатов, при которых выбор становится очевиден»* (мужчина, 36 лет).
- *«Выборы, прежде всего, это завоевание демократии, это, по-моему, все цивилизованные страны отличаются от нецивилизованных правом выбора, другое дело как они организовываются! Я считаю, что не нарушаются конституционные права – это самое важное»* (мужчина, 53 года)

1.3.3. Выборы многим представляются непрозрачными, есть большие сомнения в честности подсчета голосов.

- *«Выборы тоже считаю, что нужны только свободные выборы, ну как сейчас все это регулируется жестко. Тем более как ведутся подсчеты, остается только догадываться»* (женщина, 25 лет).
- *«Ну, очень как-то все это сейчас завуалировано. Ну непрозрачно, скажем проще. Т.е. выборы, что есть, что нет. Как будто их назначают лишь посредством выборов, т.е. как бы для народа было свободнее себя чувствовать»* (мужчина, 26 лет).
- *«Я считаю, что в выборах нужны новые организационные формы, поскольку то, что происходит сейчас – пародия, комедия! Все перечеркивает! Когда я пришел в день голосования после смены жительства, живу там три года, то меня не было в списках! Говорит это о том, что если кто-нибудь другой не пришел на выборы, то его голоса не было! Нужно внести голос, участвовать, доказывать свою правоту!»* (мужчина, 53 лет).
- *«Выборы, конечно же, нужны, но проходят абсолютно нечестно! Ходим, ставим за кого-либо галочку, но все уже было предрешиено! Это была просто какая-то формальность! Многие люди недовольны, поскольку результат уже был предрешиен! Знаете, просто так решила идти!»* (женщина, 32 года).
- *«Мне кажется, честнее будет минимум пускать информации с телевидения по поводу, что сделала «Единая Россия», поскольку сейчас у нас в стране по информации все делает «Единая Россия», а остальные ничего не делают! Нужно просто не пускать информацию, а через год провести негласные парламентские выборы! Посмотрим, чья возьмет! Это будет честнее!»* (мужчина, 26 лет).

1.3.4. Нечестность выборов проявляется и в том, что есть одна правящая партия, и всем известно какая. Эта партия поставлена совсем в иные условия, чем остальные. То же касается и президентских выборов, когда Путин или Медведев начинают просто навязываться избирателям.

- *«Выборы важны, но у нас – одна правящая партия. Она имеет доступ к средствам массовой информации, у нас постоянно есть партия власти, сначала – ельцинская, потом – путинская. Выборы всегда приносят победу только партиям власти (в нашей стране). Должен быть предоставлен равноценный доступ к средствам массовой информации, которые хотят участвовать в выборах и выдвигать себя в кандидаты. На последних*

выборах этого равного доступа не было: кого-то пускали на центральные каналы, а кто-то шел по 13 или 15тому, все понятно» (мужчина, 41 год).

- *«Путин! Выбирай - не выбирай, все равно Путин!»* (мужчина, 26 лет).
- *«Извините, если идете в туалет, то везде Путин-Путин-Путин, вышел Путин-Путин-Путин! У меня приятельница пошла на выборы, я у нее спрашиваю: «Зачем пошла, хорошо ли ты живешь?», а она отвечает: «Все пошли и я пошла, там говорят Путин-Путин!» Нет логики в ее ответе, все пошли и она пошла!»* (женщина, 59 лет).
- *«Но так как они проводятся, получаются не выборы, а фарс. Возьмите Медведев. С утра до вечера не спать без телевидения. Не говоря о том, что объездил всю Россию. Везде выступал. А в тоже время оппозиция, скажем так, отхватили самое не удобное время. Ночью. Когда основная масса людей не смотрела телевизор. И самое основное, что правящая партия и само партия Медведев старательно избегает диспутов. Эти во всех других странах, в той же Америке, во Франции везде, обязательно кандидаты спорят друг с другом. Чтобы народ мог сравнить их позиции. Выслушать заживо. А у нас они старательно избегают. И создается впечатление, что просто боятся спорить»* (мужчина, 70 лет).
- *«Если такие выборы, то не надо. Ведь всё равно Медведев был назначен. Спросите мнение у людей. Вот я в своем доме все меня знают. Вот от пяти лет и до девяности. Спросите у них. Я спрашиваю: Как вы считаете, правильно был назначен ой ну в смысле кандидат правильный Медведев. Те выборы, которые сейчас проходят это не выборы, это самый настоящий фарс»* (мужчина, 73 года).

1.3.5. Тот же Медведев или “единороссы” отказались от дебатов. И это не слишком красиво с их стороны.

- *«Вы поглядите, чего же испугался господин Медведев. Он не испугался, он на нас наплевал. Мы ему не нужны, поэтому он ни разу не высказал, не встретился в борьбе с этими со своими противниками. Разве это президент»* (мужчина, 73 года).

1.3.6. Можно ли верить заоблачным процентам, поданным за “Единую Россию”? Ведь в некоторых регионах явно перестарались с ее поддержкой.

- *«Взять эту Единую Россию не понятно кто за неё сможет голосовать. Совершенно. Подтасовка фактов вот однозначная идёт. Вот были бы честные выборы. Сколько получилось столько и это самое» (мужчина, 49 лет).*
- *«Ну, в Калмыкии перестарались. Насчитали 110%. 110% это же комедия» (мужчина, 70 лет).*
- *«Но меня удивляет тот факт как это можно считать проценты, когда от списка людей, которые должны были голосовать, всего пришло на участок 48,6%. Разве можно это считать, как насчитали единороссы, 78% или 72. Вот вам факт того, что как проходят или как уже в конечном результате. Я говорил, что в начальной стадии, когда идёт голосование, я никакого замечания не мог найти от выборов. Но конечная стадия подсчёты показывают, что фальсификация высшей степени» (мужчина, 73 года).*

1.3.7. От моего голоса, голоса рядового избирателя, уже ничего не зависит, его посчитали и учли, еще до выборов.

- *Из-за этого даже противно ходить на голосование что там уже все определили, и даже твой голос посчитают неизвестно куда...(женщина, 59 лет).*

Да и Государственная Дума, куда мы выбираем депутатов, большого уважения не вызывает.

- *Вот в нынешней Госдуме там, по-моему, 15% миллионеров и миллиардеров. Они что будут наши интересы защищать. Вопрос о запрете, рекламы водки, сколько пытаются протолкнуть. Бесполезно. Водочные короли не пропускают и всё. А что там Госдума (мужчина, 70 лет).*

Поэтому выборы нужны на бумаге, в принципе, а вообще-то от них толку мало.

- *«Выборы нашему народу не нужны, а нужны для того, чтобы показать, что развиваемся в демократическом русле, что мы не отличаемся от западных развитых государств, пытаемся соответствовать определенным нормам! Что касается влияния народа на выборы, то несколько месяцев назад политолог Буковский, кажется, очень верно заметил, что прежде того, как народ будет влиять на выборы, политические группировки и лидеры должны*

переориентироваться, что уже помимо административного и финансового ресурса будет влиять ресурс средств человеческих!» (мужчина, 23 лет)

- *«На самом деле я разочаровалась в наших выборах! Видела много объявлений в Интернете о том, что предлагали деньги за голоса, 300 рублей, кажется, за то, чтобы взяли открепительный талон и проголосовали за «Единую Россию»! Не выборы, а ерунда получается» (женщина, 30 лет).*

Отмена графы «против всех» - разве это демократия?

- *«Отменили позицию «против всех», тем самым решили людей еще одного выбора!» (мужчина, 26 лет).*

Отмена прямых выборов губернаторов не привела к оздоровлению губернаторского корпуса – одни скандалы и криминал.

- *«Последнее время Владимир Владимирович Путин стал губернаторов назначать, правильно я понимаю? И я обратил внимание на такой момент, у нас то более менее тихо, а Восток то гремит. Один запутался, другой мошенничеством занялся, у меня просто вопрос» (мужчина, 68 лет)*

1.3.8. На вопрос, какие выборы для вас наиболее важны: президентские, парламентские или выборы в местные муниципальные органы власти, голоса разделились, однако большинство приводит аргументы в пользу президентских выборов как самых главных, другие обращают внимание на важность муниципальных выборов. Меньше сторонников у выборов Государственной Думы.

- *«Я считаю президентские выборы, потому что в нашей стране и с нашими традициями политику определяет первое лицо» (женщина, 48 лет).*
- *«Конечно наиболее важные с моей точки зрения это выборы президента. Это лицо, которого все знают, как правило, которое заранее за несколько месяцев готовится к этим выборам. А местные выборы, действительно, иной раз, правда, одну-две фамилии видишь знакомые, остальные непонятно откуда и кто» (Мужчина, 58 лет)*
- *«Если для России главное выборы президента всегда, потому что у нас есть российская особенность, ментальность такая мы всегда ищем царя себе. Самое главное это выборы президента, потому что он за все отвечает, он по конституции владеет всеми правами, сейчас они усиливаются. Он стал почти как бог, в плане того, что он знает, что хорошо, что плохо в основном все происходит с его указов. Указы это право*

президента. Дума я не думаю что это сейчас очень важный орган. Поэтому я думаю, что сейчас выборы президента главные выборы. Идут потом выборы в государственную Думу, ну и дальше по масштабу областная Дума, выборы муниципальных каких-то» (мужчина, 20 лет).

- «Я считаю, муниципальные! Творится все на местах! Мы о власти сверху узнаем от наших властелинов на местах, где живем, поэтому надо снизу доверху!» (мужчина, 40 лет).
- «Действительно, сначала на местах надо разобраться, что к чему, а потом все выше и выше!» (женщина, 18 лет).
- «А я считаю, что для нас более важны местные выборы. Какая местная власть будет. Там в Москве им до нас до лампочки. А вот местная власть вот это важно. Потому что мы здесь живём и зависим от местной власти, а не от московской власти. Поэтому местные выборы важнее, чем центральные» (мужчина, 70 лет).

2. Социальная сегментация российского общества

2.1. *Социальное самочувствие россиян*

Современное состояние партийно-политической системы в России во многом напрямую обусловлено общим социальным контекстом развития страны. Стабильность, достигнутая в последние годы, привела к значительному снижению протестных настроений, снизила градус общественного недовольства, сократила “пропасть” между обществом и властью, обычно характерную для переходных революционных и постреволюционных периодов, хотя и не преодолела отчуждения как такового. В условиях политической и социальной стабильности падает интерес к политике, а те события, которые люди наблюдают преимущественно на телеэкранах, воспринимаются в какой-то степени отстраненно – это для них скорее своего рода “информационный театр”, чем то, что реально затрагивает их жизнь, их приоритетные интересы.

Одним из наиболее значимых достижений “путинской эпохи” стал рост социального оптимизма, улучшение социального самочувствия большей части россиян, стабильность настроений и ожиданий. Как это явствует из мониторинговых исследований, проведенных ВЦИОМ в 2003-08 гг., основные показатели социального самочувствия крайне редко выходили за пределы довольно ограниченного “коридора”, и то это последний раз наблюдалось в 2005 г – сразу после пресловутой “монетизации льгот” и после бесланской трагедии. В последующий период наблюдались отдельные колебания в оценках социального самочувствия, но они, что называется “погоды не делали”. Пожалуй, последнее более или менее значимое снижение показателей социального самочувствия пришлось на октябрь прошлого года, в связи с началом роста цен на продукты питания. Этот “локальный” кризис был достаточно быстро купирован повышением денежных выплат бюджетникам и так называемым “пакетным соглашением” и не привел к сколько-нибудь масштабной социальной дестабилизации. По сути дела, за последние два с половиной – три года не наблюдалось никаких значимых тенденций в направлении роста социальной напряженности в обществе.

Так по данным ВЦИОМ, в августе 2005 года, накануне Беслана, индекс оптимизма в отношении собственной жизни у россиян достиг 52 пунктов (в предыдущие семь месяцев показатель колебался в интервале 48-51). Индекс удовлетворенности своей жизнью поднялся в этот период до 48 (до этого он

составлял 45-46). По прошествии без малого трех лет эти показатели не претерпели существенного изменения. Согласно данным настоящего исследования 24,9% опрошенных россиян заявили, что их в той или иной степени устраивает жизнь, которую они ведут (4,7% вполне устраивает и еще 20,2% - по большей части устраивает). 25,3% россиян их жизнь не устраивает, в том числе 6,6% - совершенно не устраивает и 18,7% - по большей части не устраивает. Но больше всех тех – 48,7%, кто дал более неопределенную оценку своего социального самочувствия, эту группу россиян их жизнь отчасти устраивает, а отчасти – не устраивает. Если эту цифру разделить пополам, и первую половину приплюсовать к числу оптимистов, а вторую – к числу пессимистов, то мы выходим практически на те же показатели, что и в августе 2005 года – 49,2% оказываются в числе оптимистов и 40,2% - в числе пессимистов. Все это свидетельствует о том, что наряду с политической стабилизацией произошла и социальная стабилизация.

Разумеется, такой показатель как удовлетворенность жизнью лишь частично связан с социальным и материальным положением. Как показали результаты исследований, на него в первую очередь влияет возраст опрошенных и стоящее за ним состояние здоровья. Так в младшей возрастной группе до 24 лет 42% вполне или по большей части удовлетворены той жизнью, которую они ведут, а в старшей группе, тех, кому за 60 лет, этот показатель составляет всего 17% (см. таблицу 3).

Таблица 3
Уровень удовлетворенностью жизнью, %

Если говорить в целом, то в какой мере Вас устраивает сейчас жизнь, которую Вы ведете?	Всего	18-24 года	25-34 года	35-44 года	45-59 лет	60 лет и старше
Вполне устраивает	4,7	11	5	5	3	2
По большей части устраивает	20,2	31	25	21	15	15
Отчасти устраивает, отчасти нет	48,7	44	51	51	53	44
По большей части не устраивает	18,7	10	13	19	21	27
Совершенно не устраивает	6,6	3	5	5	7	11
Затрудняюсь ответить	1,0	1	0	1	1	2

Источник: ВЦИОМ, 2008

По данным статистики за неполные три последних года реальные доходы населения выросли не менее, чем на 40-50-%, в то же время сколько-нибудь сопоставимого с этими цифрами роста социального оптимизма не наблюдалось. Рост уровня жизни начал восприниматься скорее как должное, не требующее специальной благодарности в адрес российских властей. Напротив, у значительной части россиян стало складываться убеждение, что “страна купается в деньгах”, а их личные доходы если и растут, то явно более медленными темпами, чем “следовало бы”. Отсюда и половинчатость оценок и настроений.

Согласно данным тех же исследований ВЦИОМ, летом 2005 года среди россиян доля оптимистов, полагающих, что они будут жить в ближайшем будущем лучше, чем сейчас, составила 23%, но в течение последующих месяцев поднялась до 30%. Число пессимистов (прогнозирующих ухудшение своей жизни) колебалось в интервале 17-23%. Число респондентов, полагающих, что будут жить так же, как сейчас, колебалось в течение первой половины 2005 года в интервале 38-47%. Весной 2008 года доля россиян, полагающих, что они через год будут жить лучше, чем сейчас, составила 26% (из них 3,4% полагают, что они будут жить значительно лучше), а 13,2% прогнозируют ухудшение своего социально-экономического положения (из них 1,9% прогнозируют значительное ухудшение своего положения). 46,0% опрошенных считают, что в течение ближайшего года их социально-экономическое положение не претерпит сколько-нибудь существенных изменений (см. таблицу 4). Это означает, что если число оптимистов за последние три года осталось примерно на том же уровне, то доля пессимистов сократилась на 5-7% в среднем. Медленное, но неуклонное повышение уровня жизни вошло в привычку, перестало восприниматься как что-то особенное, исключительное.

Таблица 4
Оценка материальных перспектив семьи, %

Как Вы считаете, через год Вы (Ваша семья) будете жить лучше или хуже, чем сейчас?	%
Значительно лучше	3,4
Несколько лучше	22,6
Так же, как и сейчас	46,0
Несколько хуже	11,3
Значительно хуже	1,9

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

В то же время экономическое и политическое положение России оценивается не блестяще – по всем замерам, произведенным ВЦИОМ с 2005 по 2008 год, преобладают не столько позитивные, сколько средние оценки, но с тенденцией к определенному росту, в особенности, если речь шла именно о политической ситуации. Так в 2005 году доля позитивных оценок политической ситуации в стране составляла 10-11%, а в 2008 году достигла 21,2%. Отрицательные оценки, колебавшиеся в самом сложном для властей 2005 (монетизация, Беслан) году в пределах 30-39%, в 2008 сократились до 13,2%. Доля же средних оценок увеличилась ненамного с 49-53% в 2005 году до 56,9% в 2008 году. Почти половина россиян (44-48%) в 2005 году оценивали ситуацию в экономике России как среднюю. Доля положительных оценок составляла 6-9%, а отрицательных оценок колебалась в пределах 39-45% в течение этого года. В 2008 году доля средних оценок возросла до 56,0%, позитивных оценок – до 16,3%, а негативных сократилась более чем вдвое – до 21,6% опрошенных россиян. Из следующей таблицы хорошо видно, что рост позитивных оценок произошел, главным образом, за счет изменения настроений более высоко материально обеспеченных слоев общества. Это в большей степени касается оценки экономического положения и в несколько меньшей – политической обстановки. Среди бедняков экономическую ситуацию позитивно оценивают лишь 9% опрошенных, политическую обстановку – 14%. В наиболее обеспеченной группе, которая практически ни на чем может не экономить эти цифры составляют, соответственно, 49% и 37%. Что же касается той части опрошенных, которая безусловно относит себя к среднему классу, экономическое положение России оценивают позитивно 32% и негативно – 7%, а политическую обстановку позитивно – 40% и негативно – 6% россиян (см. таблицу 5). Все это позволяет говорить о том, что у концентрации электората вокруг “партии власти” есть свои безусловные объективные предпосылки. Большая часть россиян видят перемены к лучшему, пусть и не столь быстрые, и готовы отблагодарить власть нужным ей голосованием на выборах.

Таблица 5

Оценка экономического и политического положения в России, %

	Всего	Мы едва сводим концы с концами	На продукты денег хватает	Денег хватает на продукты и на одежду	Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования	Мы можем позволить себе достаточно дорогостоящие вещи
Как бы Вы оценили экономическое положение России?						
Очень хорошее	0,6	0	0	0	1	11
Хорошее	15,7	9	9	16	26	30
Среднее	56,0	38	49	63	58	48
Плохое	19,8	36	30	15	11	4
Очень плохое	1,8	6	2	1	1	4
Затрудняюсь ответить	6,1	11	10	4	3	4
Как бы Вы оценили в целом политическую обстановку в России?						
Очень хорошая	0,4	0	0	0	1	4
Хорошая	20,8	14	16	20	32	33
Средняя	56,9	45	55	62	52	59
Плохая	11,9	22	16	9	9	4
Очень плохая	1,3	3	2	1	1	
Затрудняюсь ответить	8,7	15	12	7	4	

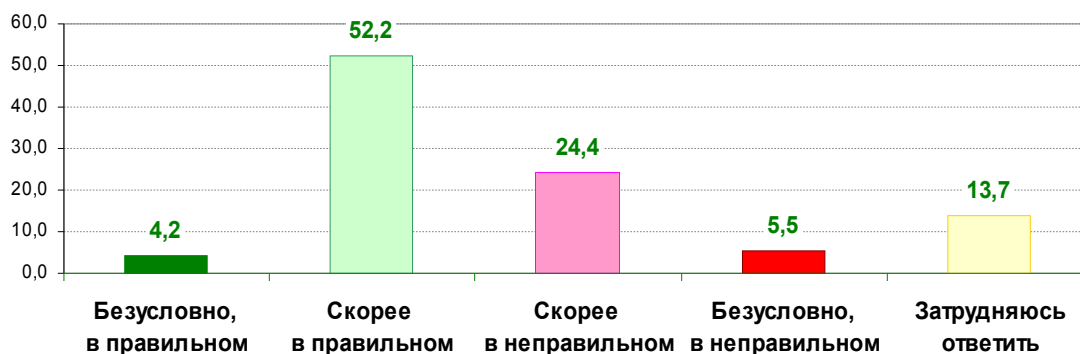
Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Еще в большей степени о позитивных тенденциях в стране, влияющих на рост авторитета “партии власти”, говорят результаты исследований, касающихся общей оценки того, в правильном или неправильном направлении развивается сегодня страна. В 2005 году число россиян, склонных согласиться с утверждением, что “дела в стране идут в правильном направлении”, колебался в интервале 15-22%. Доля опрошенных, не расположенных согласиться с тем, что вектор развития страны правильный, варьировалась в интервале 35-41%, в августе составила 35%. В 2008 году число тех, кто уверен в правильности избранного страной пути, составило 56,4%, а доля пессимистов сократилась до 19,2% (см. диаграмму 10). Как показывает следующая таблица, “правильным” считают путь, избранный Россией, 54% “левых” во взглядах россиян, 72% - “правых” по взглядам, и 56% тех, кого мы отнесли к числу “русских националистов” (см. таблицу 6). Это означает, что если именно “правые”

сторонники рынка и политической демократии, в наибольшей степени одобряют курс страны, то и их оппоненты не склонны его радикально отрицать.

Диаграмма 10

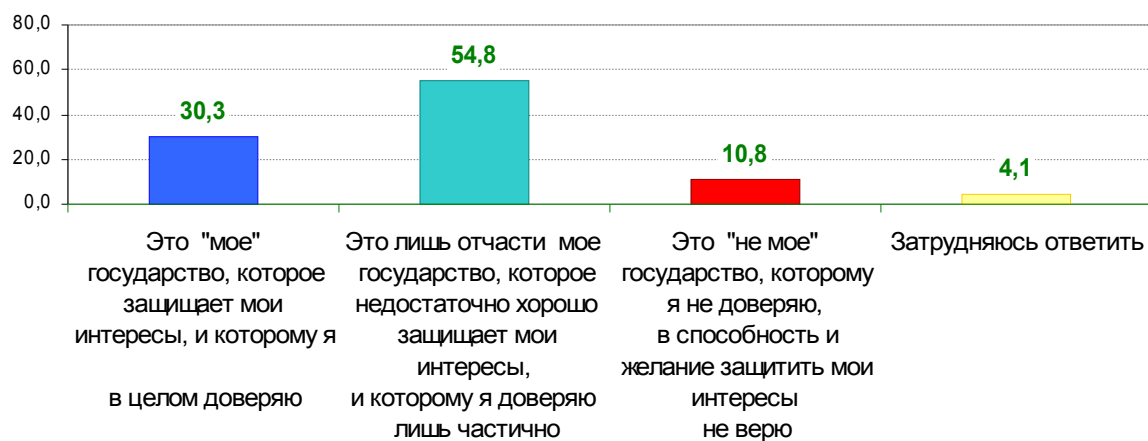
Как Вы считаете, в правильном или неправильном направлении идут дела в стране? (закрытый вопрос, один ответ)

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Диаграмма 11

Ваше отношение к нынешнему российскому государству? (закрытый вопрос, один ответ)

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Таблица 6

Оценка общего развития России, %

Как Вы считаете, в правильном или неправильном направлении идут дела в стране?	Всего	Сторонники приоритета социальной справедливости	Сторонники приоритета развития рынка и политической демократии	Сторонники приоритета русских национальных ценностей и традиций	Ни одно из этих течений меня не привлекает

Безусловно, в правильном	4,2	4	6	5	3
Скорее в правильном	52,2	50	66	51	48
Скорее в неправильном	24,4	27	15	24	31
Безусловно, в неправильном	5,5	6	2	6	8
Затрудняюсь ответить	13,7	14	11	13	11

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Но оборотной стороной всеобщего роста оптимизма и оптимистических оценок, является высокий уровень отчуждения россиян от государства и власти. У россиян не сложилось однозначного мнения относительно того, является ли нынешнее государство, выстроенное нынешними властями на основе усиления бюрократического класса, субъектом национальной государственности, способным отразить интересы, надежды и чаяния большинства россиян. Как видно из следующей таблицы, большинство опрошенных склонно в этом отношении занимать достаточно взвешенную позицию (54,8%), а крайности разделяет меньше половины россиян. 30,3% склонно видеть в нынешней государственности “свою” власть, способную защитить их интересы и которое не вызывает чувства отчуждения, тогда как 10,8% видят в том же государстве заведомо “чужую”, враждебную субстанцию, в отношении которой какое-либо чувство сопричастности напрочь исключается (см. диаграмму 11). Здесь чрезвычайно велики поколенческие различия. Нынешнее государство “своим” считают 41% молодежи до 25 лет и лишь 24% пожилых россиян, переваливших 60-летний рубеж (см. таблицу 7). И это вполне понятно: “Новая Россия”, по сути, создана “на костях” (пусть в переносном смысле) старших поколений, так и не сумевших не столько экономически, сколько социокультурно адаптироваться к новому укладу жизни. А новые поколения приспособились (адаптировались) к новым социальным и экономическим условиям в значительной степени ценой существенной социокультурной “мутации”, отказа от традиционных ценностей и образа жизни. Это лишний раз говорит о том, что “возвращение к истокам”, к традиционным, консервативным ценностям, которое многие видят в “путинской России” является чисто внешним фактором, своего рода “красивой упаковкой”, не более того. А в реальности масштабы разрыва с традицией, почвой продолжают расширяться. Отсутствие работающих традиций, культурных норм – важная составная часть институционального кризиса, существенно отличающая Россию

от западных стран, в которых власть традиции зачастую оказывается сильнее власти государства. “Разтрадиционивание” российского общества продолжает углубляться, даже в условиях формальной политической стабильности.

Таблица 7
Отношение к государству, %

Каково Ваше отношение к нынешнему российскому государству, построенному при Владимире Путине?	Всего в августе 2007 г.	Молодежь до 25 лет	Пожилые (старше 60 лет)	Всего в 2008 г.
Это “мое” государство, которое защищает мои интересы	29	41	24	30,3
Это лишь отчасти “мое” государство, которое недостаточно хорошо защищает интересы таких как я	52	45	46	54,8
Это “не мое” государство, оно не защищает мои интересы, и я не доверяю ему	14	7	23	10,8
Затрудняюсь ответить	6	7	7	4,1

Источник: ВЦИОМ, 2007-2008 г.

“Своим” нынешнее российское государство называют 37% тех, кто голосовал за “Единую Россию” и по 20-21% тех, кто на выборах 2007 года голосовал за оппозицию, как левую в лице КПРФ,

так и правую в лице СПС, 45% тех, кто безусловно относит себя к среднему классу и всего 17% тех, кто столь же безусловно себя к нему не относит.

С известными оговорками нынешнее государство можно назвать “государством нового среднего класса”. В огромной степени это касается и феномена высокого уровня одобрения деятельности В. Путина как президента РФ, на рейтинге которого практически не отражались никакие негативные колебания текущей политической конъюнктуры (см. диаграмму 12). На момент опроса деятельность В. Путина продолжали одобрять полностью и в целом 89,1% россиян. Таким образом, опорой В. Путина и связываемого с его именем политического режима все эти годы являлся «новый средний класс», это не богачи, но граждане со стабильными доходами, превышающими 10-15 тысяч рублей на члена семьи. Это и есть новый средний класс, именно он сегодня делает погоду – образно выражаясь, мелкие и средние лавочники и чиновники. Именно этот слой генерирует запрос на стабильность. Путинскому среднему

классу нужна стабильность, чтобы никто не мешал ему заниматься своими частными делами. Нужна имитация перемен, имитация борьбы с коррупцией, имитация патриотизма, то есть как раз то, что в значительной степени и делал В. Путин.

Таблица 8

Отношение к В. Путину тех, кто входит и не входит в состав среднего класса, %

В какой степени Вы одобряете или не одобряете деятельность Президента России (В. Путина)	Всего	Безусловно, входят	Скорее входят	Скорее не входят	Безусловно, не входят
Полностью одобряю	53,6	75	60	51	43
Скорее одобряю	33,5	20	34	38	32
Скорее не одобряю	6,5	2	3	6	13
Совершенно не одобряю	2,3		2	1	5
Затрудняюсь ответить	4,1	3	2	4	7

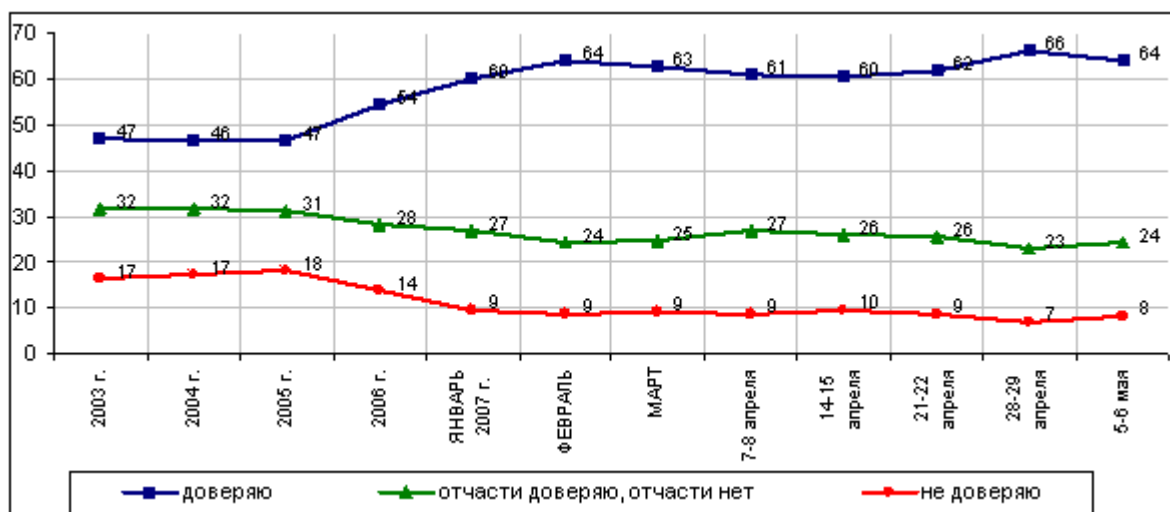
Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Аналогично высокие показатели одобрения деятельности В. Путина получены и другими ведущими социологическими центрами, даже с учетом различий в формулировках вопросов и методах измерения. Так, согласно мониторинговым замерам ФОМ, число тех, кто полностью доверяет В. Путину, с 2003 года колебалось от 6% (апрель 2007 года) до 46% (середина 2004 г.)¹⁶ (см. диаграмму 12).

¹⁶ Сайт Фонда “Общественное мнение”, исследование 2007 года.

Диаграмма 12

Скажите, пожалуйста, Вы доверяете или не доверяете президенту Российской Федерации Владимиру Путину?

Источник: ФОМ, мониторинг 2000-2008 г.г.

По данным нашего исследования, 95% тех, кто относит себя безусловно к среднему классу полностью или скорее одобряют деятельность В. Путина. Из приведенной таблицы видно, что и менее обеспеченные слои общества, не принадлежащие к среднему классу, одобряют деятельность второго президента России, но “градус” их поддержки ощутимо снижается. В наиболее бедной группе только 43% опрошенных полностью одобряют деятельность В. Путина и еще 32% скорее одобряют (см. таблицу 8).

Это не означает, что средний класс России настолько ценит личность самого В. Путина. Уходящий президент давно обрел символическую поддержку сограждан, став скорее символом российского государства, чем реальным политиком, которого оценивают “по делам”. И в этом не может не таиться и известная для него опасность – сохранение символического капитала доверия будет весьма затруднено вне привычных кремлевских декораций, слившихся в воображении россиян с самим В. Путиным. Даже смена президентского кресла на премьерское, может в недалеком будущем существенно изменить его имидж, превратить его из символа государственности в реального политика, с которого общество спрашивает по полной программе и за удачу, и за неудачу. А символом нации и “героем среднего класса” станет Д. Медведев. Впрочем, эти соображения скорее из области социологических домыслов.

Одной из важных черт современных россиян является социальный оптимизм, отсутствие ярко выраженных протестных настроений и ориентаций.

Рост оптимистических оценок можно объяснить и объективными факторами – ростом денежных доходов, увеличением числа рабочих мест, решением социальных проблем. Однако, на наш взгляд, в еще большей степени источником оптимизма является благоприятный психологический фон – ощущение стабильности, постоянного, пусть и не слишком значительного улучшения условий жизни, уверенность в завтрашнем дне, а самое главное – повышение осмысленности своего существования, связанное с постепенным преодолением кризиса идентичности. Если в 90-е годы население страны столкнулось со стремительным распадом общества и государства, крайней атомизацией социума, необходимостью «выживать по одиночке», то сегодня у россиян появилось чувство «большой общности» - страны, интересы которой объединяют граждан самого разного социального положения, которой есть чем гордиться и за кого переживать. Как показывают результаты других исследований, именно преодоление кризиса идентичности, восстановление национальной общности, национального консенсуса, пусть осуществленное не до конца и не слишком последовательно, стало главной причиной позитивных оценок президентства В. Путина, несмотря на спорный и не всегда успешный социально-экономический курс.

Что же касается социального самочувствия остальной части россиян на рубеже “смены исторических эпох”, то его сложно описать однозначно – происходит то, что обычно характерно для стран, преодолевших самую острую фазу кризиса – экономика растет, а социальные показатели, особенно субъективные, растут гораздо медленнее, если не ухудшаются. И это понятно – большинство россиян сумели ценой огромных жертв и усилий приспособиться к новым реалиям, решили для себя проблему выживания, и сегодня им начинает хотеться уже чего-то большего. Небольшие (а иногда не такие уж и небольшие) добавки к заработным платам и пенсиям начинают восприниматься как само собой разумеющееся, явно недостаточное на фоне постоянных разговоров о бюджетном профиците и стабилизационном фонде, «картинок» о времяпрепровождении нашей бизнес-элиты, растущих как грибы коттеджах и виллах.. И хотя прослойка богатых в стране численно не столь уж велика, перед глазами у всех ряды новых коттеджей, «навороченные» иномарки, яхты, отдых «избранных» на Канарах и в Куршавеле, что, безусловно, не может не порождать зависть и недовольство граждан, в том числе входящих по своему достатку и социальному в «новый средний класс». «Страна купается в деньгах», - думает

простой обыватель, «а мне добавили двести рублей к пенсии, которые не могут компенсировать постоянный рост тарифов на ЖКХ». И эти размышления не прибавляют ему социального оптимизма. Стабильность, которая была последние 8-9 лет после пресловутого «дефолта» некоей сверхценностью, уже перестала такой казаться. Хочется чего-то большего, к чему сегодняшнее государство пока совсем не готово. И чем бодрее рапорты о беспрецедентном росте денежных доходов (например, по данным Росгосстата только в феврале 2007 года денежные доходы россиян выросли в реальном выражении более, чем на 20%), тем меньше в обществе желания сказать «большое и крепкое спасибо» своему правительству. Напряжение в обществе начало расти, хотя это пока и проявляется в не слишком заметных формах.

2.2. Основные социальные слои российского общества. “Средний класс”, “богатые”, “бедные”, “срединный слой”, их численность, состав, политическое самосознание

Социально-политическая стабильность, характерная для "путинской России", заставляет предположить, что основой ее является интенсивный процесс формирования нового "среднего класса", а сам "режим" является своего рода политическим ответом на запрос со стороны "среднего класса". Исследования, проведенные ВЦИОМ в 2003-07 гг. ИС РАН в 2003 г, дают конкретные факты для подобного рода предположений. Сам феномен появления устойчивого среднего класса накладывает печать своеобразия на все социально-политические процессы, происходящие в стране, а сами перемены настроений в среднем классе во многом указывают на вектор общественного запроса.

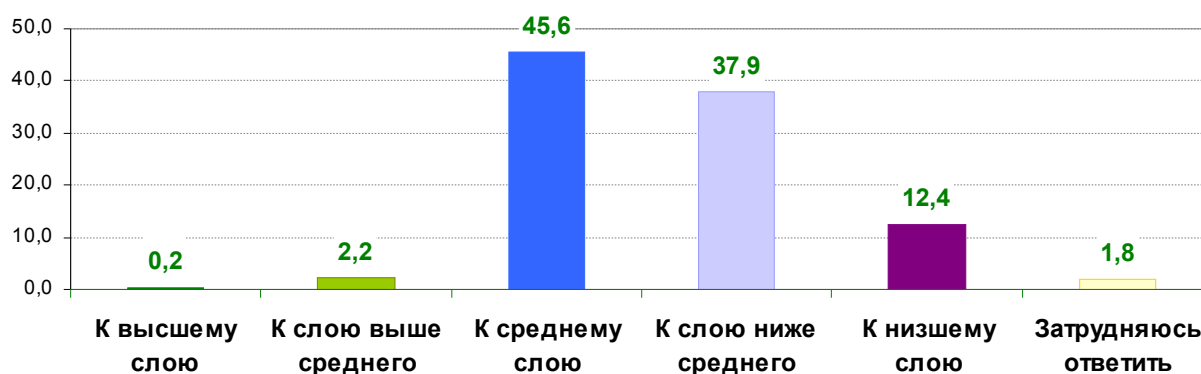
Как отмечают специалисты по социальной стратификации, “существует и другая ось социальной дифференциации, формирующая новый ландшафт социальной структуры. Речь идет об образовании ее срединного среза – среднего класса, средних слоев. При всем повышенном интересе к этому феномену со стороны научного сообщества, политических и государственных структур характеристика средних слоев представляется достаточно неопределенной как с точки зрения количественных параметров, так и внутренней структуры, динамики, качественных признаков. Средний класс в постсоветской России – это одновременно и реальность, и фантом, ибо политическая составляющая в решении любого принципиального социального явления не может не присутствовать при разработке новой парадигмы эволюционного общественного

развития. Отметим основные объективные трудности изучения этого социального феномена”¹⁷.

Действительно, социальная стратификация современной России достаточно своеобразна. С одной стороны, налицо огромное социальное и имущественное расслоение, которое стало своего рода "визитной карточкой" пореформенной России. Высший по материальному обеспечению и социальному успеху слой общества, составляющий не более 2-3% от всего населения России (по данным настоящего исследования, лишь 2,4% опрошенных отнесли себя либо к высшему слою, либо к слою выше среднего) даже географически мало пересекается с остальными россиянами.

Диаграмма 13

В обществе существуют разные социальные слои по своему материальному положению и жизненным возможностям. К какому из них Вы скорее могли бы отнести себя и свою семью?
(закрытый вопрос, один ответ)

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

По данным ИС РАН за 2008 год¹⁸, 43,6% всей группы, условно называемой «богатыми», проживает в мегаполисах, в том числе 30,4% - в Москве. Напротив, в Москве проживает лишь 3,3% российских «бедняков», во всех мегаполисах - 8,6%. 62,5% "бедняков" - люди в возрасте свыше 40 лет, тогда как среди "богатых" лишь около 10% тех, кому больше 50 лет.

Из данных, приведенных в диаграмме 13, хорошо видно, что 83,5% россиян совокупно относят себя ли к среднему слою (45,6%), либо к слою ниже среднего

¹⁷ З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян, Ю.В.Голиусова, И.М.Орехова. Социально-профессиональный портрет российского среднего класса. Мониторинг общественного мнения, № 3, 2007

¹⁸ Исследование "Имущие и неимущие в современной России", ИС РАН, 2008, рук. М.К. Горшков

(37,9%). 12,4% россиян относят себя к низшему слою. Конечно, это совсем не означает, что “средний слой” по самооценке россиян может быть идентифицирован с российским средним классом. Скорее речь идет о весьма специфическом и пока неизученном феномене, который правильно называть **“срединным слоем”** российского общества. Действительно, несмотря на существование огромного разрыва между богатыми и бедными, на который постоянно обращают внимание и аналитики, и журналисты, и общественные мнения, численность как тех, так и других, все же достаточно невелика, даже с учетом поправки на специфику массовых исследований, для которых самые высшие этажи общества являются практически недоступными. Так в ходе исследования ВЦИОМ в марте 2007¹⁹ года к высоко материально обеспеченным себя отнесли только 0,7% опрошенных, а к числу живущих за чертой бедности – 6,1%. Согласно другим данным, по их собственному признанию, к хорошо и скорее хорошо материально обеспеченным гражданам относят себя около 7% населения, а к плохо или скорее плохо – 28%. При этом среднедушевой доход «номинаровавших» себя как представителей высокообеспеченной группы составляет около 15 тысяч рублей, среднеобеспеченной – 6 тысяч рублей, низкообеспеченной – 3,5 тысячи рублей, а тех, кто живет за чертой бедности – 2-2,5 тысячи рублей.

С другой стороны, согласно следующей таблице (см. таблицу 9), большинство участников опроса во всех основных доходных интервалах оценивает свое материальное положение как среднее – в группе со среднедушевыми доходами до 5000 рублей таких 56%, а в группе с доходами свыше 15000 рублей – 66%. Правда, в первой из названных групп 38% опрошенных оценивает свое положение как плохое или очень плохое, а во второй – 28% как хорошее и очень хорошее.

Таблица 9

Оценка материального положения семьи, %

Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?	Всего	до 5.000 руб.	5.000 – 8.000 руб.	8.000 – 10.000 руб.	10.000 – 15.000 руб.	15.000 и выше
Очень хорошее	0,4		0		1	3
Хорошее	11	6	9	14	13	25

¹⁹ Леонтий Бызов. Глубока ли пропасть? Литературная газета, 17 мая 2007

Среднее	63,4	56	71	73	79	66
Плохое	20,9	32	15	12	7	6
Очень плохое	3,4	6	3		1	
Затрудняюсь ответить	0,9	0	1	1		

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

И хотя массовые опросы²⁰ выявляют не слишком высокую среднюю зарплату (7-8 тысяч рублей) и тем более средние денежные доходы в пересчете на всех членов семьи (6-7 тыс. рублей), эти цифры не вполне точно отражают сложившуюся реальность. Следует учитывать, что определенная, в том числе наиболее активная часть общества – городские высококвалифицированные слои, молодежь, имеют много возможностей для разного рода приработков, легальных или полуполюгальных, которые далеко не всегда «ловятся» с помощью массовых опросов. Кроме того, столь низкая цифра учитывает наиболее низкодходные группы общества - жителей села и неработающих пенсионеров. Если же брать работающих горожан, то средний доход на одного человека в их семьях немного превышает 8,5 тысяч рублей.

Само социальное расслоение общества имеет подоплеку, связанную не только с материальными возможностями как таковыми. На эти различия накладываются колоссальные региональные различия, в условиях которых та же Москва и по уровню жизни, и по структуре занятости, и по ментальности ближе к западным столицам, чем к какому-нибудь райцентру на расстоянии сотни километров от нее. Велики поколенческие расколы, связанные с тем, что существенное изменение алгоритмов выживания и успеха, произошедшее в 90-е, провело огромный рубеж между старшими поколениями - "старыми русскими", и молодежью, в целом достаточно успешно освоившей "новые правила игры".

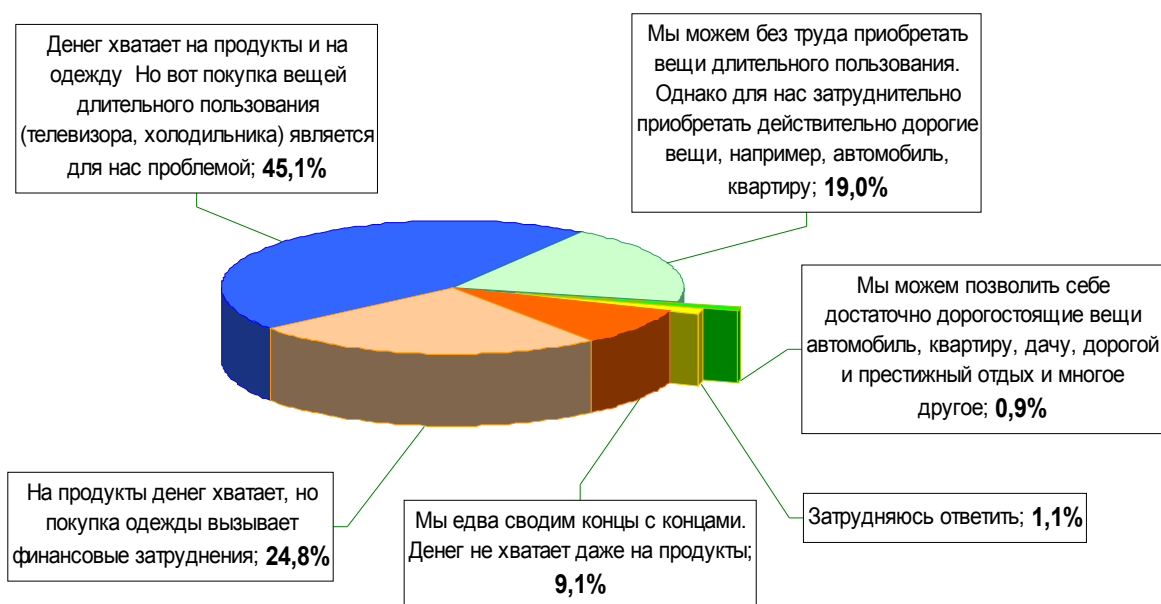
В то же время эти слои "богатых" и "бедных", определяющие социальные разрывы, вместе составляли в 2003 году 15-18% всего населения, а за прошедшие четыре года их доля увеличилась не слишком значительно. При этом собственно "богатые" по самым скромным оценкам составляют не более 2-3% общества (а по-настоящему богатые - не более 1%), а масштабы бедности в стране составляют не более 12-14% (это те, кто живет ниже потребительского минимума; возможно здесь адекватнее говорить даже не о бедности, а о нищете). Следует учитывать и то обстоятельство, что в условиях, когда более половины экономики страны находится в "тени", судить о благосостоянии граждан по их

²⁰ ВЦИОМ, мониторинговые исследования 2005-2007 гг.

официальным доходам попросту невозможно. В особенности о благосостоянии т. н. "среднего класса", поскольку именно данная группа обладает наибольшими возможностями для вторичной и третичной занятости, как правило, не учитываемой официальной статистикой. В этом смысле более надежные данные получаются из качественной самооценки своего благосостояния. Согласно им 9,1% россиян – это по-настоящему бедные, те, кто едва сводит концы с концами и не в состоянии даже есть досыта, Еще 24,8% можно назвать “условно бедными” – это те, у кого вызывают финансовые затруднения покупка одежды и других предметов быта. 45,1% - самый многочисленный слой россиян, зависший в положении между бедностью и средним классом, у них затруднение вызывает покупка вещей длительного пользования. Следующая группа ближе всего описывает положение среднего класса – эти 19,0% россиян затрудняются лишь в приобретении по-настоящему дорогих вещей, таких как квартира, машина. А 0,9% - это богатые, которые могут себе позволить практически любые покупки и приобретения (см. диаграмму 14 и таблицу 10).

Диаграмма 14

К какой из следующих групп населения Вы скорее могли бы себя отнести?
(закрытый вопрос, один ответ)

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Таблица 10
Структура российского общества с точки зрения
потребительского поведения, %

К какой из следующих групп населения Вы скорее могли бы себя отнести?	2008 г.
Мы едва сводим концы с концами. Денег не хватает даже на продукты	9,1
На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает финансовые затруднения	24,8
Денег хватает на продукты и на одежду. Но вот покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника) является для нас проблемой	45,1
Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования. Однако для нас затруднительно приобретать действительно дорогие вещи, например, автомобиль, квартиру	19,0
Мы можем позволить себе достаточно дорогостоящие вещи: автомобиль, квартиру, дачу, дорогой и престижный отдых и многое другое	0,9
Затрудняюсь ответить	1,1

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

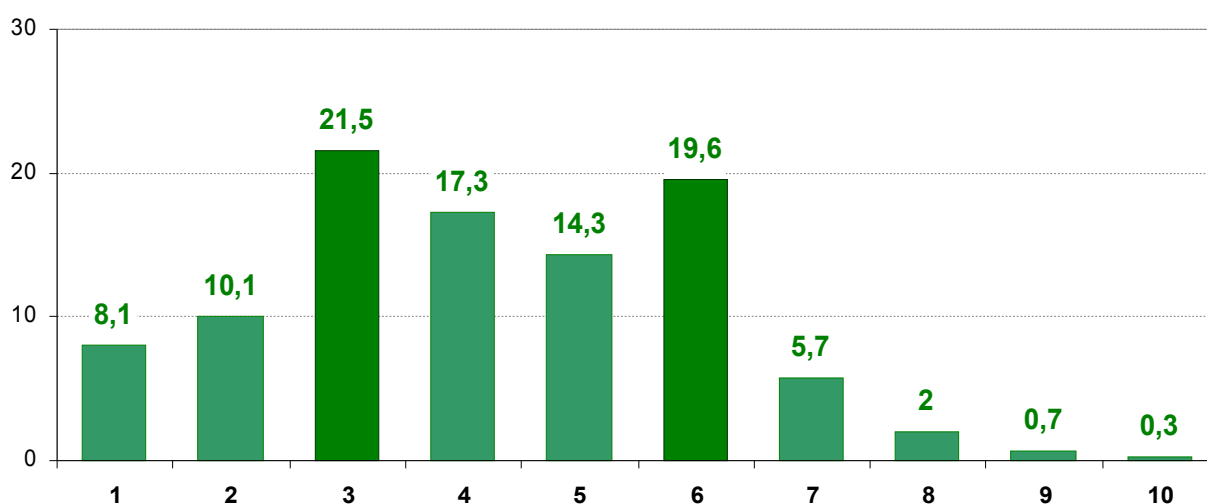
О росте благосостояния наших сограждан свидетельствует сокращение доли расходов, отводимой семьей на питание, приобретение продуктов. По данным исследований ВЦИОМ за 1992-93 гг., пятнадцать лет назад, в разгар “гайдаровских реформ” на питание уходили практически все доходы. 42% опрошенных тратили на питание три четверти своих доходов и более, 21% - примерно две трети, и еще 21% - примерно половину. Менее половины доходов тратили на питание всего 8% опрошенных россиян. Сегодня картина существенно изменилась. Уже 28% россиян тратят на питание существенно меньше половины своих доходов, 36% - примерно половину, и около 30% значительно больше половины, для них питание составляет главную статью семейных расходов. Фактически те без малого 30% опрошенных, кто позволяет себе тратить на питание лишь меньшую часть своих доходов и являются в значительной степени **современным российским средним классом**. Самая высокая доля этих относительно состоятельных сограждан в возрастной группе 25 - 30 лет и составляет 32%.

Обе приведенные выше таблицы демонстрируют распределение россиян по доходам и положению в обществе близкое к логнормальному, это классическая гауссова кривая, сдвинутая “горбом” вниз. Такое распределение является характерным для всех обществ со стабильной социальной структурой. За последние пять лет это распределение стало существенно ближе к

логнормальному, чем это было еще 5-6 лет назад. По данным Н. Тихоновой, ответы на вопрос по самооценке россиянами своего материального положения распределились следующим образом: (всего выделено 10 страт - от верхних до нижних социальных этажей) в 2003 году. Если верхние три группы составляли узкую "прослойку" богатых, до последующие две (7 и 6 сегменты) достаточно точно отражали то, что описывается понятием "средний класс". Это примерно 25,3% от всей совокупности опрошенных. На этой кривой мы видим два "горба" – на уровнях шестой и третьей социальной страт (см. диаграмму 15).

Диаграмма 15

**Самооценка россиянами
своего материального положения**

Источник: ИКСИ РАН, 2003 г.

Если в 1992 году, когда резко упал жизненный уровень практически всех слоев российских граждан, лишь 1% опрошенных по своему материальному положению определил себе место в "верхней" части социальной лестницы (выше 5 баллов по условной 10-балльной шкале), то сегодня они составляют уже 14%. Средний балл по этой шкале самооценки в 1992 году составлял 3,2, то сегодня – уже чуть менее 4 баллов. Выросла за эти годы, хотя и в меньшей степени, самооценка своего положения на лестнице "социального успеха". В 1992 году 5% россиян отвели себе место в ее верхней половине (свыше 5 баллов по той же 10-балльной условной шкале). В 2007 году таких уже стало 24%. Средний балл "успеха" и в 1992 году составил 3,4 балла, а сейчас составляет уже 4,5 баллов. Не подтверждает полученная "картинка" социального расслоения и обычные

суждения об огромных социальных разрывах в сегодняшнем обществе. 69% опрошенных, согласно самооценке, расположились в достаточно узком интервале от 3 до 6 баллов по 10-балльной шкале. Только 14% не дотягивают до рубежа в 3 балла, и те же 14%, напротив, занимают место в верхней части шкалы (7 и выше баллов). Хотя в нашей стране по-прежнему немало бедняков и неудачников, большая часть общества постепенно подтягивается к середке, и если еще не отвечает потребительским стандартам “среднего класса”, то, по крайней мере, в мечтах видит себя именно на этом среднем потребительском уровне. Эту часть общества как раз и следует отнести к *“срединному слою”*.

В то же время сам вопрос о существовании среднего класса и его размерах в современной России носит дискуссионный характер. Показатели материальной обеспеченности большинства групп российского общества далеко не укладываются в стандарты, соответствующие уровню среднего класса в развитых странах мира. Тем не менее, совокупность материальных, образовательных, профессиональных и социально-психологических характеристик позволяет причислить к среднему классу не менее четверти российского общества, а в крупных городах эта цифра значительно выше. В задачи настоящего исследования не входило подробное описание материально-имущественных характеристик среднего класса, нас он интересовал, в первую очередь, как социально-политический феномен.

За несколько последних лет самыми быстрыми темпами роли доходы военнослужащих и работников правоохранительных органов, государственных служащих, а также менеджеров преуспевающих фирм. За ними «подтягивались» представители таких массовых специальностей как врачи, учителя, преподаватели вузов, зато явно стали отставать пенсионеры, сегодня уровень средней пенсии составляет менее трети от средней зарплаты при 40% еще пять лет назад. Все эти тенденции и предопределили наблюдаемое сегодня «сбивание общества в кучу», когда доходы более половины россиян различаются несущественно и не являются уже столь нищенскими как еще несколько лет назад. Если в конце 90-х «жили нормально» в материальном смысле лишь около 35% россиян, то сегодня таковых уже немногим более 50%, а уровень настоящей бедности и материальной нужды не превышает 25-30%. В то же время, как показали исследования, этот рост доходов значительно отстает от меняющейся структуры рынка услуг. Так до сих пор лишь 17% россиян, по их собственной оценке, имеют реальную возможность пользоваться платными медицинскими

услугами и 16% - образовательными. Менее трети населения (28%) имеют сбережения, превышающие символический уровень в 1 тысячу рублей. На вопрос, изменились ли Ваши денежные доходы за последний год, положительно отвечают 29% опрошенных, а отрицательно – 20%. А это означает, что возникла некоторая новая тенденция расширения группы аутсайдеров – в основном пенсионеров и части бюджетников, рост доходов которой не поспевает за ростом платных услуг и происходит их фактическое снижение уровня жизни. Официальные цифры инфляции – 12-15% вызывают недоверие у большинства россиян, по их собственной субъективной оценке, уровень роста цен на услуги и продукты питания в целом не ниже 20-25% в год. Все это говорит о том, что постоянные цитируемые данные о растущем неравенстве в России на основе коэффициента Джини (сравнения первого и десятого квантилей распределения) с разницей в 40-43 раза далеко не полно отражают сложившееся в этой сфере положение дел. Доходы большей части россиян, составляющих 60-70%, постепенно выравниваются и растут.

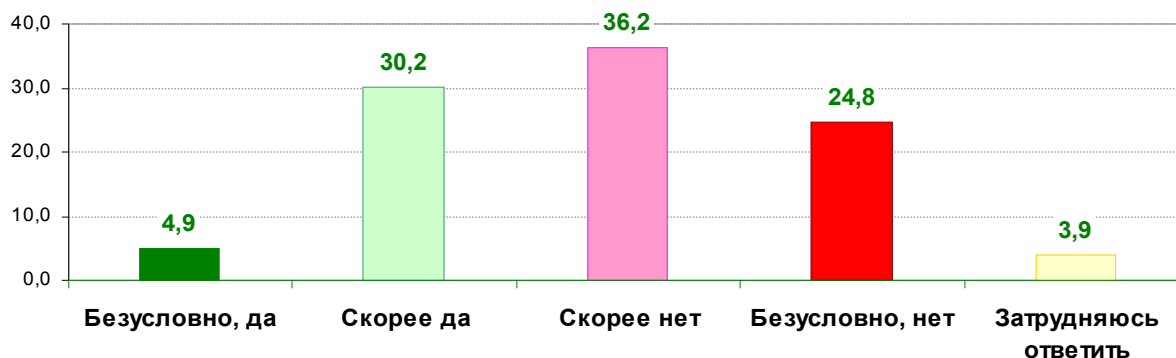
Согласно многочисленным оценкам ВЦИОМ, **объем среднего класса** (конечно, критерии несопоставимо ниже, чем принято на Западе, но по нашим российским меркам), если внести ряд уточняющих параметров (наличие собственности, качество жилья и т. д.), то искомая цифра составляла в 2006-07 гг. примерно 20-25% от всего взрослого населения страны (а в крупных городах составляла цифру от 30 до 40% и более в Москве). К примерно таким же выводам пришли в 2004 году и исследователи, представляющие Институт социального проектирования. Вопрос, заданный в ходе настоящего исследования, связанный с самооценкой своей принадлежности к среднему классу, показал, что лишь 4,9% опрошенных безусловно относят себя к нему и еще 30,2% относят скорее. Всего в сумме получается величина, составляющая 35,1%. Возможно, учитывая то, что большая часть опрошенных попавших в эту группу, отмечала свою принадлежность к среднему классу с определенными оговорками, эта цифра несколько завышена. Реальный объем среднего класса было бы более правильно оценить как сумму тех, кто относит себя к нему, безусловно, (4,9%) и 2/3 тех, кто отнес себя к нему скорее (20,1%). Итого получается “круглая” цифра в 25,0% (см. диаграмму 16). На этой оценке сходятся и другие исследователи современного российского среднего класса²¹. Но все же для дальнейшего анализа именно ее можно взять за основу, оговорившись, что в данную группу входят и те, кто

²¹ Исследование “Социальная стратификация российского общества”. Рук. М. Тарусин, 2003 г.

находится в непосредственной близости к среднему классу, но слегка до него не дотягивает.

Диаграмма 16

Если считать средним классом тех людей, которые в целом удовлетворены своими материальными возможностями и жизненными перспективами, то можете ли Вы в этом смысле отнести себя к среднему классу?
(закрытый вопрос, один ответ)

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

В средний класс входит 57% молодежи до 24 лет и только 16% людей пенсионного возраста, перешагнувших 60-летний рубеж. Исключая бизнесменов (67% в среднем классе), самая высокая доля "среднего класса" среди внепроизводственных специалистов с высшим образованием - 48% (именно эта группа, согласно всем социологическим канонам и образует костяк среднего класса в развитых странах), а также среди представителей российского чиновничества (43%). Современный российский средний класс - явление молодое и потому недостаточно изученное. Но именно данная группа определяет сегодня в России политическую погоду, формирует правила игры, от нее и ее настроений зависит трансформация российского общества и его политической системы. Эта группа имеет доминирующие позиции в современной экономике, в государственных структурах управления. Роль этой группы в жизни страны неоспоримо больше, чем ее численное представительство. Это своего рода барометр, указывающий "куда дует ветер". Как отмечает З. Голенкова и ее соавторы, "социальный состав СК за исследуемый период определенным образом изменился, прежде всего, за счет увеличения доли представителей массовой интеллигенции и служащих, хотя темпы их роста значительно отстают от темпов роста представителей административного корпуса – руководителей

высокого уровня. Различия темпов роста отдельных социально-профессиональных и должностных групп еще достаточно существенны - и это один из принципиальных выводов, характеризующих динамику изменения социально-профессионального состава среднего класса. Что касается такой категории, как предприниматели, то их доля и в 2001 г. и в 2006г. продолжает оставаться весьма незначительной, что соответствует общему положению этой группы в социальном развитии страны”²². Согласно результатам настоящего исследования, среди тех опрошенных, чей среднемесячный доход не превышает 5000 рублей, 22% отнесли себя к среднему классу, среди тех, чей доход составил сумму до 8000 рублей – 28%, среди тех, кто получает менее 10000 рублей – 42%, среди тех, кто получает менее 15000 рублей – 41%, и, наконец, среди тех, чей доход превысил 15000 рублей – 48% (см. таблицу 11).

Таблица 11
Идентификация себя со средним классом, %

Если считать средним классом тех людей, которые в целом удовлетворены своими материальными возможностями и жизненными перспективами, то можете ли Вы в этом смысле отнести себя к среднему классу?	до 5.000 руб.	5.001–8.000 руб.	8.001–10.000 руб.	10.001–15.000 руб.	15.001 и выше
Безусловно, да	4	4	3	9	8
Скорее да	18	24	39	32	40
Скорее нет	35	37	37	43	41
Безусловно, нет	40	31	18	14	7
Затрудняюсь ответить	4	5	2	1	4

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

При пересчете этих результатов на среднедушевой доход, приходящийся на одного члена семьи эти же цифры выглядят следующим образом. Среди тех, чей среднедушевой доход составил менее 5000 рублей, в состав среднего класса (безусловно или скорее) входят 15%, в группе с доходами до 8000 рублей – 17%, в группе с доходами до 10000 рублей – 24%, в группе с доходами до 15000 рублей –

²² З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян, Ю.В.Голиусова, И.М.Орехова. Социально-профессиональный портрет российского среднего класса. Мониторинг общественного мнения, № 3, 2007

35%, и, наконец, в группе с доходами, превышающими 15000 рублей – 42% (см. таблицу 12).

Таблица 12

Идентификация себя со средним классом в группах с различным среднедушевым доходом, %

Если считать средним классом тех людей, которые в целом удовлетворены своими материальными возможностями и жизненными перспективами, то можете ли Вы в этом смысле отнести себя к среднему классу?	до 5.000 руб.	5.001–8.000 руб.	8.001–10.000 руб.	10.001–15.000 руб.	15.001 и выше
Безусловно, да	2	4	4	7	7
Скорее да	13	13	20	28	39
Скорее нет	29	36	40	38	40
Безусловно, нет	52	43	34	25	12
Затрудняюсь ответить	4	4	3	3	2

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Из этих данных можно видеть, что принадлежность к среднему классу лишь отчасти определяется текущими доходами. Во-первых, многие опрошенные не считают нужным указывать при опросах на свои “серые” доходы – типа нелегальной подработки частным извозом, доходов от неоформленных сдач квартир и так далее. Во-вторых, часть респондентов имеет большие сбережения и невысокие текущие доходы. И, наоборот, высокие или сравнительно высокие доходы “съедаются” необходимостью оплачивать снимаемую квартиру, выплачивать кредиты или оказывать помощь больным членам семьи. Возможны и иные причины, в результате которых в современных условиях России в отличие от штампованного мнения “деньги решают все”, на самом деле они решают далеко не все.

Рисуя “социальный портрет” среднего класса, Н. Тихонова пишет: “Средний класс достаточно высокообразован. И хотя доля лиц с ученой степенью здесь в три раза меньше, но около 60% в нем имеют высшее образование. В нижнем среднем и низшем классах число лиц со средним и специальным средним образованием составляет уже более 50%. Анализ должностных и профессиональных статусов показывает, что костяк верхнего среднего класса – это руководители и бизнесмены, имеющие собственные фирмы с наемными

работниками. Отчетливо ощущается в нем также присутствие высококвалифицированных специалистов, достаточно равномерно представляющих гуманитарную интеллигенцию и военных, в меньшей степени - инженерно-технических работников. Костяк собственно среднего класса составляют, прежде всего, квалифицированные специалисты и, в несколько меньшей степени, квалифицированные рабочие²³. Заметное место в составе среднего класса занимают также руководители и предприниматели, включая представителей семейного бизнеса и индивидуальной трудовой деятельности, но они все же не доминируют в среднем классе из-за относительно небольшого их удельного веса в составе трудоспособного населения в целом²⁴.

Как отмечает В. Петухов²⁵, изменения в экономическом и социальном укладе жизни общества, формирование многочисленного среднего слоя, который по разным оценкам достигает от трети до половины трудоспособного населения страны и который начинает все активнее выступать «ретранслятором» как мировоззренческих, так и поведенческих установок. Другой вопрос, что «качество» этого среднего слоя разными экспертами оценивается по-разному, так же, как по-разному оценивается характер изменений, которые произошли в стране за последние 15–20 лет. Например, И. Дискин полагает, что традиционалистская Россия со слепым подчинением авторитетам и государственным идеологиям ушла в прошлое и за последнее десятилетие появилась «Новая Россия». Впервые в истории появились массовые слои, ориентирующиеся на индивидуальный выбор и личную ответственность. Для них высокое значение имеют ценности суверенитета личной и партикулярной жизни, которые они стремятся защищать от любой экспансии государства²⁶. Схожего мнения придерживается И. Клямкин и Т. Кутковец, подчеркивая, в частности, что вектор развития российского общества, вопреки распространенному мнению, явно направлен в сторону, противоположную традиционализму. Общество все больше отторгает отношение к себе как к пассивному объекту государственного управления и государственной опеки. А представления о «народе-овоще», состоящем из инертных, пассивных и ленивых людей, неспособных на

²³ Ряд специалистов настаивают на том, что высшее образование является необходимым условием принадлежности к среднему классу и не включают в него даже самых высококвалифицированных рабочих. Эта точка зрения нам кажется спорной.

²⁴ Н. Е. Тихонова. Социальная структура российского общества: итоги восьми лет реформ. Социс, № 5, 2003.

²⁵ В. Петухов. Динамика мировоззренческих и идеологических установок россиян. Мониторинг общественного мнения, 2008, № 1.

²⁶ Дискин И.Е. Революция против свободы. Сборник. М., Издательство «Европа», 2007. С. 224.

самостоятельную и ответственную инициативу, – миф²⁷. Напротив, другие, в частности В. Федотова, крайне резко оценивают характер самой постсоветской трансформации и те нравы, которые в ее результате начинают доминировать в российском обществе. В происходящих в стране процессах она видит, прежде всего, архаизацию сознания и поведения очень многих людей, причем осуществляемую с подачи власти в обмен на лояльность. По ее мнению, Россия получила такой «удар капитализма», от которого она не в состоянии оправиться до сих пор. Отсюда – посттоталитарная травма, посттоталитарная апатия, выражаемая в синдроме недоверия, мрачном взгляде на будущее, ностальгии по прошлому, которая, по ее мнению, радикально отличается от «пресыщенной апатии» Запада²⁸. Юрий Афанасьев вообще считает, что российское общество регрессирует практически во всех областях, никакого массового среднего класса в стране нет и делает неутешительный вывод, что давно пора признать тот факт, что мы – бедная отсталая страна, а усредненная серость, усредненная бедность и святая усредненная простота, являясь элементами традиционного общества, также наша характерная особенность. Другая, не менее важная особенность России, по Афанасьеву, это несовременное, мифологическое, нерациональное сознание ее граждан²⁹. Особенности ментальности нового российского среднего класса, безусловно, должны стать темой специального исследования. В то же время как не без оснований утверждают некоторые аналитики, этот «новый средний класс» вряд ли оправдает ожидания демократов. Сегодня он скорее является оплотом пассивности, консерватизма и сервилизма в отношении властей. Как отмечает В. Шейнис, «авторы одного из капитальных исследований среднего класса, сочувственно процитировав слова А.Токвиля («дух среднего класса в соединении с духом народа или аристократии может творить чудеса, но сам по себе он никогда не даст ничего, кроме правления без доблести и размаха»), приходят к заключению: средние классы выглядят «чуть ли не пассионарным образованием» только «на фоне тотального равнодушия». И приводят сокрушительные данные: активистами общественных движений числят себя 2% граждан России и 4,4% ядра средних классов. «Нет никаких оснований, – заключают они свою работу, – для идеализации средних классов... Средние классы активны, когда другие нарушают закон, ущемляя их права, но они не

²⁷ Кутковец Т, Клямкин И. Нормальные люди в ненормальной стране // Вниз по вертикали. Первая четырехлетка Путина глазами либералов. М. КоЛибри. 2005. С. 51–52.

²⁸ Федотова В. Русская апатия как противостояние хаосу // Политический класс. 2005. № 1. С. 41.

²⁹ Афанасьев Ю.Н. Россиян – несовременная страна // Свободная мысль. 2004. № 11. С. 7–8.

считают для себя обязательным подчиняться силе закона». По мнению М. Тарусина³⁰, «средний класс в политическом отношении довольно вял. Они просто не ходят на выборы». Динамику процессов, совершающихся в среднем классе, несомненно, важно исследовать и обобщать, но пока что он явно не готов стать системообразующей силой демократической оппозиции»³¹. Действительно, политическая пассивность нового среднего класса, вряд ли дает повод для оптимизма в отношении быстрого развития демократии, особенно в ее политической ипостаси.

С другой стороны, при всех отмеченных негативных чертах среднего класса, он бесспорно является носителем «витальности» нации, источником оптимизма и повышенной адаптивности. Как отмечает один из авторов фундаментального исследования по социальной стратификации «путинской России» М. Тарусин³², «естественным и нормальным путем было найти в обществе тех людей, которые выжили несмотря ни на что; людей, которые несмотря ни на что адаптировались к этой новой, достаточно трагичной реальности 90-х годов, которые смогли при этом свою жизнь сделать позитивным примером для остальных. Люди, которые могут обеспечивать себя, свои семьи, своих близких. Люди, которые по своей природе энергичны, предприимчивы. Люди, которые наладили определенный быт, которые смогли сформировать определенный образ жизни. И совершенно очевидно, что если бы даже такой группы в стране не существовало, ее следовало бы выдумать. Но мы с вами знаем: что с обществом ни делай, как его ни насилуй, оно все-таки стремится к самоорганизации. И какие-то силы пробуждаются в этих вот мересьевых, которые куда-то ползут, приползают, потом встают, может быть, на фальшивые ноги и начинают все заново, причем у них все удается. Вопреки всему, всем обстоятельствам. Но их надо найти». Некоторые российские социологи в 90-е годы были склонны выводить различия политических ориентаций, главным образом, из социальной стратификации общества. Так, согласно исследованиям Т. Заславской, «верхний» слой «достаточно оптимистически смотрит на свою жизнь и будущее России»; «средний слой менее позитивно относится к осуществляемым реформам»; «представители нижнего слоя предпочли бы, чтобы реформы не начинались, а значительная часть их

³⁰ Михаил Тарусин. Средний класс и стратификация российского общества. Лекция на Полит.Ру 27 января 2005 г.

³¹ Виктор Шейнис. Когда же придет настоящий день? Сайт ФОМ-клуба, М., 2007

³² Михаил Тарусин. Средний класс и стратификация российского общества. Лекция на Полит.Ру 27 января 2005 г.

считает, что России нужна диктатура"³³. Отмечалось, что "динамика материального положения россиян по итогам первых лет реформ достаточно жестко коррелирует с их распределением по типам ментальности, т.е. представившиеся за последние годы жизненные шансы каждый использовал по-разному в соответствии со своими личностными особенностями"³⁴. Однако спустя почти десять лет после "дефолта" 1998 года, мы видим, что "новый средний класс" становится все более консервативным, точнее "либерально-консервативным" по своим взглядам и ориентациям, именно он является основой для "неоконсервативной" идеологии, доминирующей в "путинской" России, и которая, скорее всего, останется таковой и в предстоящие 6-8 лет. Конечно, и на проблему социального и материального неравенства наших сограждан не следует смотреть одномерно.

Очень важным для понимания социально-политических процессов является то обстоятельство, что «новый средний класс», является не столько носителем высоких материальных и потребительских стандартов, сколько носителем соответствующих социально-политических установок. В сегодняшнем обществе он становится ядром «партии порядка», ориентированным на поддержку властей, стабильность, установление устойчивых «правил игры». В то же время именно средний класс, точнее его верхушка, представляет собой часть общества, в наибольшей степени интересующуюся политикой (19% – безусловно интересуются), а от основная, наиболее массовая часть среднего класса, в этом отношении ничем не отличается от остальных сегментов общества (только 6% безусловно интересуются политикой – см. таблицу 13). Как будет показано ниже, в качестве «квазиидеологии» средний класс разделяет синтетические ценности, в которых есть что-то от «правых», что-то от «левых», что-то от патриотов и националистов.

Таблица 13

Интерес к политике тех, кто относит или не относит себя к среднему классу, %

Скажите, пожалуйста, интересуетесь ли Вы политикой?	Относите ли себя к среднему классу			
	Безусловно, да	Скорее да	Скорее нет	Безусловно, нет

³³ Т.И.Заславская. Стратификация современного российского общества. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения; 1996, N 1, с.12.

³⁴ Н.Е.Тихонова. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике, Москва, РОССПЭН, 1999, с.115

Безусловно, интересуюсь	19	6	5	9
Скорее интересуюсь	31	33	31	26
Скорее не интересуюсь	23	37	43	32
Совершенно не интересуюсь	26	20	19	32
Затрудняюсь ответить	1	3	1	1

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

С аналогичной проблемой столкнулись и авторы проекта “Стратификация российского общества”, выполненного в 2003 г. Даже взяв за критерии принадлежности к среднему классу только показатели среднедушевого дохода, они отметили особенности мировоззрения и идеологических установок среднего класса. “В условиях, когда наше общество еще никак не сформировано и не существует структурных параметров, на основе которых можно было бы выделять этот средний класс западного типа, должен быть один общий принцип выделения его из всего населения — это уровень дохода. И на протяжении пяти лет журнал “Эксперт”, при помощи социологической компании “Мониторинг”, а впоследствии “РОМИР-Мониторинг”, изучал средний класс. Было проведено несколько волн исследований. Но вместе с тем все-таки не была решена основная проблема. Не был разрешен вопрос, что же это такое. Они просто больше получают, и все? Или они как-то формируются в качестве некой социальной группы по каким-то своим определенным параметрам? Но для этого уже надо выяснять какие-то их ценности. Внутренние ценности, не внешние. Что они думают и чего они хотят. Для этой цели два года назад было проведено первое исследование, которое ставило своей целью выяснить, каковы политические воззрения этой группы людей, которую мы условно называли средним классом. Можно назвать ее, скажем, позитивным классом. Как они относятся к политике. Это своего рода лакмусовая бумажка. И вот тут стало ясно, что эта группа действительно довольно серьезно отличается от всего прочего населения страны. Конечно, эти люди прежде всего последовательные демократы или, если по-другому, люди с очень сильным либеральным оттенком. Для этих людей очень важна личная свобода, для них очень важна экономическая свобода. Эти люди очень хотят иметь возможность проявлять свою личную инициативу³⁵. Среди тенденций, характерных для менталитета среднего класса, М. Тарусин выделяет такие: “первая тенденция — это стремление к свободе, но вторая тенденция — это стремление к

³⁵ Михаил Тарусин. Средний класс и стратификация российского общества. Лекция на Полит.Ру 27 января 2005 г.

консервативным ценностям, которые достаточно сильны в этой социальной группе. Эти люди говорят: нам нужна стабильность. Но основа стабильности — это сильное государство. Нам нужна сильная государственная власть. Нам нужны национальные традиции”. “Симбиоз этих двух начал и некое смещение в сторону усиления государственной власти — это и есть поражение правых партий, неучет этого электората, который был готов к тому, чтобы стать основной силой правого движения в России. Но тем не менее мы поняли, что существует большая группа людей, которые готовы выражать какие-то свои политические амбиции. Может быть, они еще не в полной мере осознают себя единой социальной группой. Может быть, они таковой и не являются. Но по крайней мере предпосылки к этому уже есть.. Мы считали по-разному, и нам все время казалось, что их около 20% от всего населения России. Но было бы большой ошибкой думать, что эта группа является неким монолитом, обособленным сообществом, которое уже никакой внутренней структуры не имеет. Для того, чтобы понять, насколько неоднородна эта группа, мы в прошлом году впервые предприняли попытку стратификации российского среднего класса. Мы продолжаем называть его средним классом, пока не придумали ничего более удачного. Ведь на самом деле, он никакой не средний. Суть не в этом, а в том, что сегодня в нашей социальной структуре это некое аккумулирующее начало”. Исследователи попытались провести внутреннюю структуризацию среднего класса, выделив шесть кластеров. “Мы выделили шесть кластеров. Первую группу мы называли “кадетами”. Это, кстати, абсолютно условное название. Второй кластер — “смена”. Третий — “ядро”. Четвертый — “прослойка”. Пятый — “зубры”, и шестой — “старая гвардия”. Вот такие процентные соотношения: “кадеты” — 8,3%, “смена” — примерно 19%, “ядро” — 22%, “прослойка” — 13%, “зубры” — 25%, “старая гвардия” — 12%. Что вся эта абракадабра означает? Начнем с “ядра”. Это самые успешные, самые сильные, самые передовые, это основа всего — у них все хорошо. Много денег, прекрасный статус, они очень образованные, у них свое дело, они идут вперед, все замечательно. “Смена” — это тот кластер, который стоит за ними. Эти люди более молодые, но достаточно амбициозные, успевшие попробовать новой жизни. “Кадеты” — это совсем юные, молодая поросль. В “прослойке” мы, грубо говоря, нашли ту самую российскую интеллигенцию, про которую все думали, куда она задевалась. Никуда она не задевалась — вот она. Они очень похожи на “ядро” за тем исключением, что они гораздо беднее. Они очень хорошо образованны, они очень много читают. У них достаточно хороший социальный статус. Но они

бедноватые. “Зубры” — это люди в возрасте 50—60 лет; те, кто сейчас нами управляют и являются хозяевами жизни. Они не предприниматели, это не амбициозные люди: они прочно занимают свое место в этой жизни, но это как бы они уходящие натуры. И, наконец, “старая гвардия” — это люди, которые, образно говоря, только в последний момент вскочили на подножку поезда и зачастую являются представителями среднего класса не по своему личному статусу, а по статусу членов их семей. У этих групп совершенно разная электоральная активность, разное политическое мировоззрение. В общем, эти группы достаточно сильно рознятся между собой”.

Что же касается других доходных групп, лежащих за пределами как среднего класса, так и срединного слоя, то они, хотя и по разным причинам, воспринимаются далеко не однозначно. Об отсутствии в современной России принимаемой большинством общества «культуры богатства» говорит то, что в массовом восприятии «богатые» являются носителями скорее общественно порицаемых качеств и черт. Например, для них характерна «жадность» (32%), «неуважение к законам» (26%), «непорядочность» (21%), что говорит само за себя. Но когда респондентам приходится выбирать качества, свойственные беднякам, они называют обычные человеческие свойства, вполне уместные в рамки традиционной российской морали. Это, прежде всего, доброта (31%), законопослушность (28%), совестливость (19%). Беднякам, конечно, свойственны и негативные черты — лень (22%), пассивность, инертность (21%), низкий уровень образования (16%) — но вряд ли кто из исследователей осмелится назвать их социально осуждаемыми³⁶.

Оборотной стороной гедонистически настроенной прослойки “новых богатых” является проблема бедности, малоимущества. Как показывают результаты исследования ИС РАН³⁷, малоимущие слои россиян составляют сегодня немногим более 30% (31,7% всех опрошенных). Из них 15,5% составляют собственно бедные, живущие за чертой потребительского минимума или в непосредственной близости от этой черты, и еще 16,2% — это те, чьи доходы позволяют лишь ненамного подняться над этой чертой, своего рода “условно бедные”. Еще 27,2% составляют просто россияне, испытывающие те или иные материальные затруднения, уровень жизни которых лежит ниже сложившихся стандартов потребления российского “среднего класса”. Они занимают

³⁶ С. Львов. Мониторинг общественного мнения, № 2, 2007

³⁷ “Малоимущие в современной России”. Исследование ИС РАН по заказу Фонда Эберта. Рук. М. К. Горшков

промежуточное положение между бедными и средним классом. Что собой представляют современные российские малоимущие с точки зрения защищенности своих бытовых и политических прав? Насколько велика их политическая активность? К каким методам и путям они прибегают, чтобы защитить свои права?

Следует указать на то обстоятельство, что современные российские неимущие с точки зрения своего возрастного состава поделены на две неравные группы. 60,1% наиболее бедных россиян – это люди пенсионного возраста, перешедшие 60-летний рубеж. А моложе 30 лет лишь 11,8% представителей данной группы. Среди “условно бедных” данное соотношение составляет 56,3% против 15,1%. Это означает, что понятия “бедность” и “старость” становятся для нас почти синонимами. И это обстоятельство существенно отличает Россию-2008 от России времен дефолта, когда больше половины работающих граждан не могли заработать себе на хоть сколько-нибудь обеспеченную жизнь. Сегодня подавляющее большинство работающих и физически здоровых граждан в состоянии заработать себе не только “на кусок хлеба”, но и на вполне средний по меркам нынешних российских стандартов уровень жизни. “Молодые бедные” – это чаще всего жители глубинки, проживающие в небольших городах и селах и те, кто оказался в бедственном положении по причине особых семейных обстоятельств – потере кормильца, болезни кого-то из членов семьи, многодетности в условиях неполной семьи. Но ни в одной из основных социальных и профессиональных групп они не составляют сколько-нибудь значительного большинства. И, соответственно, им крайне затруднительно заявить о своих правах как какой-то особой, специфической группе населения.

Как показывают результаты настоящего исследования, а также другие исследования, проведенные ИС РАН в последние годы, социальное и политическое поведение “молодых” и “старых” бедных имеет существенные различия. “Пожилые” бедные, особенно в относительно активном возрасте 55-70 лет, достаточно консолидированы, готовы к проявлению политической и социальной активности, знают и умеют защищать свои права (вспомним хотя бы ситуацию с монетизацией льгот, ущемившую права именно этой социальной группы). “Молодые” бедные разобщены, социально пассивны, не интересуются политикой и не особо стремятся повлиять на свое бедственное положение путем политической и социальной активности, рассчитывая скорее на конкретную помощь со стороны государства и родственников.

Что же касается политического сознания бедных и малоимущих россиян, то оно весьма незначительно отличается от политического сознания других групп и категорий российских граждан. И это не случайно – несмотря на существенные социальные контрасты, общество остается по сути аморфным, неструктурированным, политическое сознание россиян лишь в слабой степени привязывается к интересам и социальному положению своей группы. Так на вопрос, имеет ли гражданин право на забастовку и проведение демонстраций, если с этим сопряжена угроза общественному порядку, 72,5% опрошенных отвечают, что не должен иметь такого права – в более категорической форме 24,9% и в менее категорической – 46,5%, которые лишь скорее согласны с этим утверждением. Для значительной части россиян забастовки и демонстрации так и не стали неотъемлемой частью их политической культуры, и поэтому воспринимаются как действия, носящие антисоциальный характер, способные подорвать общественный порядок. У “бедных” россиян уровень политической культуры еще ниже, чем у средней массы опрошенных, они еще в большей степени зависят от государства, поэтому их отношение к свободе забастовок и демонстраций, способных противостоять порядку, еще в большей степени негативно, чем у представителей более благополучных слоев общества. Только 17,6% опрошенных из числа “бедных” полагают, что граждане всегда имеют право на забастовку и демонстрацию, а 34,3% из них, напротив, уверенно полагают, что такого права быть не должно. Несколько выше в этом смысле политическое правосознание пожилых россиян, однако, и оно не превышает общероссийского фона (соответствующие цифры составляют 27,4% и 26,7%, соответственно). А вот представители благополучной части российского общества, имеющие к тому же и более высокий уровень образования, чаще высказываются в пользу свободы проведения забастовок и демонстраций – 29,4% безусловно за и только 19,9% безусловно против.

Одно из противоречий российской политической жизни в “путинскую эпоху” – это сочетание огромных разрывов между богатыми и бедными и отсутствием (или слабой выраженностью) политического самосознания этих социальных слоев.

Для современной России, переживающей острый кризис политических институтов, проблема защиты своих социально-экономических интересов в случае их резкого ухудшения не решается через политическое участие. Только 2,3% опрошенных для защиты своих интересов готовы вступить в политическую партию, 2,9% - искать защиты через систему отраслевых и федеральных

профсоюзов, 5,3% - выйти на митинги и демонстрации, 3,0% - даже взяться за оружие. При слабой горизонтальной мобильности, неразрешимости жилищной проблемы лишь 3,6% опрошенных видят для себя в качестве выхода переезд в другой регион страны, а 3,1% - выезд за рубеж. Значительное большинство – 29,4% в качестве выхода видят свои личные усилия по поиску нового, более существенного заработка, 4,2% готовы терпеть свое бедственное положение и дальше, так же как и те 16,8% опрошенных, которые не готовы ничего предпринимать в случае ухудшения своего материального положения. Неготовность использовать политические институты, политические партии, профсоюзы, акции протеста примерно равно характерны для групп с разным достатком.

Главным различием в алгоритме поведения бедных и благополучных является возможность поиска более высоких заработков. У представителей благополучных в материальном отношении групп эти возможности существенно выше (30,5%), чем у лиц старших возрастов (12,4%), и “молодых бедных” (16,7%). Это связано с тем, что как мы отмечали выше, бедность, в том числе и в трудоспособных возрастных группах, имеет главной причиной физическую невозможность работать из-за болезни, многодетности, других неблагоприятных обстоятельств жизни, в гораздо большей степени, чем низкие размеры заработка (см. таблицу 4).

Таблица 14

Формы политической активности различных групп и слоев российского общества, %

	Пожилые бедные (старше 50 лет)	Бедные До 50 лет	Условно бедные	Малоимущие	Благополучные	всего
Вступят в партию	2,1	2,8	2,6	1,7	2,8	2,3
Защищать права через профсоюзы	2,3	3,7	3,6	3,7	2,8	2,9
Митинги, демонстрации	5,5	5,6	4,8	4,8	4,1	5,3
Возьмутся за оружие	2,0	4,6	3,8	2,0	2,1	3,0
Переедут в другой регион	1,0	0,0	3,1	4,4	4,1	3,6
Выезд из России за рубеж	0,8	1,9	1,6	3,1	3,7	3,1
Искать дополнительные источники заработка	12,4	16,7	31,5	29,3	30,5	29,4

Терпеть дальше	6,5	5,6	2,4	2,0	2,0	4,2
Ничего предпринимать не будут	24,2	14,8	16,9	10,5	11,0	16,8

Источник: ИС РАН, 2008 г.

Кризис общественных и политических институтов практически оставляет единицам россиян возможности для эффективной защита своих прав и интересов. Половина опрошенных россиян не прибегали в последнее время к защите своих прав, так как не испытывали в этом необходимости, и еще 35,2% не делали этого потому, что не видят эффективной возможности для защиты собственных прав. По их мнению, любые усилия в этом направлении бесполезны. Среди же оставшегося меньшинства, которые все-таки прибегали к защите своих прав, половина (7,3%), делали это, не обращаясь к официальным инстанциям, а используя свои личные связи и знакомства. Еще меньше тех, кто обращался с этой целью в различные организации и инстанции (4,1%), договаривался непосредственно со своим начальством (4,1%), обращались в суд (3,1%), участвовали в профсоюзных акциях (1,2%), участвовали в забастовках и митингах (0,8%), участвовали в политических акциях (0,5%). Для малоимущих слоев населения, как пожилых, так и трудоспособных возрастов, характерна меньшая интенсивность усилий по защите своих прав, чем у более обеспеченных слоев населения. Однако “молодые бедные” при этом в своей активности существенно уступают “пожилым бедным”. Они вдвое реже обращаются в суд (1,9% против 3,6% у пожилой части населения), намного реже в иные организации и инстанции (0,7% против 4,5%), мало используя свои связи и знакомства (2,8% против 4,4%, тогда как к этой форме защите прав прибегали 13,3% “благополучных” опрошенных). 53,7% “молодых бедных” считают бесполезными усилия по защите своих прав, тогда как аналогичные цифры составляют 43,2% у пожилых россиян и всего 23,6% у представителей “благополучных” в материальном отношении групп общества.

Если общее число тех, кто оценивает ситуацию в стране как нормальную, составляет сегодня 45%, то в большинстве социально активных групп эта цифра превышает 50%. Так у квалифицированных рабочих этот показатель составляет 54%, у гуманитарной интеллигенции – 52%, у государственных служащих – 53%, у предпринимателей – 55%, у военнослужащих – 69%. Эти группы в целом и составляют сегодня «ядро» городского среднего класса. Выпадают из

оптимистического консенсуса, главным образом, те же пенсионеры (33,1%), жители села (43,1%) и некоторые другие менее крупные по объему группы населения. Эти группы современных аутсайдеров противостоят «мейнстриму» общественного оптимизма не только из-за более низких доходов, но и вследствие того, что составляют (пусть не целиком, но хотя бы частично) «островки» традиционного общества, в значительной степени сохранившего традиционалистские и советские жизненные установки – неприятие образа жизни современного буржуазно-потребительского общества. Таким образом, можно сделать вывод, что режим в целом до сих пор находил общий язык с большей частью активных групп общества, недовольство которых не до сих пор не выплескивалось в радикальный внесистемный протест. Что же касается групп радикально недовольных режимом, то они были не способны на радикальный протест в силу своего возраста, удаленности от больших городов, общей социальной пассивности. Казалось, что пока режим не поссорится всерьез с созданным им же «новым средним классом», никакая протестная активность ему не будет грозить.

Между тем, на исходе путинского президентского срока все чаще стали раздаваться «тревожные звонки». В обществе, в том числе и среди представителей среднего класса, стали усиливаться сомнения относительно того, «туда ли идет страна». Так на вопрос, согласны ли Вы с тем, что дела в стране идут в правильном направлении, в марте 2007 года общественное мнение раскололось практически поровну (26% полностью или скорее согласны; 23% полностью или скорее не согласны). А ведь еще два-три года назад численность оптимистов превышала 50%. Россияне фиксируют полный провал пенсионной реформы (более 55%), реформы ЖКХ (свыше 70%), скептически относятся к попыткам реформирования медицины и образовательной сферы, зачастую просто не понимая смысла и направленности подобных реформ. Все это и создает «зону отчуждения» между обществом и властью, которую все больше россиян начинает подозревать не просто в нерадивости, но и в «злом умысле». «Когда набьют карманы, смоются, а мы будем расхлебывать» - все чаще приходится слышать такие мнения и на фокус-группах, и просто в быту. Конечно, эти настроения вряд ли приведут сами по себе к социальной дестабилизации, по крайней мере, в самые ближайшие годы. Однако «системный кризис», в который страна вползает в далеко не самые плохие для себя времена, по мнению многих аналитиков, «не за горами». А кризисы в России имеют обычно непредсказуемый и

разрушительный характер. Как предвидит Т. Заславская, “вряд ли есть основания ожидать, что в ближайшие годы в России могут возникнуть новые социальные силы, способные вытянуть ее из сложившейся колеи. Более вероятно сохранение тех же тенденций развития, которые имеют место сейчас: раскол между властью и обществом будет лишь углубляться, элита — богатеть за счет ренты от эксплуатации общенародных ресурсов, а трудовой народ страны — расходовать энергию, знания и инициативу на выживание и некоторое улучшение собственной жизни, не задумываясь о более широких вопросах. Страна же и дальше будет двигаться в направлении, противоположном мировому развитию”³⁸.

Современный средний класс России, составляя всего четверть взрослого населения страны, ощутимо навязывает и другим группам общества свои ценности и стереотипы. Он молод и не имеет прочных корней в российской культуре и российских традициях. Он родом не из советского прошлого, а сформировался “с нуля” в последефолтовой России. Он очень буржуазен, по своим установкам ориентирован на спокойный потребительский образ жизни, достаток и комфорт. Он аполитичен, и требует от власти, в первую очередь, того, чтобы она к нему “не приставала”. Как показало исследование ВЦИОМ 2007 года, изменились и “представления о счастье”, характерные для нового среднего класса, а, значит, и для большей части всего российского общества.

Если для “советского человека” эпохи начала 90-х, верхом счастья был садовый участок с шестью сотками, собственная машина, пусть и “Жигули” первых моделей, дача, не говоря уже о цветном телевизоре и хорошей, красивой одежде, то сегодня налицо значительное повышение жизненных стандартов. Цветной телевизор, хорошая одежда из предметов мечты превратились в доступную обыденность, которая совсем перестала “греть душу”. Мечты о садовом участке трансформировались в мечту о “собственном доме”, о котором в 1991 году больше половины россиян и мечтать не могли. Вполне осуществимыми даже для граждан с рядовым достатком стали поездки за границу, пусть и на дешевые курорты Турции и Кипра. Конечно, собственный дом и ныне доступен далеко не всем, но все имеют знакомых и друзей, дом приобретших или построивших. А это означает, что “стандарты счастья”, которые обычно определяются верхней планкой потребления людей своего или ближнего круга, выросли на порядок. Однако дело не только в росте благосостояния наших граждан, формировании

³⁸ Т. И. Заславская. О смысле и предварительных итогах российской трансформации. В сборнике “Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации. М., 2003.

нового “среднего класса” относительно преуспевших россиян. Изменились во многом и сами люди. “Собственный дом”, являющийся предметом мечты и синонимом счастья для 69% сегодняшних россиян, и конкурирующий в этом отношении со “счастливым браком” – 65% - стал и ментальным символом успеха начала XXI века, воплощением желания российского гражданина, независимо от своего достатка и материальных возможностей, “обособиться” от жестокой и не всегда привлекательной социальной реальности, где “человек человеку волк”, окружить себя узким кругом самых близких людей, в основном ближайших членов семьи, и быть счастливыми за глухим забором дома или железной дверью городской квартиры. Не случайно ценность “счастливого брака” выросла за прошедшие годы с 45% до 65%, как и ценность относительно многодетной семьи (двухдетной с 19% до 27%, трехдетной – с 6 до 11%). Ценность “тихих семейных радостей” во многом стала компенсацией за разорванные социальные связи, атомизацию общества, потерю дружеского и профессионального круга общения. В “собственном доме” в окружении любящего супруга и детей современный россиянин отдыхает от изнурительной гонки за материальный достаток, в которую для него превратилась работа. Так если в 1991 году ценность интересной работы присутствовала в качестве ведущей у 43% россиян, то за минувшие годы этот показатель снизился до 30%. Еще сильнее упала ценность работы, “приносящей пользу обществу” – с 31% до 8%. Напротив, значение высокооплачиваемой работы возросло с 49% до 57%. Мужчинам важнее, чем женщинам, наличие своей машины, старикам в большей степени, чем молодым, - садового участка, дачи и множества детей и внуков, молодым в большей степени, чем пожилым – машина, высокооплачиваемая работа, высшее образование, богатым больше чем бедным – машина, счастливый брак, высокооплачиваемая работа и высшее образование, бедным в большей степени, чем богатым – дача, садовый участок, работа, приносящая пользу обществу, путешествия за границу и красивая одежда (см. таблицу 15).

Таблица 15

Представления о “благополучной жизни” среднего слоя россиян, %

	1991 г.	2007 г.
Собственный дом	46	69
Садовый участок, свой сад	27	9
Машина	38	34

Дача	18	6
Счастливый брак	45	65
Один ребенок в семье	5	6
Двое детей в семье	19	27
Трое детей в семье	6	11
Четверо и более детей в семье	3	5
Семья без детей	0	1
Высокооплачиваемая работа	49	57
Интересная работа	43	30
Работа, приносящая пользу обществу	21	8
Высшее образование для меня самого	11	6
Высшее образование для моих детей	31	27
Путешествия за границу	29	13
Цветной телевизор	19	1
Красивая одежда	27	3
Много денег	41	29
Другое, затруднились ответить	2	6

Источник: ВЦИОМ, 2007 г.

О политическом самосознании различных слоев российского общества свидетельствует следующая таблица (см. таблицу 16). Как это можно видеть, представители различных слоев общества голосуют по-разному, но различия не столь велики. Та же «Единая Россия», будучи партией «нового среднего класса», обеспечивает «Единой России» результат более 60%, но те, кто находится ниже, отстают от среднего класса незначительно – за «единороссов» голосуют 55%. Лишь в самой обездоленной группе рейтинг «ЕР» составляет всего 42%, но и там она лидирует с большим отрывом.

Пожалуй, КПРФ является единственной крупной партией, последовательно воспринимаемой самыми бедными (заметим – и пожилыми!) слоями общества как выразитель своих интересов. Средний класс дает этой партии всего 6%, а беднота – 19%.

Рейтинг ЛДПР в социальном разрезе практически ровный и эту партию вообще нельзя назвать выразителем каких-либо социально-классовых интересов. «Справедливая Россия» с ее неустоявшимся и мигрирующим электоратом скорее представляет бедные и неимущие слои населения, но лишь небольшую их часть, до авторитета КПРФ в этих группах общества ей еще очень далеко. Говорить о

социальном разрезе либеральных партий СПС и Яблока сегодня сложно ввиду крайней немногочисленности их сторонников, хотя в лучшие для себя годы СПС имела ярко выраженный молодой городской электорат с доходами значительно выше среднего. Но сегодня, после ухода СПС в глухую оппозицию, средний класс от него совершенно очевидно отвернулся, так как не готов отождествлять себя с маргинальными политическими силами.

Таблица 16

Партийные симпатии тех, кто входит и не входит в средний класс, %

	Можете ли вы отнести себя к среднему классу?				
	Всего	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет
Ведущие политические партии					
Партия «Единая Россия»	54,2	57	63	55	42
Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ)	10,2	5	6	9	19
Партия «Союз правых сил» (СПС)	0,5	0	1	0	0
Либерально-демократическая партия России (ЛДПР)	5,3	5	5	6	5
Партия «Справедливая Россия»	2,2	1	2	2	3
Партия «Яблоко»	0,6	1	1	0	1
Не участвовал в выборах	21,7	25	20	21	25
Не помню	2,8	3	2	3	2

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Анализ процессов политического самоопределения слоев российского общества позволяет сделать важный вывод о том, что в условиях социальной и политической стабильности тот самый многочисленный слой, который лежит ниже среднего класса, но не является бедным, во многом политически отождествляет свои интересы со средним классом. Он голосует солидарно скорее со средним классом, чем с беднотой, и именно это обстоятельство и является самым главным фактором, поддерживающим стабильность в стране. В этих условиях недовольство своим социальным положением бедных и малоимущих не влияет на общую политическую обстановку в стране. И та же «Единая Россия» является партией, скрепляющей союз среднего класса с его высокими жизненными стандартами и многочисленной «середки» по своим стандартам до среднего класса не дотягивающей. Союз этих двух важнейших социальных групп общества

определяет и закрепляет тот идеологический феномен, который мы называем “путинской метаидеологией”.

2.3. Другие социальные группы общества (профессиональные, региональные, по типу поселений). Их численность, состав, политическое самосознание.

Среди других общественных водоразделов, определяющих социальную структуру современной России, ведущее положение занимают социально-профессиональные, возрастные, региональные различия и различия по типам поселения.

Путинскую эпоху во многом справедливо называют «эпохой чиновничества». Действительно, именно на российскую бюрократию была сделана основная ставка в расчете на ее потенциальную «государственническую ментальность». Бюрократия сегодня являет собой важную составную часть среднего класса, причем наиболее обеспеченную и состоятельную его часть. О масштабах коррупции в стране сегодня говорят все, признавая это зло практически неистребимым, «имманентным» сущности сформировавшейся в России социально-экономической системы. Неприязнь к чиновничеству, как показывают результаты этого и других исследований, переносится обществом на неприязнь к «власти» как таковой. Власть всегда подозревают в злом умысле против граждан, она пользуется своего рода «презумпцией виновности» Исключение составляет только сам Президент, в восприятии общества, как бы стоящий над властью, над чиновничеством и не отвечающий за его деятельность. Все чаще раздаются голоса, называющие российскую бюрократию “правлящим классом”, по аналогии с некогда популярной книгой Михаила Восленского “Номенклатура – правящий класс Советского Союза³⁹”. По мнению этих аналитиков, именно российская бюрократия является наиболее организованной группой общества, способной лоббировать и тем более осознавать свои политические интересы. В то же время она численно совсем не столь велика, как это принято считать, согласно результатам настоящего исследования ее численность составляет 2,3% от всех взрослых россиян.

³⁹ Михаил Восленский. Номенклатура – господствующий класс Советского Союза. Изд-во “Из глубин”, Лондон, 1984

Согласно результатам исследования ИС РАН 2005 г.⁴⁰, «как полагают 66,7% опрошенных россиян, главная цель бюрократии – это «сохранение и постоянное увеличение своего богатства и влияния, невзирая на низкий уровень жизни населения». В ее заинтересованности в повышении благосостояния и уровня жизни населения в целом верят только 16,6% опрошенных, а в заинтересованность в подъеме России, росте ее могущества и того меньше – 2,1%. Более лояльное мнение группы «бюрократов» не меняет сути неблагоприятной оценки, среди также преобладает мнение о своекорыстии бюрократии (34,2%), хотя и с меньшим отрывом от альтернативных точек зрения. Итак, сделав ставку на бюрократию как носителя идеи государственности, режим В. Путина пока не сумел качественно видоизменить саму бюрократию, она остается носителем эгоистических и корыстных устремлений. Таков тупик «авторитарной модернизации» в российском исполнении».

Как видно из следующей таблицы, среди именно представителей государственного чиновничества больше всего тех, кто проголосовал на выборах 2007 года именно за «Единую Россию» – 65%. Но, безусловно, данная партия получила свой высокий результат совсем не благодаря поддержке этой численно совсем не столь большой группы общества.

Другая группа, которая не может не осознавать своих специфических социально-политических интересов, это представители российского бизнеса, предпринимательства. Ее размер составляет 2,8% от всех опрошенных россиян. Для этой группы характерно голосование за «Единую Россию» на среднем по стране уровне (54%), практически полное отсутствие голосующих за КПРФ (1%), невысокий результат ЛДПР (4%), и самое большое число тех, кто не участвовал в выборах (30%). Ясно, что даже если бизнесмены и осознают свои политические интересы, адекватного места в нынешней партийно-политической системе они пока не нашли. Еще одна специфическая социально-профессиональная группа – интеллигенция, не занятая в производстве, гуманитарная интеллигенция, всегда занимавшая в истории России свое особое место в обществе. На выборах эта группа голосовала «как все», не выразив никаких своих специфических политических пристрастий. Военнослужащие «отметились» относительно невысокой поддержкой «Единой России» – 48% и высоким уровнем голосования за ЛДПР (12%). Наиболее «характерной» группой являются пенсионеры, которые поделили свои симпатии между «Единой Россией» (55%) и КПРФ (20%),

⁴⁰ «Российская бюрократия: социально-политический портрет». Проект ИС РАН (рук. М. Горшков), М., 2005

практически проигнорировав все остальные политические партии (см. таблицу 17). Совершенно очевидно, что политическое самоопределение социально-профессиональных групп в современной России если и присутствует, то лишь в зачаточном состоянии. Формирование политических партий с опорой на те или иные социально-профессиональные группы не имеет значимых перспектив.

Таблица 17

Политический выбор некоторых социально-профессиональных групп, %

	Бизнесмен, предприниматель	Государственный служащий, работник административных органов	Специалист с высшим образованием на производстве	Специалист с высшим образованием вне производства (наука, культура, образование)	Служащие без высшего образования (секретарь, офисный работник, продавец)	Пенсионер, неработающий
Партия «Единая Россия»	52	55	48	54	65	60
Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ)	7	14	14	1	12	6
Партия «Союз правых сил» (СПС)	1	1				1
Либерально-демократическая партия России (ЛДПР)	8	8	12	4	3	4
Партия «Справедливая Россия»	3	2		5	1	2
Партия «Яблоко»	0		2	1		1
Не участвовал в выборах	25	18	19	30	16	19
Не помню	2	1	2	1	1	3

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Еще меньше оснований для политического сегментирования несут в себе противоречия между собственниками и наемными работниками, выдвигавшиеся классиками марксизма в качестве центральных. Россияне постепенно привыкают к отношениям, связанным с частной собственностью, работой на частных предприятиях, для нового поколения подобная ситуация воспринимается как все более естественная.

Среди возрастных групп центральное значение имеет политическое самоопределение российской молодежи. О том, каково политическое самосознание пожилых россиян, мы писали выше, обращая внимание на все более высокий уровень тождественности старости и бедности.

Как показывают результаты исследования, для молодежи в современной России нет политических сил, вызывающих у нее сколько-нибудь значимый интерес. Более трети представителей молодежи вообще не участвовали в парламентских выборах. А участвуя, голосуют за ту же “Единую Россию” (51%) или ЛДПР (6%), что скорее характерно для небогатой провинциальной молодежи мужского пола (см. таблицу 18).

Таблица 18
Политический выбор российской молодежи, %

Ведущие политические партии	%
Партия «Единая Россия»	51
Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ)	2
Партия «Союз правых сил» (СПС)	0
Либерально-демократическая партия России (ЛДПР)	6
Партия «Справедливая Россия»	1
Партия «Яблоко»	0
Не участвовал в выборах	35
Не помню	3

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Статистически все менее значимые становятся различия в политических симпатиях населения различных регионов России. Это не дает оснований говорить о тенденциях какого-либо самоопределения по этому признаку и формирования политических партий на основе принадлежности к тому или иному региону страны. Не слишком выраженными оказались и результаты политического выбора жителей различных типов населенных пунктов. Больше всего голосов за “Единую Россию” отдают жители небольших городов с населением от 50 до 100 тыс. человек – 63%, для остальных партий региональный разрез не несет никакой новой информации (см. таблицу 19).

Таблица 19

Политический выбор в населенных пунктах различной величины, %

	более 1млн.	500–999,9 тыс.	100–499,9 тыс.	50–99,9 тыс.	49,9 тыс. и менее	поселок городского типа (ПГТ)	село
Партия «Единая Россия»	55	46	50	63	48	53	60
Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ)	10	10	8	12	13	7	12
Партия «Союз правых сил» (СПС)	1	0	1	1		1	0
Либерально- демократическая партия России (ЛДПР)	6	6	5	4	6	5	5
Партия «Справедливая Россия»	2	1	2	2	3	2	3
Партия «Яблоко»	1	1	0		0	0	0
Не участвовал в выборах	19	30	28	16	23	27	16
Не помню	3	3	3	1	4	3	2

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Остальные социальные группы в еще меньшей степени могут служить основанием для формирования собственной политической идентичности. В период 1993-95 гг. в Государственной Думе имела представительство фракция «Женщины России», однако, как показал ход дальнейших процессов, половая идентичность в политике не прижилась. Ни по одному из наиболее значимых вопросов политической жизни мнения мужчин и женщин сколько-нибудь существенно не различаются. Мало сказывается на политике национальная идентичность, тем более, что, несмотря на наличие радикальных националистических организаций как русских, так и нерусских, ни одна из них не в состоянии претендовать на политическое представительство сколько-нибудь значимой части своей этнической группы. Не имеет большого значения в современной России и конфессиональное самоопределение, опять-таки исключая немногочисленные радикальные политические группировки.

Одновременно за последние годы продолжилась и тенденция сглаживания различий между отдельными идейно-политическими сегментами общества. Как

показали исследования ВЦИОМ, проведенные в 2005-06 гг., лишь около четверти опрошенных считают фактор идейных и партийных различий в сегодняшнем обществе «весьма значимым», а треть - вообще «малозначимым».

Гораздо более существенной представляется общественная дифференциация по социальному фактору (более 80% считают крайне значимой), а также по фактору социально-классовой принадлежности (более 50%), поколенческой принадлежности (около 40%). Это связано с тем, что общество продолжает выравниваться по своим ценностным ориентациям, снижается давление остатков традиционного общества, все сильнее доминирует массовая культура, отражающая образ жизни населения крупных городов, воспринимающих внешний мир через систему все более унифицированных СМИ.

В этих обстоятельствах все в меньшей степени адекватной представляется старая партийно-политическая система, унаследованная от 90-х годов с доминирующим характером именно идейно-политических различий. Можно предположить, что этот процесс продолжится и дальше, и формирование крупных политических партий однозначно «левой» или «правой» ориентации будет затруднительным.

В восприятии общественного мнения, на первое место по значимости выходят противоречия, связанные с различными доходами и различным положением в обществе, а другие противоречия, в том числе и связанные с идеями и партиями, несколько отходят на второй план (см. таблицу 20).

Таблица 20

Значимость различий и противоречий в российском обществе, %

По доходам (бедные, богатые, средний класс)	Весьма значимое	83,1
	Умеренно значимое	12,1
	Малозначимое	4,1
	Затруднились ответить	0,6
Национальные (русские, другие национальности)	Весьма значимое	38,1
	Умеренно значимое	35,5
	Малозначимое	24,8
	Затруднились ответить	1,6
Идейные и партийные (левые, правые, коммунисты, демократы, либералы и т.д.)	Весьма значимое	26,2
	Умеренно значимое	35,6
	Малозначимое	33,5
	Затруднились ответить	4,6

Религиозно-конфессиональные (православные, мусульмане, католики и т.д.)	Весьма значимое	25,6
	Умеренно значимое	34,8
	Малозначимое	36,0
	Затруднились ответить	3,6
Поселенческие (жители столиц, больших, средних и малых городов, сел)	Весьма значимое	34,6
	Умеренно значимое	31,5
	Малозначимое	31,2
	Затруднились ответить	2,6
Региональные (Центр, Дальний Восток, Сибирь и т.д.)	Весьма значимое	27,8
	Умеренно значимое	34,9
	Малозначимое	33,0
	Затруднились ответить	4,2
Поколенческие (молодежь, средний возраст, пожилые)	Весьма значимое	40,1
	Умеренно значимое	34,0
	Малозначимое	23,1
	Затруднились ответить	2,5
Социально-классовые (рабочий класс, интеллигенция, бизнесмены и т.д.)	Весьма значимое	53,1
	Умеренно значимое	27,0
	Малозначимое	16,5
	Затруднились ответить	3,3

Источник: ВЦИОМ, 2005 г.

Все сказанное позволяет утверждать, что современное российское общество является во многом ценностно однородным, а имеющиеся различия во взглядах скорее связаны с индивидуальным жизненным опытом, идентификацией с теми или иными культурными и политическими ценностями. На вопрос о том, какие ценности, идеи или социальные группы должны представлять политические партии в стране, в основном опрошенные выбирали партии, основанные на приоритете той или иной идеи, политической ценности. К этому мы более подробно вернемся в следующем разделе. А сейчас отметим лишь то, что лишь 11,4% россиян в числе двух наиболее привлекающих их партий назвали гипотетическую партию, “выражающую интересы наиболее активных, способных добиваться успеха слоев общества” (среди бизнесменов эта цифра составила 18%, а среди тех, кто безусловно отнес себя к среднему классу – 16%. Лишь 6,1% россиян готовы поддержать гипотетическую “партию, выражающую интересы государственных служащих” (среди самих госслужащих эта цифра составила 18%), 10,1% опрошенных поддержали партию, “выступающую за повышение самостоятельности регионов России” (самый высокий показатель среди

опрошенного населения Сибирского федерального округа – 14%). Это несравненно меньше, чем партии, основанные на основе идейно-политической сегментации, где в качестве ведущих идей, определяющих партийную направленность выступают идеи социальной справедливости и социальной защита населения (66,4%), а также идеи воссоздания мощного и крепкого государства (40,9%), (см. таблицу 21).

Таблица 21
Популярность гипотетических партий,
выделенных по различным основаниям, %

Если бы Вам пришлось выбирать между партиями, предлагающими в качестве ключевых следующие идеи, то какие из партий Вам ближе? (можно выбрать до 2 ответов)	%
Партия, выступающая за социальную справедливость и социальную защиту населения	66,4
Партия, выражающая интересы наиболее активных, способных добиваться успеха слоев общества	11,4
Партия, выражающая интересы государственных служащих	6,1
Партия, отстаивающая интересы русского населения, выступающая за ограничение наплыва в страну мигрантов	19,1
Партия, выступающая за демократические ценности, против государственного произвола и диктатуры	22,0
Партия, выступающая за общественное самоуправление, повышение роли трудящихся в управлении производством	12,7
Партия, выступающая за воссоздание мощного и крепкого государства	40,9
Партия, выступающая за повышение самостоятельности регионов России, усиление их роли в выработке общей политики	10,1
Партия, выступающая за развитие свободного предпринимательства и рынка	7,4
За другую	0,2
Ни за какую	3,0
Затрудняюсь ответить	4,4

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

С другой стороны, и идеологические различия в современной России все более смягчаются, тонут в рамках огромного идеологического болота, являющегося основой существующего идейного консенсуса. Что же должно

лежать в основе различий между политическими партиями? Здесь фиксируется два ключевых основания – это идеологии, идейные ориентации (37,3% опрошенных) и представительство различных социальных групп общества (32,8%). Существенное меньшее значение имеют такие основания как отношение к политике властей, поддержка или неподдержка президента, его политического курса (15,5%), представительство различных регионов (15,1%), представительство различных профессиональных групп общества (12,3%), представительство различных национальных и религиозных групп (4,8%), приближенность к власти, место в государственной иерархии (4,2%) (см. диаграмму 17).

Диаграмма 17

Как Вы считаете, что должно лежать в основе различий между политическими партиями? (закрытый вопрос, не более двух ответов)

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Что касается представительства различных социальных групп общества, то действующая партийно-политическая система в определенном отношении выполняет эту роль, хотя и с большими оговорками. В частности, отсутствуют политические силы, представляющие интересы наиболее экономически активных слоев общества, верхней части среднего класса и наиболее состоятельной части российского общества.

В качестве основного вывода по данному разделу можно констатировать, что в “путинской” России сложилась довольно устойчивая социальная структура. Ее цементирует не столько новый средний класс, численно еще не столь большой, сколько союз среднего класса и той самой массовой части общества, которую можно условно назвать “серединным классом”. Рост благосостояния и благоприятные социальные перспективы дают шансы “серединному классу” претендовать на полноценное вхождение в средний класс, менталитет и образ жизни которого воспринимается в качестве эталонного. В результате, несмотря на огромные разрывы в уровне жизни самых богатых и самых бедных, в наиболее массовых сегментах общества происходит процесс выравнивания доходов и потребительских стандартов, что обеспечивает ориентацию этой части общества на “партию власти”, ее лидеров и на тот круг идей, которые эта “партия власти” предлагает. В этих условиях социальное недовольство российской бедноты не способно дестабилизировать политическую ситуацию, тем более не способно сделать это глухое недовольство режимом со стороны крупного бизнеса и других слоев общества, которых не устраивает слишком высокая роль государства в экономической и политической жизни. Все эти обстоятельства создают объективные предпосылки для доминирования на российской политической сцене таких партий как “Единая Россия”, а на идеолого-мировоззренческом уровне такого феномена как “путинская консенсусная метаидеология”, на которой мы более детально остановимся в следующем разделе.

3. Идейная и мировоззренческая сегментация российского общества

3.1. *Роль идейных противоречий в современной России*

Что касается противоречий, связанных с различными идейными и политическими убеждениями, то они в последефолтовой России длительное время носили явно угасающий характер. Россия пережила период раскола по идейно-политическим основаниям на рубеже 80-х и 90-х годов, причем пережила болезненно, едва не была развязана гражданская война, по крайней мере, ее симптомы воспринимались вполне реально.. В 90-е годы, даже в их второй, более спокойной половине, страх перед угрозой гражданской войны занимал одно из ведущих мест в списке фобий общественного сознания. Сегодня общество в гораздо большей степени ценностно объединено, консолидировано, и страх гражданской войны ушел из числа наиболее значимых страхов и опасений. В стране сформировался идейно-политический синтез, в рамках которой идейно-политические различия между группами и отдельными гражданами во многом отошли и продолжают отходить на второй план.

Как это показывают результаты многочисленных исследований, за последнее десятилетие в стране произошла существенная унификация ценностей, кризис ценностей, разрывавший общество в начале 90-х годов, оказался в целом преодоленным. На место расколу общества по идейно-политическим основаниям, определявшему вектор политических трансформаций в первой половине 90-х годов, в конце того же десятилетия пришел идейно-политический и ценностный синтез. В последовавшие годы данный феномен постепенно стал основой **“метаидеологии”** так называемого «путинского большинства», обрел социальный фундамент в виде нового среднего класса, отражающего стабилизацию социальной структуры общества, получил определенное теоретическое обоснование со стороны властей (концепция «суверенной демократии»), обрел черты официальной идеологии. Внешне оставаясь эклектичным набором зачастую противоречащих друг другу идеологем, идейно-политический синтез стал постепенно обретать и некую внутреннюю целостность. Главной отличительной чертой нового запроса этого большинства является ориентация на власть, объединяющая общество, реализующую общенациональную субъектность, в противовес многочисленным кланам и группировкам, растаскивающим власть, реализующим частные или групповые

интересы. Распад общества в 90-е, едва не обернувшийся гражданским противостоянием, стал восприниматься россиянами как преодоленная болезнь. Тяга к единению сыграла свою значительную роль в дискредитации политической оппозиции, даже если на уровне заявлений и деклараций она вызывает согласие, общество смирилось и даже скорее поддержало меры по построению административной вертикали, включая отмену прямых выборов глав субъектов федерации, одновременно осознавая, что эти меры лишают граждан части их прав на волеизъявление. В сегодняшней России нет и не предвидится серьезных «партий интересов», которые бы в соответствии с требованиями классической политологии, отражали бы и защищали интересы каких-то отдельных групп общества. А когда такие партии появляются, они скорее имитируют свои «социальные» корни и соответствующие им социально-экономические парадигмы. То же касается и идейно-мировоззренческих размежеваний в обществе. Поэтому нынешняя партийно-политическая система является отражением двух довольно вялых оснований общественного сегментирования, энергетика которых слаба и еще и «гасится» из высоких кабинетов с помощью подконтрольных электронных СМИ и прямого административного манипулирования.

Что же стоит за новым идейным и ценностным консенсусом? Для объяснения подобного феномена, политологи ссылаются на феномен **синкретизма**, слабой изначальной расчлененности массового сознания. Множественность парадигм воспринимается на уровне глубинных архетипов как болезненное состояние, раскол, предчувствие гражданской войны. Нынешний период – тому казалось бы яркое подтверждение. Люди голосуют за «единство», даже наступая на горло собственным взглядам и симпатиям. Однако сегодня этот «тренд» на единение представляется в определенной степени исчерпанным и вполне может смениться трендом с противоположным знаком, то есть распадом так до конца и не сформированной нации. В тоже время вопрос, является ли тяга к единению характерной чертой именно «путинского» этапа, определявшего жизнь России в 2000-98 гг., или же она является возвращением к имманентно присущим россиянам глубинным национальным архетипам, и, в соответствии с этим, «особой чертой», отличающей российскую политическую модель от европейской, остается предметом дискуссий среди политологов и историков. На наш взгляд, более обоснованной является первая точка зрения, согласно которой феномен объединения общества вокруг «партии власти» не является проявлением «вековой русской соборности» и сопряжен одновременно с безразличием, общественно-

политической пассивностью, носит во многом формальный характер. «Синкретизм» массового сознания, когда на уровне подсознания каждый гражданин воспринимает себя скорее как часть целого, чем как самостоятельного субъекта вступает в противоречие с другими данными, свидетельствующими о глубокой индивидуализации общественного бытия современных россиян, их нежелании и неспособности выстраивать социальные связи и проявлять солидаризм. Данные настоящего исследования подтверждают эту хорошо известную тенденцию, объясняющую во многом то видимое противоречие, когда «левый» общественно-политический запрос вполне удовлетворяется «правой» социально-экономической политикой.

Обе названные крайности – синкретизм и индивидуализм – сосуществуют в современной России и определяют тот феномен, который мы называем «путинской метаидеологией». Она, пусть и скорее на формальном уровне, оказалась способной объединить представителей самых разных социальных слоев и идейно-политических ориентаций. Нюансы общественных разногласий оказываются на практике не столь важными перед интуитивно поставленной обществом задачи формирования единой нации, и не помешали в определенный период времени сплотиться вокруг «партии власти» и пролагаемого ей политического и экономического курса, далеко не бесспорного, если оценивать его с точки зрения отдельных положений и позиций. Внешняя эклектичность «метаидеологии» заставляет многих видных исследователей российского общества вообще отказать ей в праве на существование. На уровне массового сознания они видят в ней только «кашу в головах», а на уровне политики – только популизм, стремление подыграть массовым настроениям и ничего не делать, ничего не менять. Эту точку зрения ярко изобразил Д. Фурман⁴¹: «если попытаться по разным речам, высказываниям и действиям вычленить идеологию Путина – ничего не получится. «Советский Союз оказался нежизнеспособен» (интересно, почему?). «Распад СССР был крупнейшей геополитической катастрофой». Что это значит? Когда он понял, что это – катастрофа? Если давно понимал, то почему не защищал его, хотя бы с гэкачепистами? 90-е годы преподносятся Путиным как годы провала, но если так, то почему ты верно служил лидерам, воплощавшим дух 90-х, – Собчаку, а потом Ельцину? Путин наверняка искренне говорил о себе как о настоящем демократе, но очень одобрительно отзывался о служившем Гитлеру Иване Ильине и в духовники себе взял человека, для которого главным

⁴¹ Д. Фурман. Импровизаторы у власти. Приложение «Наука» к «Независимой газете», 25 июня 2008 г.

предметом веры является, очевидно, борьба с «западной цивилизацией»... Перечисление подобных противоречий и курьезов можно продолжать до бесконечности. Получается какая-то «каша», набор противоречащих друг другу и гасящих друг друга представлений. Эта «каша» не может дать мотивации ни для какой ясной политики. Какую-то ясную идею можно претворять в жизнь, и это может получиться или не получиться, но если идеи – смутные и противоречивые, ничего определенного у тебя получиться не может. Ты идешь в каком-то направлении, но, когда заходишь слишком далеко, пугаешься и отходишь. Но если у политика нет общей политической идеи, ему трудно составить и ясные личные планы. Планирует ли Путин вернуться в 2012 году – он скорее всего и сам не знает («как сложится»). Эта «каша» – не личная «каша» сознания нашего бывшего президента, а теперь премьера. Это «каша» нашего массового сознания. Каждый социологический опрос раскрывает в ответах примерно те же противоречия, которые мы видим у Путина. У нас общество – вроде бы не против демократии и никаких иных моделей устройства не имеет, но вроде бы и не за. Мы вроде бы считаем себя частью Европы, но боимся расширения НАТО и цветных революций. И т.д. и т.п. И идейная эволюция Путина повторяет идейную эволюцию общества. И это – отнюдь не сознательное приспособление, не лицемерие. Просто сознание Путина – миниатюрный слепок массового, микрокосм повторяет макрокосм, с очень небольшими индивидуальными отклонениями. Отчасти поэтому Путин и был так популярен – любой человек с ясными взглядами вызывал бы у кого-то отторжение. Идейной аморфности общества соответствует идейно аморфная личность правителя. И если при этом личность правителя способна внушить уверенность, что она знает, куда идет, что у нее есть план, – ничего лучше быть не может. Можно дрейфовать в неизвестном направлении, будучи абсолютно спокойными, – капитан у руля. Причудливость, запутанность теперешней ситуации и полная непредсказуемость нашего политического будущего – это в конечном счете порождение хаотичности, «кашеобразности» нашего массового сознания, сознания общества, не способного ни жить в условиях демократии, ни отказаться от нее, поскольку никаких альтернативных моделей у него нет. Сейчас оно застыло в ожидании, что решит начальство. Но в сознании начальства – те же противоречивость и неопределенность. Оно само не знает, куда плыть».

По данным ИС РАН и ВЦИОМа, противостояние идеологических полюсов по своей силе значительно уступает противостоянию «богатых» и «бедных»,

«чиновников» и «обычных граждан», «жителей мегаполисов» и «жителей провинциальных городов», населения различных регионов страны. Основной ценностный вектор, связываемый с понятиями «порядок» и «справедливость», разделяется практически всеми группами нашего общества. Программы и лозунги большинства партий становятся очень похожими, не случайно даже последние избирательные кампании СПС в ряде регионов проходили под знаком восстановления социальной справедливости, а что уж говорить о более левых партиях. Действующая власть и ее партийные представители в лице «Единой России» во многом «впитали» как левые, так и правые идеи, что позволило им как бы «выпасть» из идейно-политического спектра, привлечь на свою сторону даже те группы, которые в логике идейно-политического пространства ранее противостояли друг другу. Идеи сильного суверенного государства, социальной справедливости, эффективной рыночной экономики, национального достоинства – определяют **«лево-правый» синтез**, характерный для государственной «квазиидеологии», сформировавшейся при В. Путине⁴². Этот синтез обеспечивает в настоящее время «партии власти» поддержку не менее половины населения страны, а на федеральных выборах даже превышает этот показатель. В отличие от социокультурной ситуации середины 90-х, когда носителями консервативной идеологии и системы ценностей выступали традиционалистские слои общества, в основе нынешних неоконсервативных тенденций лежат совершенно иные общественные слои, в первую очередь, новый средний класс, сформировавшийся в России уже после 1998 года.

Если говорить о социальном содержании «лево-правого синтеза», то следует отметить, что тенденции «влево», характерные для современной России, лишь в малой степени являются формой «реванша» за поражение социализма в начале 90-х годов. Ведь как показывают результаты опросов, сегодня к идеям социальной справедливости как главным для России пришли практически все группы общества, а не только те, которые живут воспоминаниями о минувшем.

Второй важной особенностью «путинской метаидеологии» является усиление консервативных тенденций, поиск «порядка», идеология патриотизма. Для современного российского общества кроме сдвига влево, характерно и усиление консервативных тенденций как в менталитете и настроениях ведущих групп общества, так и в трансформации политической системы⁴³. «Порядок» и «справедливость» стали требованием и нового среднего класса, который

⁴² В. Петухов. Динамика мировоззренческих и идеологических установок россиян. «Мониторинг общественного мнения», № 1, 2008.

сформировался уже при В. Путине и, казалось бы, вполне неплохо устроился в нынешней России. Сдвиг общества влево сочетается с ростом интереса к российской почве, социальной и исторической «органике», одновременно растет и этническая составляющая российского национального сознания. А это означает, что какая бы власть не пришла к рулю большой политики в обозримом будущем, она должна будет в той или иной форме ответить на «лево-правый» запрос общества. Вектор поиска общенациональной идеологии на сегодняшний день направлен в сторону идей сильного, социально ориентированного государства (государственного социализма) и патриотического внешнеполитического курса страны. Именно эти требования предъявляет общество и нынешней власти, и той, которая будет постепенно формироваться в России в ближайшие годы. «Патриотическая» составляющая консенсусной идеологии во многом купирует крен влево, способствует сохранению статус-кво.

Таким образом, в нынешней России сформировался своего рода «ценностный консенсус», социокультурный феномен, когда по целому ряду ключевых вопросов, хотя бы на уровне парадных ценностей, достигается согласие большей части общества. Этот феномен мы отмечали еще на рубеже 2000-2001 гг.⁴⁴, когда перспективы и рамки данного явления еще не были отчетливо ясны. Речь идет о завершении большого трансформационного цикла, начавшегося даже не в конце 80-х годов прошлого века, а значительно раньше, в период существенных изменений ценностных установок советского общества еще в 60-е и особенно в 70-е годы. Именно тогда сформировался запрос со стороны средних слоев советского общества и советской элиты на формирование в России массового потребительского общества на основе индивидуалистической системы ценностей. Этот запрос разрушил советский традиционализм, привел в действие механизмы политической трансформации⁴⁵. Однако этот цикл еще не закончен – новый «порядок», который бы устроил новые слои российского общества, еще не создан, более того, проблема его отсутствия переживается обществом все более остро в последние годы. «Мечта о порядке», когда под словом «порядок» понимается отнюдь не установление репрессивного режима и «закручивание гаек», а формирование общественного порядка, который признается большинством общества справедливым и эффективным, остается далекой от

⁴³ Л. Бызов. Российское общество в поисках неоконсервативного синтеза. Восточноевропейские исследования, № 2, 2005.

⁴⁴ Л. Бызов. Первые контуры постпереходной эпохи. Социс, 2001, № 3

⁴⁵ Н. Бирюков, В. Сергеев. Становление институтов представительной власти в современной России, М., 2004

своего воплощения. Несмотря на общую социально-политическую стабильность в стране, по данным ВЦИОМ, в 2007 году только 17,1%, то есть глубокое меньшинство признавали справедливость и эффективность нынешнего социально-политического строя. Сегодня важно понять, каковы перспективы этой ценностной и социокультурной эволюции, какой тип общества может возникнуть в качестве итога завершающегося цикла, и, соответственно, каковы качественные составляющие «нового консерватизма», какие социокультурные и политические реалии несет нам этот магистральный на сегодняшний день общественный запрос. Тем более, что сегодня наблюдается некоторая бифуркационная точка трансформации, когда установки на «стабильность любой ценой» постепенно сменяются установками на перемены. Общество отдохнуло, накопило силы для завершающего трансформационного витка, хотя остается велика и инерция стабильности.

Однако наличие консенсусной метаидеологии не означает отсутствия расколов и разногласий на идейной почве. Другое дело, что эти расколы не всегда носят достаточно актуальный характер, чтобы проявляться на уровне партийно-политических симпатий. Например, вопрос о приоритете таких базовых ценностей как порядок и свобода. Для подавляющего большинства россиян и та, и другая ценности входят в число первых пяти, а тои трех по степени значимости. Но в центре политического “болота”, по мере приближения к ядру метаидеологического консенсуса они все в меньшей степени противоречат друг другу. Большинство опрашиваемых признается в том, что “и то важно, и это важно”, одни на первое место ставят порядок, другие свободу, но этот выбор не носит для них чрезмерно принципиального характера.

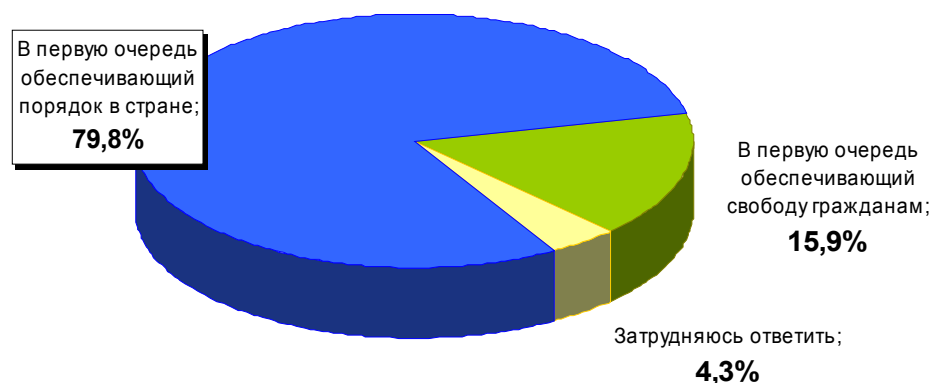
Иное дело – по мере продвижения к политизированным флангам политического пространства происходит все более жесткое противопоставление этих ценностей, противоречия между ними становятся как бы символом “двух полярных миров” – царства жесткого порядка и царства свободы и индивидуализма. В результате только 10% из тех, кто предпочел “порядок” “свободе” готов проголосовать за “партию порядка”, и только 7% из тех, кто предпочел “свободу” “порядку” готов проголосовать за “партию свободы”.

Сам факт предпочтения “порядка свободе (79,8% опрошенных предпочли бы жить в стране, где государственная власть обеспечивает, в первую очередь, порядок в стране и только 15,9% выбирают государственную власть, обеспечивающую в первую очередь, свободу) (см. диаграмму 19). Является

отражением магистрального запроса сегодняшних россиян, того самого “правового” мейнстрима, о котором мы писали выше. Как отмечает В. Петухов, “что же касается понятий, которые в наибольшей степени «ласкают» слух россиян, то в том, что это именно «порядок», «справедливость», «стабильность», «свобода», «достаток», во-первых, нет ничего экстраординарного, а во вторых, специфически российского. Это ценностная палитра, которая определяет приоритеты любого демократически организованного общества. В то же время в интерпретации некоторых важных понятий и идеологией нашими согражданами, есть, безусловно, определенная специфика, связанная с особенностями жизни страны последних пятнадцати-двадцати лет⁴⁶”.

Диаграмма 18

Как Вы думаете, каков должен быть характер государственной власти в России?
(закрытый вопрос, один ответ)

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Итак, казалось бы, явное идейно-политическое противоречие. Однако взгляд на следующую таблицу показывает, что голосование и сторонников порядка, и сторонников свободы происходит во многом солидарно. За “Единую Россию” голосует 54% сторонников “порядка” и 55% сторонников свободы. Лишь голосование за КПРФ носит полярный в этих группах характер. За эту партию голосуют 12% сторонников порядка и только 3% сторонников свободы (см. Табл. 22). То есть КПРФ выступает в качестве партии тех политизированных сторонников порядка, которые не вписываются в метаидеологический консенсус, в котором порядок и свобода мирно сосуществуют друг с другом. А вот у

⁴⁶ В. Петухов. Динамика мировоззренческих и идеологических установок россиян. Мониторинг общественного мнения, 2008, № 1.

сторонников “свободы” такой партии, после фактического распада Яблока и СПС, такой партии нет, и они вынуждены либо идти на улицу вместе с “Другой Россией”, либо уходить в “бессознанку”, отказываясь от участия в выборах вообще.

Таблица 22

Политический выбор сторонников приоритета свободы и порядка, %

	В первую очередь обеспечивающий порядок в стране	В первую очередь обеспечивающий свободу гражданам
Аграрная партия России	1	0
Партия «Гражданская сила»	0	
Демократическая партия России	0	0
Партия «Единая Россия»	54	55
Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ)	12	3
Партия «Союз правых сил» (СПС)	0	1
Партия социальной справедливости	0	0
Либерально-демократическая партия России (ЛДПР)	5	7
Партия «Справедливая Россия»	2	2
Партия «Патриоты России»	1	1
Партия «Яблоко»	0	1
Не участвовал в выборах	21	24
Не помню	3	3

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

По мнению В. Петухова, “что касается фиксируемого опросами общественного мнения запроса на порядок, то за ним лежит отнюдь не только социокультурная традиция и уж тем более не вековая рабская психология русских, а реакция на вполне конкретные обстоятельства жизни. В частности, на хаотичность тех общественных процессов, с которыми сталкивалась страна на протяжении последнего десятилетия. Ведь современная Россия – это классическое «общество риска», где появившиеся возможности для самореализации активных групп населения причудливым образом сочетаются со страхом, несправедливостью и т.п., являющимися в каком-то смысле обратной стороной обретенной свободы, возможностью строить свою жизнь в соответствии с собственными представлениями. Отсюда и спайка в сознании многих россиян идеей свободы и безопасности в надежде на такой социальный порядок, который

бы обеспечивал и то, и другое. С этой точки зрения ставить знак равенства между запросом на порядок и запросом на авторитаризм и полицейщину было бы неправильным и несправедливым⁴⁷. В общем-то не очень велики различия между сторонниками порядка и свободы и в отношении того, как оценивать курс властей и общее направление развития страны. Из следующей таблицы видно, что сторонники свободы несколько более лояльны действиям властей и более оптимистичны в отношении курса страны, но эти различия не на порядок. Так 64% сторонников свободы полагают, что в стране дела идут в правильном направлении, и аналогичной точки зрения придерживаются 55% сторонников порядка (см. Табл. 23). Вот и пример феномена внешне эклектичной метаидеологии, в рамках которой мирно уживаются сторонники приоритета ценностей, которые на первый взгляд кажутся взаимоисключающими.

Таблица 23

Отношение к курсу страны у сторонников приоритета свободы и порядка, %

Как Вы считаете, в правильном или неправильном направлении идут дела в стране?	В первую очередь обеспечивающий порядок в стране	В первую очередь обеспечивающий свободу гражданам
Безусловно, в правильном	4	6
Скорее в правильном	51	58
Скорее в неправильном	26	18
Безусловно, в неправильном	6	5
Затрудняюсь ответить	13	12

Источник: ВЦИОМ, 2008

И это касается противоречия, которое на сегодняшний день является центральным, системообразующим для партийно-политического спектра. Рассмотрим и другие аналогичные противоречия, которые прошли тестирование в ходе проведенного исследования. Отношение к людям, которые занимаются частным предпринимательством – малым и средним бизнесом – сегодня практически не раскалывает общественное мнение. К этой социальной группе доминирует ровное позитивное отношение – 81,1% опрошенных относятся хорошо или скорее хорошо (см. таблица 24). Для россиян в их отношении к бизнес сегодня важно иное – чем конкретно занимается бизнесмен? Платит ли он

⁴⁷ В. Петухов. Динамика мировоззренческих и идеологических установок россиян. Мониторинг общественного мнения, 2008, № 1.

налоги? Делает ли деньги из воздуха или производит полезные стране товары и услуги? Негативное отношение к бизнесменам ко всем сразу, как к классу “эксплуататоров” осталось лишь среди наиболее пожилой и консервативной части общества и сегодня погоды не делает.

Таблица 24
Отношение к бизнесменам, предпринимателям, %

Как Вы в целом относитесь к людям, которые занимаются частным предпринимательством – малым и средним бизнесом?	%
Отношусь хорошо	34,8
Скорее хорошо	46,3
Скорее плохо	8,0
Плохо	3,5
Затрудняюсь ответить	7,4

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

По мнению ряда экспертов⁴⁸, серьезной проблемой, создающей угрозу раскола общества, является отношение к идеям демократии. Кремль, отходя от базовых принципов демократии, действует скорее вопреки нарастающему и набирающему силу общественному запросу. “Повестка Кремля” начинает расходиться с той, которая явно или неявно присутствует в общественном мнении. Общественным мнением политические инициативы Путина опознаются как расходящиеся с демократическими идеалами. При этом демократические принципы не рассматриваются как нечто теряющее свою значимость. Напротив, за время правления В. Путина усилился общественный запрос на демократические институты и ценности. Спрос общественности на объективную информацию выдержал испытание терактами и остается высоким. Обострение террористической угрозы способно актуализировать массовую заинтересованность в объективной и разносторонней информации. Люди хотят знать обо всем, что имеет непосредственное отношение к личной безопасности и безопасности их близких. По данным Левада-центра, в октябре 2004 г. 60% высказывались в пользу получения полной и честной информации, в том числе и о террористических актах, а не отфильтрованной властями. В поддержку ограничения потока “негативной информации” выступали 37%. Шок от событий в

⁴⁸ “ЦПТ ПОДВОДИТ ИТОГИ ГОДА: ПАРТИИ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В “СИСТЕМЕ ПУТИНА”. “Анализ и прогноз политической ситуации”, 2005 год. Автор Алексей Зудин.

Беслане не смог переломить доминирующую в общественном мнении тенденцию. За последние несколько лет оценка общественным мнением критики власти как социально одобряемого явления еще более окрепла, в то время как общественная поддержка действий властей в отношении СМИ стала ослабевать. Общественное мнение прочно относит критику власти в СМИ в разряд социально одобряемых явлений. Такой позиции общественное мнение придерживалось в начале первого президентского срока В. Путина. По данным Левада-центра, в 2000 г. более половины считали, что "критика власти в СМИ идет сейчас на пользу положению в стране" (56%). Противоположной точки зрения придерживалось немногим более четверти (27%). При этом значительная часть общественного мнения испытывала затруднения с формулированием своей позиции по данному вопросу (17%). За время правления действующего Президента социальное одобрение критики власти в СМИ стало еще более масштабным. В 2004 г. удельный вес позитивных оценок критики власти в СМИ вырос до 65%, а доля лиц, придерживающихся противоположной позиции сократилась до 21%. Позиция общественного мнения по данному вопросу стала более определенной: количество затруднившихся с ответом уменьшилась до 14%. В общественном мнении наметились тенденция к изменению восприятия действий властей в отношении СМИ. На первый взгляд ситуация в этой области принципиально не изменилась. По данным Левада-центра, с сентября 2000 г. по середину ноября 2004 г. соотношение между сторонниками и противниками государственного контроля над СМИ практически не изменилось (31%:27% в 2000 г. и 29%:26% в 2004 г.). Большинство по-прежнему не усматривает в действиях властей угрозу свободе слова и ущемление прав независимых СМИ. И в 2000 г., и в 2004 г. этот показатель оставался на уровне 46%. В то же время доля тех, кто считает, что "власти России ведут наступление на свободу слова и ущемляют независимые СМИ" увеличилась с 30% до 38%. Ощутимо ослабла и общественная оправданность усиления государственного контроля над СМИ: с 29% до 35% увеличилась доля тех, кто не усматривает какой-либо связи между обсуждаемой мерой и интересами России. При этом позиция общественного мнения стала более определенной: доля затруднившихся сформулировать свое мнение по данному вопросу сократилась с 13% до 10%. Сдвиги в общественном мнении за время правления В. Путина осуществляются хотя и не равномерно, но в то же время укладываются в достаточно последовательную тенденцию. Восстановление доверия к СМИ и растущее опознание свободы информации как

средства, уравнивающего растущую власть государства, идет рука об руку с укреплением поддержки общественным мнением необходимости политической оппозиции. По данным Левада-центра, в октябре 2004 г. 66% согласились с утверждением, что в России нужны общественные движения, партии, находящиеся в оппозиции президенту и могущие оказывать серьёзное влияние на жизнь страны. Противоположного мнения придерживались 21%. В 2000 г. соотношение между сторонниками и противниками необходимости политической оппозиции составляло 47%:29%. Расширение поддержки общественным мнением необходимости оппозиции совпадало по времени с другой тенденцией: растущим осознанием отсутствия в современной России влиятельных оппозиционных движений и партий. По данным Левада-центра, в октябре 2000 г. такого мнения придерживалось 25%, а в октябре 2004 г. их число увеличилось до 47%. Общественное мнение все больше склонно воспринимать политическое развитие страны через призму "сдержек и противовесов" и политической конкуренции. Такова политическая повестка общества, и ее отличает отчетливая ориентация на демократические ценности.

Среди других значимых противоречий, отражающих различие ценностей и идейно-политических установок россиян, являются следующие (см. диаграммы 19–26):

1. Противоречие **“перемены, обновление – стабильность”**. За перемены выступают 49,2% россиян, за стабильность, отсутствие перемен – 44,8%. За самые последние годы число сторонников перемен начинает медленно расти, и сегодня немного опережает число сторонников стабильности. За перемены выступают те группы общества, которые не слишком высоко оценивают положение дел в стране – это коммунисты, русские националисты. А сторонники “Единой России”, а также те, кто разделяют нынешнюю господствующую идеологию, связанную с сочетанием либеральных идей в экономике и сильного государства – выступают скорее против перемен.

2. Противоречие **“установка на самостоятельность – установка на патернализм, поддержку со стороны государства”**. Как и все предшествующие годы более двух третей россиян – 68,6% - по-прежнему полагают, что без поддержки со стороны государства им и членам их семьи выжить сложно. Им противостоит активное меньшинство в 23,3%, готовое самостоятельно пуститься в плавание по жизни. За последние пять лет благосостояние россиян выросло

почти в два раза, но доля тех, кто не может прожить без помощи государства, не сокращается. Это соотношение характерно для всех групп общества, кроме правых либералов и либеральных консерваторов. Однако сильной праволиберальной партии, отстаивающей эту систему ценностей, в России нет.

3. Противоречие “авторитаристы – демократы”. Это противоречие в чем-то близко к уже рассмотренному выше противоречию между сторонниками приоритета порядка и приоритета свободы. 55,0% россиян предпочитает выбирать “твердую руку, которая наведет порядок, даже если для этого придется ограничить некоторые свободы”, а 37,6% считают, что “свобода слова, политического выбора, перемещений по стране и за ее пределы – это то, от чего нельзя отказываться ни при каких обстоятельствах”. Соотношение авторитаристов и демократов остается практически неизменным все последние 5 - 8 лет и отражает высокую ценность порядка и авторитета личной власти в умах значительной части общества. Сторонники демократии неуверенно преобладают в тех группах политического сознания, которые принято связывать с демократической идеологией. Но и в этих группах сторонники авторитарного пути развития страны занимают довольно-таки прочные позиции.

4. Противоречие “западники – самобытники”. После недолгого увлечения западничеством в первой половине 90-х годов, последние десять лет в России прочно преобладают сторонники самостоятельного пути развития России, отличного от стран Запада – таковых сегодня в России 72,7% и только 17,8% считают, что России следует поскорее войти в сообщество западных стран. Это соотношение все больше растет в пользу самобытников, тем более, что при В. Путине подобная установка стала почти официальной идеологией. Однако – в чем именно состоит “свой, особый путь России” – сказать не могут ни представители официальных кругов, ни националистическая оппозиция, предлагающая в качестве рецепта советы из другой исторической эпохи. Даже в группах общества, поддерживающих демократические ценности, доля самобытников превосходит численность западников.

5. Противоречие “сторонники нового передела собственности и восстановления принципов справедливости – сторонники статус кво”. 54,5% россиян так и не могут смириться с нарушением базовых принципов справедливости в ходе приватизации 90-х годов и считают, что богатства, нажитые несправедливым путем, надо конфисковать, а их сторонников – наказать по всей строгости закона. 31,3%, напротив, считают, что нового передела

собственности допускать не следует. В конце 90-х годов цифра сторонников нового передела превышала 70%, она медленно снижается. В первую очередь, в результате выхода на сцену новых поколений, для которых социалистическая собственность – это уже давняя и не слишком интересная история. Сторонники передела преобладают почти во всех группах общества, кроме сторонников право-либеральной идеологии и либеральных консерваторов, но и там соотношение близко к “фифти-фифти”.

6. Противоречие “индивидуализм – коллективизм”. 52,9% россиян уверены, что “личные интересы – это главное для человека, их нельзя ограничивать даже ради блага общества”, то есть выступают в качестве индивидуалистов, занятых преимущественно своими частными проблемами. По мнению 31,4% “людям следует ограничивать свои личные интересы во имя интересов государства и общества”. Интересно отметить, что индивидуалисты преобладают в России несмотря на рост патриотических настроений и поворот идеологических установок в пользу государственности и державности. Установка на индивидуализм преобладает даже в левых сегментах общественного сознания.

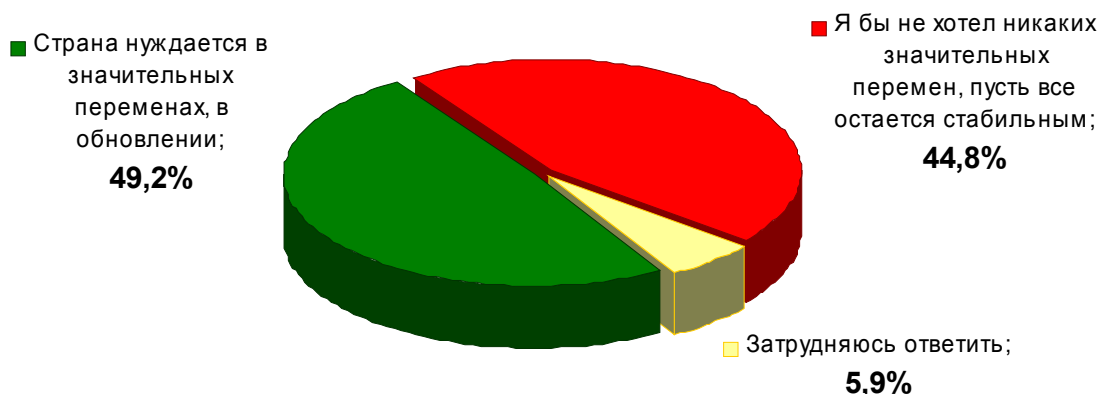
7. Противоречие “русский национализм – национальная толерантность”. 40,4% россиян склоняются к поддержке идей русского национализма, согласно которым “в России должно быть государство, которое выражало бы, в первую очередь, интересы русских”. Сюда входят и жесткие националисты, которых не более 12-14% и “мягкие”, которые соглашались с этой точкой зрения с определенными оговорками. 53,5% опрошенных придерживаются интернационалистской позиции, согласно которой “в России должно быть государство, в котором все народы, проживающие на его территории, имели бы равные права и возможности”. Доля националистов, особенно в его относительно мягкой форме, в последние годы имеет тенденцию к росту. Во всех группах массового сознания, кроме тех, которые непосредственно идентифицируют себя с русским национализмом, интернационалисты преобладают. Однако отсутствие “русской партии” в партийно-политическом спектре при таком числе националистов разной степени жесткости, говорит о неполноценности партийного представительства, искусственно отсекающего многочисленные и влиятельные идейно-мировоззренческие группы общества.

8. Противоречие “готовность к жертвам – неготовность к жертвам”. Лишь 31,1% опрошенных россиян выразили свою готовность к поведению мобилизационного типа “Если к власти придут лидеры, которые призовут во имя

будущего страны меня к каким-либо жертвам - я готов их поддержать”, - уверены они. 44,2% опрошенных не готовы жертвовать ни чем – по их мнению, “я бы не хотел чем-то жертвовать даже ради спасения страны” Наше общество все постреформенные годы остается антимобилизационным, не готовым к серьезным жертвам, ориентированным скорее на гедонистические ценности. В неготовности к жертвам солидарны все идейно-мировоззренческие группы, ладе среди тех, кто называет себя русскими патриотами соотношение 41% против 42% не в пользу идеи жертвенности.

Диаграмма 19

С каким из следующих мнений Вы в большей степени согласны?
(закрытый вопрос, один ответ)

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Диаграмма 20

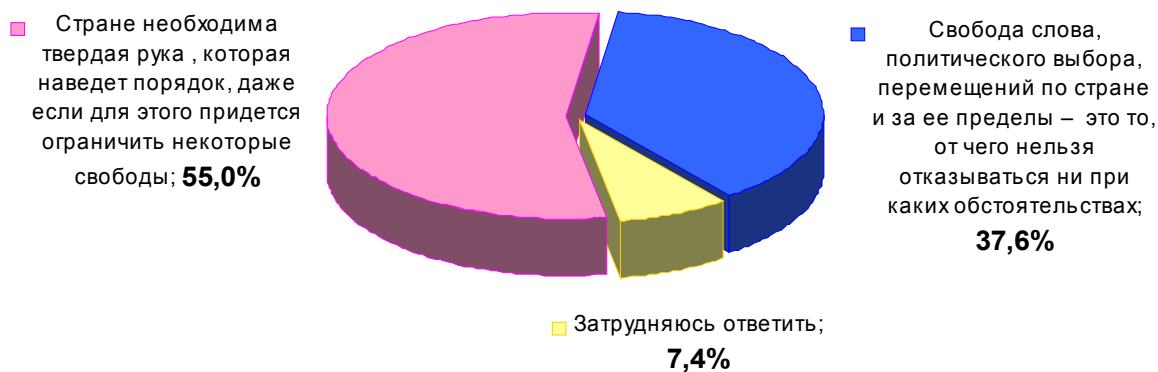
С каким из следующих мнений Вы в большей степени согласны?
(закрытый вопрос, один ответ)

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Диаграмма 21

С каким из следующих мнений Вы в большей степени согласны?
(закрытый вопрос, один ответ)

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Диаграмма 22

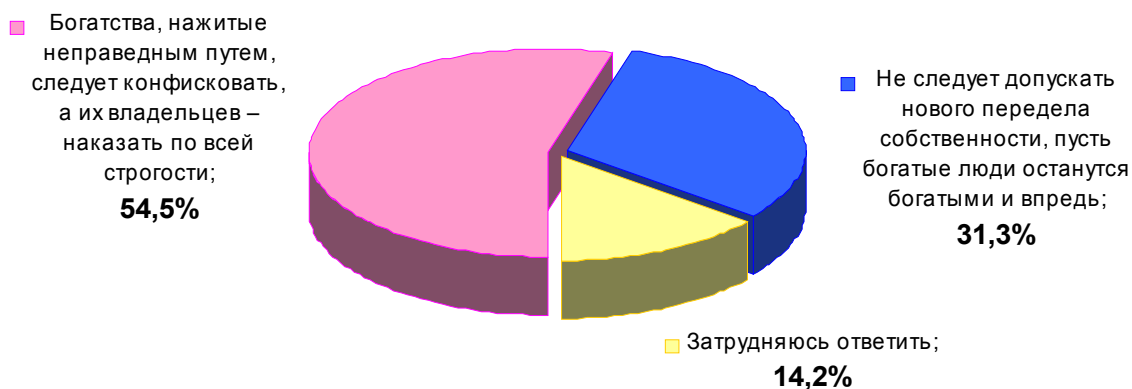
С каким из следующих мнений Вы в большей степени согласны?
(закрытый вопрос, один ответ)

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Диаграмма 23

С каким из следующих мнений Вы в большей степени согласны?
(закрытый вопрос, один ответ)

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Диаграмма 24

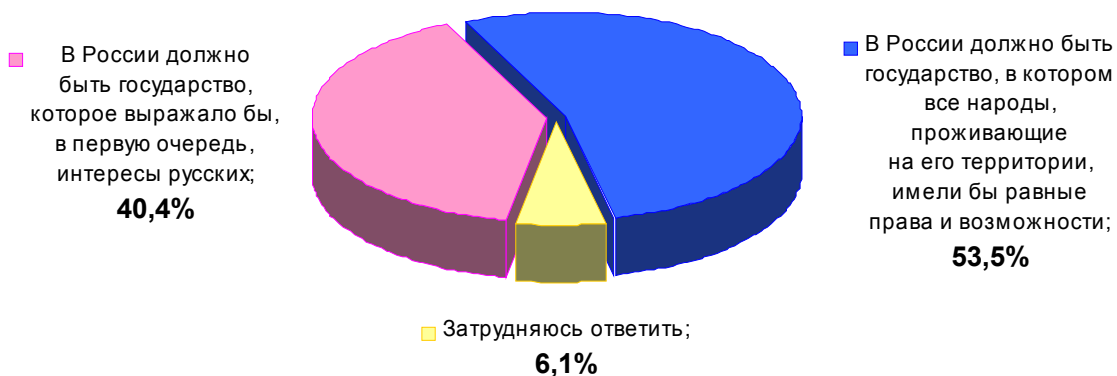
С каким из следующих мнений Вы в большей степени согласны? (закрытый вопрос, один ответ)

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Диаграмма 25

С каким из следующих мнений Вы в большей степени согласны? (закрытый вопрос, один ответ)

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Диаграмма 26

С каким из следующих мнений Вы в большей степени согласны? (закрытый вопрос, один ответ)

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Сегодня все эти противоречия, мнимые и реальные, “тонут” в консенсусной метаидеологии, теряя свою актуальность и слабо влияют на реальную политическую мотивацию общества. Однако неизбежный выход из нынешней социально-политической ситуации, возвращение динамики в большой политике и настроениях граждан, неизбежно актуализирует многие из указанных противоречий и может сделать их основой новой партийно-политической сегментации общества.

3.2. Идеино-политическая и мировоззренческая классификация российского общества. Идеино-политический спектр

Сложившиеся в сегодняшнем российском обществе идеино-мировоззренческие противоречия колют его как разбитое зеркало на множество фрагментов. Одна трещина пересекает другую, некоторые ложатся параллельно или где-то рядом. Попытка упорядочить эти расколы и разломы, выделить из множества отдельных кусочков “разбитого зеркала” политических симпатий и антипатий наиболее значимые, определяющие реальную картину настроений и мнений общества и является задача построения идеологического (идейно-политического) спектра. Вот какое определение этого понятия содержится в учебниках политологии⁴⁹.

Идеологический (идейно-политический) спектр - это

1) совокупность политически значимых идейных (идеологических) направлений и течений, а также выражающих их носителей (партий и движений), которые включены в политическую жизнь общества; 2) аналитический инструмент для классификации и сравнения распространенных в обществе фундаментальных политических идей и ценностей, их представителей, конкурирующих между собой по принципиальным целям и проблемам. Локализация идеологии или ее носителя в идеологическом спектре совершается, как правило, по одной из двух пересекающихся осей: левые – правые, либерализм – консерватизм. Иногда добавляют третью: радикализм – реформизм.

Что касается оси “**левые – правые**”, являющуюся главной во всех имеющихся классификациях, то в российском историко-политическом контексте она имеет свою неповторимую специфику. В России никогда не имели значимого влияния ни чисто левые, ни чисто правые, если понимать под первыми и вторыми то, что принято понимать в европейском политологическом контексте. Тяга к социальной справедливости у россиян, как правило, сочетается с такими ценностями как порядок, сильное государство, патриотизм. То есть речь идет о сочетании левых и правых ценностей, лево-правом синтезе. Это скорее левые государственники, чем европейские левые с их ставкой на самоорганизующееся гражданское общество. Аналогичная история у нас длительное время складывалась и в отношении “правых”. Будучи “правыми” по своей ориентации на

⁴⁹ Рабочая книга политолога. М., 2002

частный бизнес, минимизацию роли государства в экономике, они минимизировали роль государства и в остальных вопросах, а ценности “патриотизма” длительное время интерпретировали в соответствии с известной формулой – “патриотизм – это последнее прибежище негодяев”. Где уж тут до американских или европейских правых с их опорой на традицию, Церковь, вековые моральные устои? В последние годы в России появляются группы, которые можно назвать “правыми” в соответствии с политологической традицией, но они остаются в меньшинстве. Поэтому говоря о “правых” и “левых” следует всегда оговаривать дополнительные характеристики этих групп, определяющие их реальное место в идейно-политическом спектре.

Вторая признанная политологами ось – это **“либерализм – консерватизм”**. В отечественном политологическом контексте она работает несколько лучше, чем первая ось. Российские консерваторы, как правило, левые, во многом потому, что на естественное формирование политического спектра наложились 70 лет советской практики, в ходе которой левые коммунистические идеи из авангарда мировой политической мысли стали принимать все более консервативный, даже охранительский характер и “совок” как социально-культурный феномен постепенно стал превращаться в символ реакции и отсталости, противостоящий идеям модернизма. Что же касается “либералов”, то они с момента своего появления на политической сцене в конце 80-х годов, стали отождествлять себя с идеями прогресса и модернизации. Однако сегодня ситуация стала сильно меняться. Революционная эпоха 90-х годов завершилась, а в рамках “термидорианской” постреволюционной реакции именно отечественные либералы стали скорее выполнять роль консерваторов, охранителей, оберегающих общественные устои от потрясений и ломки. А на баррикады рвутся как раз скорее бывшие консерваторы, носители “левых” антибуржуазных и антиглобалистских идей, правда, пока революционаристские настроения и в этой группе общества носят локальный характер. Сформировалась новая группа “либеральных консерваторов” ориентированных как раз на сочетание либеральных в области экономики и консервативных в области государства, традиций и общественной морали ценностей и установок.

Позволим себе в этой связи привести довольно развернутую цитату из фундаментального труда “Российская многопартийность”, подготовленного под

редакцией Юрия Коргунюка⁵⁰: “Если продолжить аналогию между рынком и многопартийностью, то механизм выполнения последней своих функций выглядит приблизительно так. Потребитель в лице социальных групп выходит на политический рынок, на котором ему предлагается соответствующий товар. В роли этого товара выступает тот или иной проект развития общества и решения общественных проблем. И как на рынке экономическом маркетинговые службы занимаются определением структуры спроса и в соответствии с ним предлагают те или иные товары, точно так же на рынке политическом партии обеспечивают предложение тех или иных проектов общественного развития, тех или иных рецептов решения проблем общества. Другими словами, на обоих рынках потребитель вовсе не обязан четко осознавать свой интерес - за них это делают специальные институты: на экономическом рынке - маркетинговые службы, на политическом - партии. “Покупая” тот или иной товар на политическом рынке (путем голосования на выборах за представителей каких-либо политических сил), общество определяет курс, которого должна придерживаться государственная власть, - так же как потребитель экономического рынка, приобретая те или иные товары, опосредованно формирует структуру и стратегию развития производительных сил. Таким образом, из вышесказанного следует, что главной областью приложения сил политических партий является идеология, т.е. создание проектов общественного развития. Прибегая к услугам партий, потребитель политического товара нуждается именно в них. От того, насколько удачный (в том числе и учитывающий все нюансы конъюнктуры) товар сможет предложить та или иная партия, зависит и все остальное: удастся ли ей реализовать свои претензии на роль выразителя политических интересов определенной социальной группы, удастся ли ей рекрутировать достаточное число представителей активной части населения, чтобы образовать сколько-нибудь дееспособную организационную структуру и т.д. Если удастся, она станет полноценной политической организацией, если нет - останется политическим маргиналом, обреченным на существование в лучшем случае в статусе клуба или секты.

Все разнообразие возможных проектов общественного развития укладывается в поле, которое принято называть идейно-политическим спектром. У этого спектра есть система координат, для обозначения которых традиционно используются

⁵⁰ Сайт “Партинформ”, книга “Российская многопартийность”. Издатель - Фонд ИНДЕМ. Главный редактор - Юрий Коргунюк . www.partinform.ru/ros_mn/rm_1.htm

такие понятия как "правый фланг", "левый фланг", "центр". Если разместить все существующие идеологии в этой системе координат, то крайне правый фланг займут организации, чьи политические программы можно охарактеризовать как реакционно-романтические, в то время как крайне левый фланг достанется революционным романтикам. Революционные романтики выступают с позиций категорического неприятия действительности и стремятся воплотить в жизнь некий идеальный, до сих пор не имевший место в действительности проект общественного устройства. Реакционные романтики, напротив, исходят из безусловного отрицания любых новаций и борются за возврат к "золотому веку", якобы бывшему некогда в истории, но впоследствии утраченному из-за страсти к бездумному модернизаторству. И крайне правым, и крайне левым присуща готовность пойти для достижения своей цели на насилие, в том числе и нелегитимизированное. Между центром и правым флангом размещаются организации, придерживающиеся консервативных взглядов и ценностей и основной задачей считающие поддержание *status quo*. Консерваторам, так же как и реакционным романтикам, свойственно негативное отношение к новациям, но они не разделяют веры в "золотой век" и стремятся не к реставрации идеализированного прошлого, а к максимально возможному сохранению существующих реалий. В борьбе за это основную ставку консерваторы делают на силу, но, в отличие от крайне правых, предпочитают опираться на легитимизированное насилие, т.е. исходящее от наделенных соответствующими полномочиями государственных органов. Позицию между левым флангом и центром занимают социальные реформаторы, выступающие за изменение существующего положения, но, в отличие от крайне левых, старающиеся не прибегать к нелегитимизированному насилию. Наконец, место в центре принадлежит тем политическим силам, которые пытаются обеспечить подвижное равновесие между необходимостью внесения известных корректив в общественное устройство и желанием сохранить его жизнеспособные элементы. В реальной жизни основные цвета политико-идеологического спектра имеют множество оттенков, однако описанной схемы это не отменяет. Сила того или иного фланга зависит от степени развитости конкретного общества. Так, для стран с недостаточно зрелым гражданским обществом, не имеющим традиций контроля над органами государственной власти, характерна политическая поляризация, при которой наиболее сильные политические организации расположены на левом и правом флангах. При этом, как правило, сила правых

организаций обеспечивается в основном поддержкой со стороны во многом независимой от общества государственной власти, предоставляющей, в том числе и посредством дискриминационного избирательного законодательства, привилегии имущим классам. Сила же левых партий обуславливается поддержкой "низших" классов, чьи возможности для участия в политической жизни значительно ограничены по сравнению с классами "высшими". В странах со зрелым гражданским обществом и достаточно развитой системой обратной связи между гражданами и государством, напротив, наиболее влиятельные политические организации тяготеют к центру, в то время как партии, исповедующие крайне правые и крайне левые взгляды, находятся на положении маргиналов. Для западноевропейской многопартийности характерно отнесение к крайне правому флангу разного рода религиозных фундаменталистов, легитимистов (монархистов), националистов-этнократов; к крайне левому - анархистов, коммунистов; к центру - либералов. Между центром и крайне левым флангом классическая схема помещает, как правило, социал-демократов, между центром и крайне правым флангом - этатистов ("государственников"). Однако в переходные периоды истории эта схема заметно видоизменяется, что, в частности, случилось в современной России, где в определенный момент противоположные крылья политического спектра - реакционно-романтический (национал-патриотический) и революционно-романтический (коммунистический) - сомкнулись, породив феномен т.н. "право-левой" (или "красно-коричневой") оппозиции. В результате та часть политического спектра, которая, согласно классической схеме, должна располагаться в центре - а именно либеральная, - оказалась вытесненной на один из флангов (левый), а на роль центристов стали претендовать силы, традиционно располагающиеся справа и слева от центра, т.е. консерваторы-этатисты и социал-демократы. Следует отметить, что феномен сближения и даже слияния политических крайностей не нов. В 20-30-е гг. XX в. он уже имел воплощение в форме германского национал-социализма и итальянского фашизма, соединивших социально-революционную демагогию с неприкрытой ксенофобией. Однако ни в Германии, ни в Италии такое соединение крайностей не привело к коренной трансформации политического пространства. Национал-социализм (фашизм) как политическая сила в конце концов занял место на крайне правом фланге, вытеснив оттуда традиционных реакционных романтиков. Противостоя левым (социал-демократам), крайне левым (коммунистам) и центру (либералам), он ни в коей мере не способствовал смещению центра к одному из

флангов, а уж тем более - сближению консерваторов-этатистов и социал-демократов.

В современной России подобные изменения имели более глубокий характер. С точки зрения специфики той ситуации, в которой оказалась Россия, такая смена ориентиров вполне объяснима. После семидесяти лет политического господства коммунисты не могли не превратиться в силу исключительно консервативную и даже реакционную, а либералы, с их неприятием "развитого социализма", стали своего рода революционерами. Таким образом, коммунистов (как и национал-патриотов), ратующих за реставрацию псевдореалий некоего "золотого века" (псевдореалий - потому что они существуют больше в ностальгирующем воображении их апологетов, нежели в реальной действительности), можно квалифицировать как типичных реакционных романтиков, т.е. "крайне правых". Либералы же, наиболее последовательно отстаивающие необходимость коренных реформ, выглядят вполне "лево". Наконец, консерваторы, борющиеся за сохранение status quo, т.е., в наших условиях, за сохранение масштабного вмешательства государства в дела общества, вполне естественно прибегают при этом к социал-демократической риторике, говоря прежде всего о необходимости государственной поддержки наименее защищенных слоев общества. В результате грань между социал-демократической и патерналистско-этатистской (консервативной) идеологиями оказывается размытой". Однако после вступления России в "постреволюционный термидор", ситуация стала постепенно меняться, в частности, с одной стороны, стала расширяться ниша некоммунистических "левых", с другой, начала стремительно леветь демократическая оппозиция режиму, что создает предпосылки для формирования социал-демократической ниши, во многом аналогичной европейской политологической мысли и практики.

Проблема идейно-политической дифференциации общества стала актуальной в перестроечные годы, когда в 1987-88 гг. оказалось, что общественное противостояние не исчерпывается борьбой "перестроечников" с "реакционерами". В отличие от авторов нашумевшего тогда манифеста "Иного не дано", реальный анализ ситуации стал говорить об альтернативности и курса реформ, и сопротивления горбачевским реформам. Перестроечный консенсус первых лет перестройки в эти годы стал стремительно разрушаться. В конце 1988 года один из авторов настоящего исследования совместно с Н. Львовым

провел опрос, в рамках которого мы впервые попытались сегментировать до того, казалось, нерасчленимый «перестроечный» консенсус⁵¹. Нам тогда удалось выделить «западников», «левых популистов», ориентированных на ценности обновленного социализма, «правых популистов», ориентированных на жесткий репрессивный порядок, а также некоторые другие, незначительные по объему группы. Это исследование, продемонстрировавшее, что “западническая” парадигма реформирования страны отнюдь не является не только единственной, но даже и самой популярной, вызвало резкую критику и ожесточенную полемику.

В постсоветскую эпоху принимались неоднократные попытки создать дееспособную классификацию идейно-политического спектра российского общества. С точки зрения методологии отмечались два подхода – искать “естественные сгущения” объектов с использованием методов многомерного анализа и кластеризации, а также противоположный ему – сначала задать идейно-политические ниши, в основном опираясь на собственную политологическую интуицию, а затем уже “разносить” по этим нишам объекты в лице опрошенных респондентов, политических партий и движений и так далее. Среди таких попыток нельзя не остановиться на исследовании 1998 года, предпринятого Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (ныне в составе ИС РАН)⁵².

“За годы реформ у россиян чувство общности с людьми одинаковых политических взглядов. Естественно, возникают вопросы, что за этим стоит? Каковы тенденции “расщепления” российского общества на “политические составляющие”? И конечно же, что это за политические идеи, течения, символы, которые отличаются особой притягательностью для массового сознания, вынуждают людей отождествлять себя с ними в своих чувствах, мыслях, поведении? Как показало исследование РНИСиНП⁵³, доля определившихся по своим политическим симпатиям россиян составляет в целом чуть больше половины населения. В это число входят последователи пяти основных идейно-политических течений, в том числе сторонники: либерализма (радикальных рыночных реформ) – 7,2%; центризма – 16,6%; самостоятельного русского пути развития – 15,6%; коммунистической идеологии – 10,0%; социал-демократии –

⁵¹ Л. Бызов, Н. Львов. «Политическое сознание и социальные отношения», Век XX и мир, апрель, 1989

⁵² “Идентичность россиян”. РНИСиНП, 1998. По заказу Фонда Эберта, рук. М. К. Горшков.

⁵³ Сегодня в составе ИС РАН

5,2%. Значительная часть россиян (44,6%) вообще не относит себя к сторонникам каких бы то ни было идейно-политических течений, а её поведение строится главным образом на чисто прагматической основе. Аполитичность этой части населения отражает и протест против сверхидеологизированного социального бытия эпохи последнего десятилетия, и недоверие к политикам, политическим партиям и движениям, действующим на политической сцене современной России, и отсутствие (за исключением коммунистической и либеральной концепций) четко артикулированных платформ и программ различных политических течений. Отсутствие политических сил, отражающих интересы населения, проявляется и в том, что политическим партиям доверяют только 7,3% россиян, а не доверяют 59,6%. Кроме того, две трети населения заявили, что надежды на улучшение жизни в стране они не связывают ни с кем из ведущих российских политиков. И лишь треть россиян смогла назвать, отвечая на этот вопрос, ту или иную политическую фигуру.

Как показывают результаты анализа, по своим наиболее общим мировоззренческим характеристикам аполитичная часть общества мало чем отличается от тех, кто назвал себя, к примеру, социал-демократом или сторонником самостоятельного русского пути. В свою очередь, некоторые самоидентификации (социалист, центрист и т.п.) следует рассматривать не только в рамках их формального идеологического содержания, но и как демонстрацию того, что все большая часть населения не желает себя соотносить с доминировавшим в начале 90-х годов делением общества на “коммунистов” и “демократов”. Известно, что на начальном этапе российских реформ важнейшим фактором, выполняющим роль доминанты политической типологии, была ось, которую условно можно назвать “реформаторы-традиционалисты”. Причем число сторонников радикально-либерального развития России доходило до 40–45%. Основой идеологии тогдашних либералов была не столько рыночная экономика, сколько идея абсолютной ценности западного цивилизационного пути развития и, соответственно, отрицание самоценности “российской почвы”, которая якобы способна воспроизводить только отсталость, вековое рабство, милитаризм и имперское сознание. Западническому либерализму противостояло сознание “контрреформаторов”, главным стержнем позиции которых было отстаивание “исторической идентичности”, причем как советской, так и досоветской.

Однако за последние годы произошли существенные изменения как в структуре, так и в численности сторонников отдельных направлений политического спектра. Так, доля населения, считающего себя сторонниками радикальных рыночных реформ, сократилась с 1993 г. в три раза. Резкое уменьшение числа приверженцев этого течения обусловлено прежде всего тем, что, в отличие от начала 90-х годов, современный отечественный либерализм – это не набор абстрактных формул: демократия, права человека, рыночная экономика и т. п. Это вполне осязаемая экономическая и политическая реальность, тот экономический курс, который осуществляет нынешняя власть и который отторгается большинством населения страны. Одновременно с этим отторжением происходило охлаждение к Западу. Это, в свою очередь, привело к перетеканию значительной части бывших либералов в группу сторонников идеологии национал-державного толка. Те же, кто сохранил верность либерально-западническим ценностям, раскололись по меньшей мере на две группы, значительно различающиеся между собой оценкой текущих политических событий:

1. либерал-прагматиков – тех, кто сознательно поддерживает нынешний режим и не желает радикальных перемен, ориентируясь на свои интересы, а не на какие-либо идеалы и харизмы;
2. либерал-оппозиционеров, считающих, что нынешняя власть подверглась бюрократическому перерождению и предала идеалы демократии.

Причем, учитывая социальные последствия финансового кризиса в августе-сентябре этого года, следует ожидать дальнейшего сокращения сторонников либеральной идеологии с одновременным ростом среди тех, кто все-таки останется её сторонником, числа либерал-оппозиционеров.

В то же время следует иметь в виду, что, несмотря на сравнительно небольшое число своих прямых приверженцев, либеральная идеология пустила достаточно глубокие корни в российском обществе. В первую очередь, это связано с тем, что до последнего времени ей симпатизировала наиболее активная и динамичная часть общества. Кроме того, эта идеология широко представлена в органах федеральной исполнительной власти, финансово-промышленных группах, и, что самое главное, – в большинстве средств массовой информации. Понятно, это давало возможность сторонникам либерализма оказывать целенаправленное воздействие на умонастроения и взгляды людей.

Наименьшие изменения за период реформ, причем как количественные, так и качественные, претерпела в период 1991-98 гг. группа сторонников коммунистической идеи. Это достаточно “анклавная” группа, среди которой преобладают представители старшего поколения. Так, если в группе респондентов от 16 до 24 лет доля сторонников этой идеологии составляет всего 1,3%, то в группе 56–65 летних она достигает 21,8%. Однако далеко не вся эта группа является левой в обычном смысле этого слова. По данным исследований РНИСиНП, среди сторонников КПРФ лишь около трети составляют приверженцы собственно “левой” коммунистической идеологии с отрицанием рыночной экономики и частной собственности. Большая же их часть – это “правые” коммунисты, видящие в КПРФ прежде всего партию, представляющую интересы сторонников твердого порядка и авторитаризма. Именно поэтому коммунистический электорат может, при известных обстоятельствах, пойти и за иным, некоммунистическим выразителем авторитарного запроса. Расширилась за последние годы электоральная база течения, которое очень условно можно назвать “русскими националистами”, то есть тех, кто отождествляет себя со сторонниками возрождения русской нации и поиска самостоятельного русского пути развития (с 10,5% в 1996 г. до 15,6% в 1998 г.), а также центристов. Что же касается современных российских социал-демократов (“новые социалисты”), то они составляют весьма своеобразное идейно-политическое течение. Для его сторонников характерна слабая связь их идейных позиций с теми или иными публичными политиками, претендующими на занятие соответствующей ниши политического спектра. Это на первый взгляд парадоксальное явление связано с тем, что глубинной основой самоидентификации россиян с определенными идейно-политическими течениями выступают не столько их политические взгляды, сколько особенность их мировоззренческих и ценностных ориентаций.

Таким образом, из пяти основных идейно-политических течений четыре (кроме коммунистов) выступают за экономику с достаточно мощным частным сектором, и опять-таки четыре, но уже за исключением либералов, – за модель государственного капитализма в экономическом развитии. В сфере идеологии лишь коммунисты и социал-демократы тяготеют к идеологии марксизма-ленинизма, при этом для коммунистов это сопровождается стремлением к восстановлению СССР. Зато в социокультурной сфере сторонники самостоятельного русского пути, социал-демократы и коммунисты выступают носителями специфически российского менталитета. Либералы же и

центристы в большинстве своем ориентированы на западную модель общественного развития, при этом для либералов этот выбор связан, прежде всего, с идеологическими и ценностными факторами, а для центристов – с утилитарно-бытовыми.

Сложившаяся в России идейно-политическая дифференциация внешне весьма напоминает традиционный политический спектр в большинстве государств с развитой политической системой, особенно европейских, где давно существуют свои “левые”, “правые”, а также “новые левые”, “новые правые” и весьма многочисленный, слабоструктурированный “центр”. Однако для России, как для переходного общества, данное деление имеет существенно иной мотивационный характер. За внешне рациональным выбором здесь стоят значительные социокультурные различия, означающие подчас состояние глубокого социально-политического раскола общества не только по политическим, но и по “смыслжизненным” ценностям.

Итак, дифференциация сторонников идейно-политического спектра по социокультурным основаниям и способности адаптации к жизни в рыночных условиях налицо. В наибольшей степени она выражена в противостоянии коммунистов и либералов. И это понятно, поскольку за каждой из этих доктрин и соответствующими им типами политического сознания стоит не только своя традиция, но и реализованный в той или иной степени социальный проект. Этот исторический спор о преимуществах или пороках указанных социальных проектов, по всей видимости, ещё долго будет определять политическую жизнь России.

В указанном историческом споре национал-патриоты и сторонники социалистической идеи играют пока второстепенную роль. Но это вовсе не значит, что у этих течений отсутствуют какие-либо перспективы. Скорее наоборот, в будущем их роль значительно возрастет. Но это произойдет толь в том случае, если социалисты будут все больше сближаться с демократической оппозицией, а национал-патриоты – становиться либералами в отношении избранной экономической модели. **То есть основой нового сегментирования общество станет противостояние социал-демократов и либерал-националистов** (см. таблицу 25).

Таблица 25

Структура идеологических воззрений представителей разных когорт, %

Сторонники идейно-политических течений	16-24	25-35	36-45	46-55	56-65
Либералы	8,7	8,3	6,9	7,1	4,8
Коммунисты	1,3	4,5	8,1	14,0	21,8
Социалисты	5,4	3,5	6,4	4,6	6,1
Националисты	14,2	14,7	17,5	15,2	16,3
Центристы	16,7	18,0	16,5	18,7	12,8
Не принадлежат ни к какому течению	52,0	50,6	43,8	39,7	37,6
Всего приверженцев какой-либо идеологии	48,0	49,3	56,2	60,2	62,5

Источник: РНИСиНП, 1998 г.

Еще одна попытка построить типологию идейно-политического спектра была предпринята в 2001-02 гг. в рамках проекта “Базовые ценности россиян” (“Томская инициатива”)⁵⁴. Как отмечают авторы, “если в начале 90-х годов вторая шкала просматривалась едва уловимо и интерпретировалась неоднозначно (например, В. Рукавишников в уже цитировавшейся работе называл второй фактор «психологическим», определявшем происходящее на эмоциональном уровне и на основе представлений о социальной справедливости), то в настоящем исследовании достаточно четко выделяется вторая шкала как установка, с одной стороны, на индивидуализм или анархию, а с другой стороны, на «социальный порядок» – государство, общество, коллектив”. Эту шкалу авторы интерпретируют как **«неоконсерваторы – анархисты»**.

“Таким образом, если в начале 90-х годов практически все консерваторы были государственниками – этатистами, в соответствии с традиционным советским менталитетом, а все демократы – индивидуалистами – анархистами, то за последнее время появились значимые группы как анархистствующих консерваторов – дезадаптантов, так и на противоположном фланге – модернистов с ярко выраженной тягой к социальному порядку. «Традиционалисты» совмещают в себе черты носителей как традиционного, так и советского общества, впитавшего в себя все основные черты традиционного общества и поглотившего его советского. «Анархисты» - это неадаптированные носители идей социальной справедливости, дезадаптанты. «Либерал-индивидуалисты» - это модернисты в чистом виде, в основном характеризующиеся индивидуалистическим сознанием, групповым эгоизмом наиболее адаптировавшейся части общества и высокой степенью «достижительной» активности.. В целях более тщательного анализа

⁵⁴ Базовые ценности россиян. М., 2002. Под ред А. Рябова и Е. Курбангалиевой.

«консерваторы» разделены на две группы – «традиционных консерваторов», являющихся умеренными консерваторами и в политическом плане представляющих (или представлявших) периферию коммунистического электората, так и «новых консерваторов» или «либерал-солидаристов», в основном носителей ярко выраженного модернистского начала. (см. таблицу 26).

Таблица 26

Численность респондентов в каждом из кластеров

1. Традиционалисты	29,6
2. Анархисты	20,8
3. Либерал-индивидуалисты	29,0
4. Традиционные консерваторы	7,8
5. Неоконсерваторы	12,9

Источник: «Томская инициатива», 2002 г.

Полученные результаты были проинтерпретированы следующим образом. Базовая классификация носит опережающий характер, так как в реальности процесс «выпадения» облака либерал-консерваторов из общей массы либералов находится еще в начальной стадии, также как и процесс «выпадения» «традиционных консерваторов» из общего сегмента традиционалистов». В ходе данного исследования впервые было обращено внимание на феномен возникновения новой группы, названной неоконсерваторами или либерал-солидаристами. Эта группа, составлявшая в 2001 году всего 12,9% от общей совокупности опрошенных, несла в себе черты ядра для формирования новой **либерал-консервативной идеологии, ставшей основой господствующего в современной России метаидеологического консенсуса, совмещающего ценности свободного рынка, демократии и сильного, национально ориентированного государства.**

Что же касается современного состояния идейно-политического спектра в России, то оно носит достаточно противоречивый характер. Оно несет в себе следы глубокой социально-политической трансформации общества, произошедшей в последние 8-10 лет. Как следствие, частично спектр отражает некоторые «рудиментные» следы эпохи 80-х и 90-х годов, с другой стороны, отражает новое состояние общества, для которого идейно-политические различия вообще носят скорее вторичный характер.

Десять-пятнадцать лет назад российское общество было глубоко расколото по линии идейно-политических симпатий, как это почти всегда бывает в эпоху революционных потрясений. Противостояние «либералов-западников», выступавших в качестве сторонников рыночного прогресса и быстрой интеграции в западную цивилизацию, с одной стороны, и «коммунистов», продолжавших отстаивать основные ценности уходящей советской цивилизации, было столь велико, что дело едва не дошло до гражданской войны в 1992-93 гг. Носители других групп политического сознания вынуждены были либо метаться между основными противостоящими лагерями, либо временно примыкать к одному из них. Именно это произошло в первой половине 90-х с русскими национал-патриотами, которые в 1991 частично оказались в лагере «демократов», с которыми их объединяли антикоммунистические настроения, частично в лагере «коммунистов», близких им своей консервативностью. Но уже в 1993 году большая часть национал-патриотов вместе с коммунистами противостояла находившимся у власти либералам. Октябрьские события 1993 года стали своего рода и тем водоразделом, после которого традиционная шкала – коммунисты – реформаторы себя исчерпала. В лице «Яблока» возникли либералы, резко несогласные с правящим кланом либералов, близким «Демократическому выбору России».

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что содержание идейно-политических взглядов двух противостоящих лагерей отнюдь не исчерпывалось такими расхожими терминами как «демократы», «либералы», «коммунисты», «левые», «правые». Так «коммунисты» сочетали в себе ценности социальной справедливости («левые» ценности) с ценностями сильного авторитарного государства («правые» ценности), замешанными на традиционалистской архаике. «Демократы», с одной стороны, выступали за рынок и частную собственность («правые» ценности), с другой – против традиционных политических и нравственных устоев российского государства, за ценности западной массовой культуры. "Традиционалисты" в лице «коммунистов» и примкнувших к ним иным группам политического сознания были готовы пожертвовать реформами во имя сохранения традиционной идентичности, "либералы", напротив, были готовы пожертвовать традиционной идентичностью во имя скорейшего проведения реформ. Наиболее "продвинутые" слои населения - научно-техническая интеллигенция, значительная часть ранее правящей элиты, в целом население крупнейших мегаполисов, в большей степени подготовленное к процессам

модернизации социально-экономической и социально-политической системы, - в силу ряда историко-культурных обстоятельств не оказались носителями традиционной идентичности, идентифицируя себя и свои интересы, в первую очередь, с "цивилизованным" Западом. Основой идеологии тогдашних либералов была даже не столько рыночная экономика, сколько идея абсолютной ценности западного цивилизационного типа развития и, соответственно, отрицание самоценности "российской почвы". Это именно то, что сегодня модно называть «несуверенной демократией». Одновременно функции "защиты идентичности" оказались отданы на откуп "антимодернизационным" группам общества, выступавших с позиций традиционной ментальности. Таким образом, внутри общества возникли, по крайней мере, две ярко выраженные субкультуры, характеризующиеся как "традиционалистская" и "западническая", в каждой из этих субкультур наблюдались свои механизмы ретрансляции ценностей, социальных норм и политических установок, свои "опережающие" группы, выступающие в качестве генераторов ценностных установок. Это противостояние носило не только политический, но и культурный характер, и выбор тех или иных групп общества определялся зачастую не столько рациональными соображениями, сколько иррациональными представлениями на уровне «свой-чужой».

Однако революция закончилась, общество успокоилось, и идейно-политические противостояния во все большей степени становятся достоянием истории. Разумеется, и сегодня можно найти непримиримых, как в демократическом, так и в коммунистическом сегментах общества, но погоду делают уже не они. Это видно и по партийным голосованиям, начиная с 1999 года. За «правые» партии, отстаивающие либеральные ценности, голосуют не более 3-4% в общей сложности, да и за «левые» партии ненамного больше – рейтинг той же КПРФ упал с 25-30% в лучшие для нее 90-е годы, до 8-12% в нынешней России. Зато все громче заявляет о себе третья сила – «русские националисты», до сих пор, в отличие от коммунистов и либералов, так и не побывавшие у власти. Впрочем, если русским ценностям в принципе симпатизируют многие, но за партии с явно националистической окраской отнюдь нет – те же 3-4%, что и за либералов. Зато резко усилился политический центр, ассоциируемый с нынешней «партией власти», а еще точнее - с ее фактическим лидером В. Путиным. Устойчивость симпатий к нему лично в обществе, да и всей связываемый с его именем политической системой во многом базируется на идеологическом

синтезе, который еще десять лет назад казался просто невозможным. В. Путин вроде бы и «правый» - убежденный рыночник, с другой стороны, и не чужд определенной левизны, он «отец нации», пекущийся о слабых и обделенных, ну, и конечно, патриот-государственник, укрепляющий роль России и ее влияние в мире. Столь же расплывчат идейный имидж и нынешней партии власти – «Единой России». Как показывают исследования, в основе такого идейного синтеза является политический запрос уже нового, сформировавшегося при нынешних властях среднего класса, который, согласно всем политологическим хрестоматиям, является оплотом политической стабильности в обществе.

Одновременно формируются группы, отражающие уже нынешний социокультурный фон – это «неоконсерваторы», сочетающие модернистские и консервативные ценности, так называемые «новые правые», и противостоящие им уже в рамках новой системы координат «новые левые». Эти молодые группы только укореняются в нашем обществе, активно формируют свой запрос – не только и не столько политический, сколько социальный и культурный. Их устремлениям соответствуют свои культурные, религиозные, эстетические пристрастия, своя система моральных ценностей, своя система мотиваций, лишь частично пересекающихся с «парадными» пластами сознания, своя мифология. Эти группы формируются на общем фоне универсализации ценностных ориентаций россиян, происходящей вопреки нарастающему социальному расслоению. Наступление современного образа жизни, характерного для мегаполисов и крупных городов с их атомизацией бытия, разрушением старых социальных связей способствует быстрому перемалыванию остатков традиционного общества, сохранявшегося в России в 90-е годы.

Продолжалась все последние годы и деградация традиционного идейно-политического деления общества по принципу «левые» - «правые» - «патриоты». В середине 90-х годов более 65% россиян готовы были отнести себя к одной из этих групп. Сегодня только чуть менее 37% опрошенных идентифицируют себя с одним из этих направлений. При этом 14,4% опрошенных россиян определяют себя как «левых», 12,5% - как «правых», и 9,9% как «русских патриотов». Гораздо больше тех, кто ищет чего-то среднего между всеми этими направлениями (24,9%) или вообще не видит себя в рамках предложенного деления (32,0%). Это можно интерпретировать как продолжение поиска обществом «нового идеологического синтеза». Люди не хотят быть ни «левыми», ни «правыми», хотя в их реальных взглядах и ориентациях, безусловно, присутствует, как левая так и

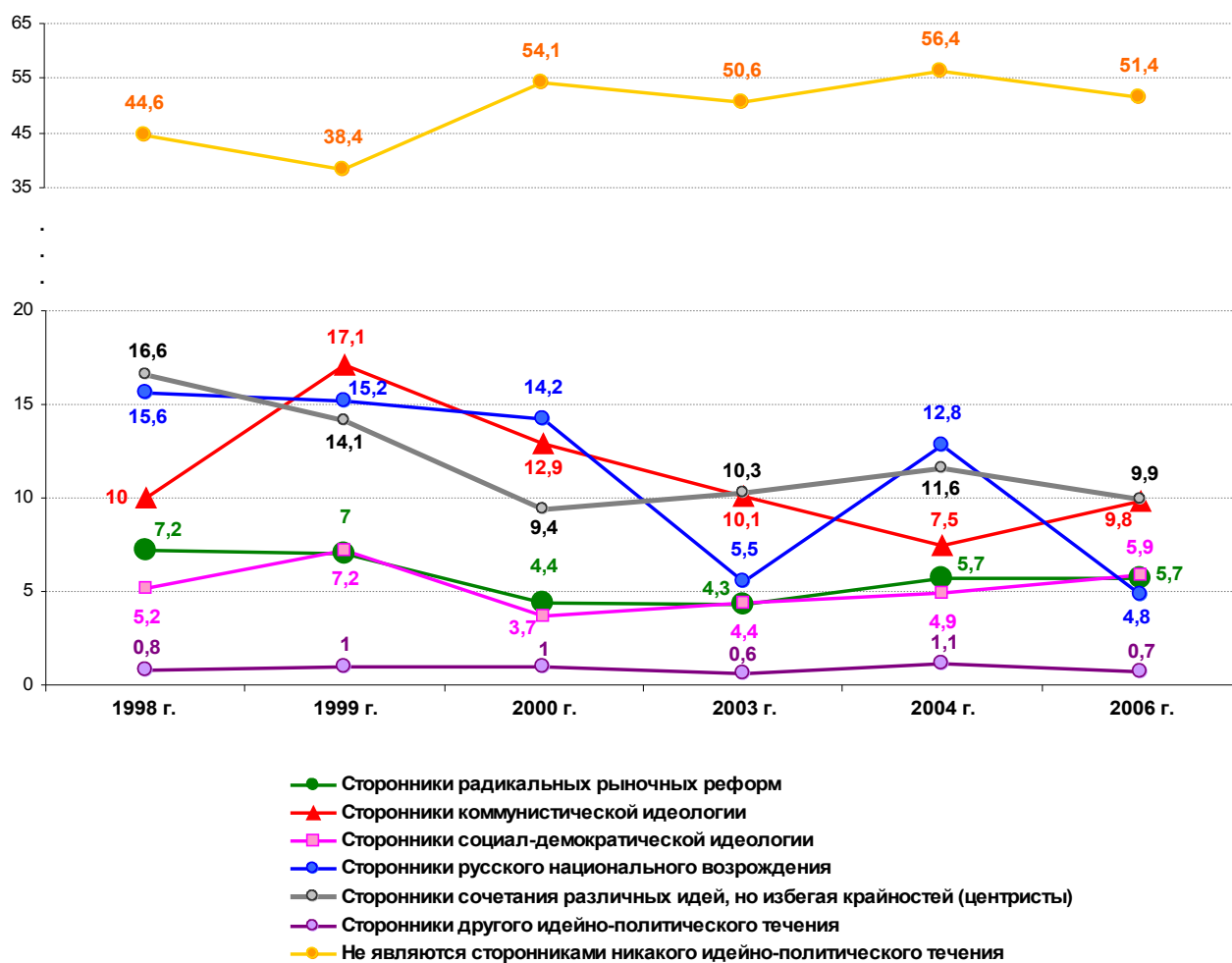
правая идеология. Не хотят они и видеть своего президента ни левым, ни правым. Так на проведенных фокус-группах идея о возможности В.Путина возглавить «правое» движение вызвала отторжение у большинства участников исследования. По их мнению, в случае принятия президентом такого неблагоприятного решения избиратели не поддержат его кандидатуру на выборах. Действующий президент не воспринимается как политик, имеющий определенную партийную окраску, тем более правоориентированный: *«У нас все сводится на президента, президент сегодня у нас один, завтра другой и все это потом чревато последствиями, и так уже Путин все под себя подмял; Его взгляды достаточно далеки от взглядов «правых»; Это полнейший откат от того даже, что уже было достигнуто»* (мужчина, 37 лет).

В то же время, несмотря на растущую идейно-политическую однородность, основные «ниши» сторонников тех или иных идей и взглядов, сохраняются, пусть они и окрашены в гораздо менее яркие цвета, чем раньше, пусть они и не столь рьяно отрицают своих идейных и политических оппонентов. Россияне все в большей степени отказываются самоопределять, идентифицировать себя как сторонников тех или иных идеологических доктрин, в частности как представителей «правой» - рыночной идеологии, «левой» - социалистической или коммунистической, а также националистической. Подобная тенденция проявляется и в рамках электорального процесса, когда общество сбивается «в кучу», предпочитая голосовать за «партию власти», представляющую собой идеологический синтез самых разных идеологических течений, в котором «свое» находят и сторонники социальной справедливости, и сторонники рынка и политической демократии, и национал-патриоты. Начиная с 2000 года более половины опрошенных заявляли, что не являются сторонниками какого-то определенного идейно-политического течения. В 2006 году как сторонников радикальных рыночных реформ (правыми в устоявшемся российском понимании) называли себя 5,7% россиян (7,2% в 1998 году), левыми – сторонниками коммунистической идеологии 9,8% (10,0% в 1998 году), левыми – сторонниками социал-демократической идеологии – 5,9% (5,2% в 1998 году), сторонниками русского национального возрождения – 4,8% (15,6% в 1998 году). Остальные 73,7% либо не относили себя ни к одному идейно-политическому течению, либо определяли себя как сторонников сочетания разных идей (центристов) (см. диаграмму 27). Значительное снижение доли в российском обществе сторонников русского национального возрождения следует отнести за счет постепенного

повышения доли «мягкого» национализма, не противоречащего официальной идеологии нынешнего режима, делающего ставку на патриотические чувства граждан.

Диаграмма 27

К какому идейно-политическому течению Вы себя относите?
(по данным мониторингового исследования ИС РАН)

Источник: мониторинг ИКСИ РАН (РНИСиНП) 1998-2006 г.г.

Обращает на себя внимание также все более слабая зависимость между декларируемыми идейно-политическими ориентациями россиян и их конкретным электоральным выбором. По сути, лишь сторонники КПРФ являются в своем большинстве – 57,8% – сторонниками «титულიной» для этой партии коммунистической идеологии. В электоратах всех остальных партий преобладают неопределившиеся и центристы – то есть по сути дела сторонники «путинского идейно-политического синтеза». Все остальное проявляется лишь в нюансах. У сторонников «Единой России» лишь легкий рыночный «уклон», у ЛДПР – социал-

демократический и националистический, у «Родины» - националистический, у СПС – рыночный и социал-демократический, у Яблока – социал-демократический (см. Табл. 27).

Таблица 27

Идейно-политические симпатии электоратов ведущих партий

Идейно-политические симпатии (ИС РАН, 2006)	«Единая Россия»	КПРФ	ЛДПР	«Родина»	СПС	«Яблоко»	Всего
Рыночники	9,7%	2,0%	3,3%	3,2%	12,5%	6,9%	5,7%
Коммунисты	5,7%	57,8%	3,3%	3,2%			9,8%
Социал-демократы	6,5%	3,4%	13,1%	6,5%	18,8%	13,8%	5,9%
Националисты	4,8%	2,0%	9,8%	16,1%	4,2%		4,8%
Неопределившиеся и центристы	78,3%	34,7%	70,4%	71,0%	64,5%	79,2%	73,7%
Всего	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Источник: ИС РАН, 2006 г.

Если сравнить результаты этого мониторингового исследования с результатами исследования ВЦИОМ 2008 года, проведенного с несколько отличной формулировкой вопроса, большая часть “неопределившихся” в мониторинговом исследовании ИС РАН перешла в группу “левых”, сторонников приоритета социальной справедливости. Это понятно, ввиду резкого расширения идейной “ниши” некоммунистических левых, произошедшей в последние годы. Как видно из этих данных, “левые” преобладают в электоратах всех политических партий, даже тех, которых мы привыкли называть “правыми” – СПС и Яблока. Больше всех их среди сторонников КПРФ, 47% среди сторонников “Единой России”, 45% среди сторонников “Справедливой России”, 45% среди сторонников ЛДПР, 35% среди сторонников “Яблока” и 38% среди сторонников СПС. “Правых” – сторонников приоритета развития рынка и политической демократии – больше всего среди сторонников Яблока – 29%, СПС – 25% и ЛДПР – 24%. Ну, а что касается приоритета русских национальных ценностей и традиций, эта группа лучше всего представлены в электорате ЛДПР (20%) и “Справедливой России” – 17% (см. диаграмму 28).

Диаграмма 28

Если выделить три основных идейно-политических течения в российском обществе, то какое из них Вам наиболее близко?
(закрытый вопрос, один ответ)

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Как следует из исследований ВЦИОМ, проведенных в 2004-2008 годах, симпатии россиян все в большей степени склоняются в «левую» сторону, чем в «правую», хотя эта левизна и не носит чересчур радикального характера. Так на просьбу определить свои симпатии к одному из трех основных идейно-

политических течений («левые» - «правые» - «националисты»), 46,2% (в 2008 году; 35,6% год назад) охарактеризовали себя как сторонников приоритета социальной справедливости, то есть «левых», 18,2% (19,1% год назад) - как сторонников приоритета развития рынка и политической демократии, то есть согласно российской политической традиции, скорее «правых», и еще 15,3% (16,7% год назад) заявили, что им ближе и не левые, и не правые идеи, а русские национальные ценности и политические традиции. Оставшиеся примерно 20-30% опрошенных вообще отказались идентифицировать себя с той или иной идеологией.

Подобное соотношение является довольно устойчивым и мало изменилось за последние годы наблюдений, хотя налицо постоянный рост численности сторонников левых взглядов. И это при том, что непосредственная политическая конъюнктура претерпела довольно существенные перемены. Так сторонниками идей, отстаиваемых «правыми» политическими партиями остаются почти 20% россиян, а все эти партии, даже объединившись не способны преодолеть ни 5-%, ни тем более 7-% барьер. «Левые» настроения в обществе преобладают, а за КПРФ голосуют все меньше. В чем же здесь секрет?

Во многом данное противоречие связано с тем, что реальный спектр общественных симпатий не вполне точно описывается тремя основными идеологическими течениями, которые представлены в предыдущей таблице. Те же левые делятся на несколько групп в соответствии со своими убеждениями и приоритетами. Среди них есть убежденные сторонники коммунистической идеологии, в основном с ностальгией вспоминающие «эпоху развитого социализма» 70-х и 80-х годов. Эта группа составляет чуть менее 15% от всей совокупности россиян. Зато значительно больше совсем других левых – так называемых левых государственников, социал-патриотов, которые считают необходимым воссоздание сильного и социально ориентированного государства, но отнюдь не под руководством коммунистов. Таких сегодня среди россиян от 15 до 25%. Небольшой «довесок» к этим двум крупным группам «левых» составляют «левые демократы», сторонники социальной демократии, самоуправления трудящихся, идеям которых симпатизируют 2-4% россиян.

На две все более враждебно относящиеся друг к другу группы раскололись и недавние «правые» монопольно правившие страной в первой половине 90-х годов. Часть из них осталась на позициях рыночного фундаментализма, невмешательства государства в экономику и свободное развитие бизнеса – таких

всего 2-3%. Значительно шире представлена другая часть правых, отдающих приоритет правозащитной деятельности и политической демократии, выступающих против угрозы диктатуры и произвола со стороны государства. Эта группа составляет до 12% россиян.

Зато на смычке «правых» и «левых» образовалась довольно-таки внушительная группа правоцентристов, выступающих за сочетание сильного государства и рыночной экономики. Численность этой группы составляет 15-19%. Она наиболее идеологически близка нынешней «партии власти», и вероятно, в нее вошли и некоторые бывшие «левые государственники» и некоторые бывшие «правые рыночники». Ее можно охарактеризовать как неоконсерваторов или либерал-государственников.

За общим «брэндом» русских национал-патриотов также, по сути, скрыты несколько групп с сильно различающейся идеологией, наиболее крупные из которых это собственно русские националисты, выступающие за реализацию лозунга «Россия для русских», против наплыва в Россию мигрантов, в основном из южных и юго-восточных регионов (4-5%), и примерно такова же по численности и совсем иная группа патриотов – православных монархистов, сторонников возрождения страны на основе православия и дореволюционных политических традиций (3-4%) (см. таблицу 28).

Однако значительно больше тех, кто предпочитает называть себя просто патриотами, выступающими за традиционные духовные ценности русского народа. Эта группа очень близка идеологически левым государственникам, вместе с ними образует «нерушимый блок» социалистов и патриотов. Понятно, что многие сторонники патриотических приоритетов также переметнулись сегодня в стан «партии власти», возможно, выбирая ее в качестве наименьшего зла.

Таблица 28
Идейно-мировоззренческая структура (сегментация) российского общества, %

«Снова вернемся к Вашим идейно-политическим симпатиям. Кому Вы скорее симпатизируете?»

Коммунистам	9,8	Левые
Другим "левым силам", в том числе социалистической и социал-демократической ориентации	4,1	
Сторонникам сильного и социально ориентированного государства	26,7	
Сторонники сильного государства и рыночной экономики	15,6	
Русским националистам, выступающим против наплыва в Россию приезжих из южных и юго-восточных регионов	4,0	Русские Национал-патриоты
Сторонникам возрождения страны на основе православия и дореволюционных традиций	4,1	
Правозащитникам и демократам, выступающим против угрозы диктатуры и произвола со стороны государства	5,1	Правые
Сторонникам сокращения вмешательства государства в экономику и свободное развитие бизнеса	3,2	
Иное	2,0	
Не интересуются политикой	20,3	

Источник: ВЦИОМ, 2007 г.

При сравнении этой таблицы с последующей диаграммой (см. Диаграмму 29) следует обратить на некоторые существенные различия. За минувшие с последнего исследования ВЦИОМ несколько выросла доля тех, кто идентифицирует себя с коммунистической идеологией с 9% до 14%. Вероятно, это связано с недавней избирательной кампанией, в ходе которой коммунистам удалось снова напомнить о себе, а Г. Зюганов уверенно занял второе место на выборах Президента РФ в марте 2008 г. Часть из тех, кто в исследовании 2006 г.

отнес себя к левым государственнымникам”, сторонникам сильного и социал-ориентированного государства, в исследовании 2008 г. выбрал себе нишу “сторонника патриотических сил”.

Однако в сумме левые государственнымники и патриоты набирают в обоих опросах около 25% от всех опрошенных россиян. Невысокими темпами, но неуклонно растет число “либеральных государственнымников”, в 2008 г. их доля в общем числе опрошенных составила уже 18,8%.

Не растет доля убежденных русских националистов, стабилизировавшаяся вокруг отметки 4-5%. С 5,1% до 12,2% выросла доля правозащитников, сторонников свободы и прав человека, выступающих против государственного произвола и угрозы диктатуры.

И, наконец, практически растворилась (снизилась до 1,7%) группа тех, для кого приоритетным является рыночный фундаментализм. “Старые” правые образца Демвыбора и СПС в их лучшие времена все настойчивее переходят в стан сторонников либерал-консервативной идеологии.

Диаграмма 29

**У нас в стране много различных партий, общественных движений.
Какому общественно-политическому течению
Вы больше всего симпатизируете?
(закрытый вопрос, один ответ)**

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Если считать «ядром» поддержки нынешнего режима тех, кто разделяет ценности сильного государства и рыночной экономики — таких 18,8% - то остальные группы являются носителями различных протестных настроений, которые готовы поддержать режим скорее на определенных условиях. Таким

образом, в рамках большого «синкретического болота», где все примерно одного хотят и одинаково смотрят на мир, выделяются следующие группы идейно-политического спектра:

1. *Либерал-консерваторы, либеральные государственники или неоконсерваторы.* Это своего рода «партия порядка», сформировавшаяся на базе современного городского среднего класса. За носителями этой идеологии стоит собственность, большая или меньшая и завоеванное место в обществе, которое не хочется терять. Модернистская система общежитских ценностей, унаследованная от либералов эпохи 90-х, сочетается в этой группе с солидаризмом на уровне рациональной корпоративной этики – нация-корпорация, мы, как представители сильного государства-корпорации сильнее, чем каждый по одиночке. Ядро группы составляет до 20% россиян.

2. *Коммунисты, советские традиционалисты.* Этот тип сознания характерен для тех групп населения, которые не приняли в принципе перемен, произошедших в стране после начала 90-х годов. Для их менталитета характерно сочетание советских ценностей (в основном, позднесоветских) с досоветскими крестьянскими (т. н. "коллективизм", неприятие буржуазных ценностей, современной городской морали, обожествление государства и т. д.). Традиционалисты голосуют преимущественно за КПРФ, которой удается совмещать "левую" риторику с "право-консервативными" ценностями. Наблюдается тенденция постепенного сокращения этого типа протеста по мере включения регионов с традиционалистским укладом в современные социально-экономические процессы, а также естественной смены поколений. Наша оценка подобного электората - от 10 до 14%.

3. *Собственно левые.* Неприятие "буржуазных" ценностей у них сочетается с отрицательным отношением к сильному государству, отрицанием вообще "этатистской" коммунистической традиции. Ориентация на общинно-анархические ценности. Для такого типа протеста характерно неприятие нынешней КПРФ как слишком "правой" политической силы, ориентированной на поддержку сильного государства и традиционалистских ценностей, включая даже элементы клерикализма. По нашей оценке его общий объем не превышает сегодня около 3-4% от всего дееспособного населения.

4. *Социал-консерваторы («левые государственники», «социал-патриоты»).* В отличие от первой, традиционалистской протестной группы, в значительной степени унаследовавшей "крестьянскую" ментальность в городских интерьерах,

данная группа ориентирована скорее на городские ценности. Это те, кто ценит традиционное сильное и социально ориентированное государство как в его советском, так и в меньшей степени в досоветском обличье. Это очень значительная по объему электоральная ниша, долгое время являвшаяся некоей правой периферией электората КПРФ, голосовавшая за Зюганова и в большей степени Лебедева в 1996 г., а в 1999-2000 г. за Путина. Сегодня государственники лояльно относятся к В. Путину и готовы поддержать "партию власти". Эта ниша составляет примерно 20-25% от всех голосующих. Она в основном состоит из патриотов "советского" образца, а патриоты, ориентированные скорее на "православные" и монархические ценности, составляют лишь немногим более одной десятой части всей группы социал-консерваторов.

5. *Русские националисты*. Ориентированы на проблематику, связанную с засильем "инородцев" и "чисто русскую власть". За русских националистов готовы проголосовать лишь немногим более 4% голосующих. И это при том, что сама по себе национальная проблематика сильно обострена и продолжает обостряться. Так, согласно исследованиям ВЦИОМ, более 45% опрошенных испытывают неприязнь к «приезжим». Национальная проблематика - это классическая ценность "второго ряда", условно говоря, запрос обращен к власти, чтобы она навела порядок в национальном вопросе, а вовсе не к каким-то политическим группам, называющих себя "русскими националистами". Да и опыт последней истории показывает, что силы, ставящие национальный вопрос на первое место, вызывают опасения слишком у многих «не определившихся» (за голоса которых идет реальная борьба) - и обречены на маргинальные позиции в том случае, если выборы не совпадают с обострением кризиса.

6. *"Правозащитники", "левые либералы"*. В либеральной части политического спектра тоже есть свои "левые" и "правые". "Левые" либералы это в определенной степени социал-демократы российского образца - ориентированные не столько на ценности "свободного рынка", сколько на демократические и правозащитные идеи. Их сегодня примерно 8-12%.

7. *"Либералы", "рыночники"*. Ориентированы на ценности свободного рынка, и связанные с ними идеи "социал-дарвинизма": "пусть всегда выживает сильнейший" в сочетании с западничеством. Их не более 3% от общего числа россиян и эта цифра продолжает снижаться.

Подводя итоги предложенной схеме идеологического спектра, можно обобщить ее следующим образом (см. диаграмму 30):

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Представляется естественным, чтобы партийно-политическая структура в значительной степени соответствовала данной расстановке сил в обществе.

Итак, в реальной политической жизни избирателю сегодня предлагаются не дистиллированные идейные блюда, а сложные «коктейли», зачастую различающиеся лишь приоритетами. Скажем, даже наиболее «оголтелые» рыночники, либералы не отрицают сегодня идей социальной справедливости, просто отводят им место в своей иерархии несколько ниже, чем остальные группы. Аналогичное можно сказать и о таких универсальных ценностях как рыночная экономика, сильное государство, патриотизм. О том, какие из общественных идей все в наибольшей степени способны объединить нынешней российское общество, можно судить и по ответам на еще один вопрос, заданный ВЦИОМ, относительно возможной поддержки той или иной гипотетической партии, сформированной вокруг какой-то определенной идеи. Опрошенным предлагалось выбрать до двух наиболее привлекательных партий, поэтому сумма ответов превышает 100%. Наиболее привлекательными для граждан оказались те партии, которые выступают за социальную справедливость, социальную защиту

населения (54,3%), воссоздание мощного и крепкого государства (28,7%), демократические ценности (17,5%), интересы русского населения (16,3%) (см. таблицу 29). Именно эти идеи и являются сегодня «нациообразующими», обладающими способностью, пусть пока и лишь потенциальной, объединить наше разношерстное, разорванное социальным неравенством и территориальной удаленностью общество в одно целое, дееспособную политическую нацию, способную формулировать и отстаивать свои национальные интересы.

Таблица 29

**Выбор между гипотетическими партиями,
выделенными на различном основании, %**

Если бы вам пришлось выбирать между партиями, предлагающими в качестве ключевых следующие идеи, какие из них вам ближе?	%
Партия, выступающая за социальную справедливость и социальную защиту населения	54,3
Партия, выступающая за воссоздание мощного и крепкого государства	28,7
Партия, выступающая за демократические ценности, против государственного произвола и диктатуры	17,5
Партия, отстаивающая интересы русского населения, выступающая за ограничение наплыва в страну мигрантов	16,3
Партия, выражающая интересы наиболее активных, способных добиваться успехов, слоев общества	8,7
Партия, выступающая за общественное самоуправление, повышение роли трудящихся в управлении производством	8,4
Партия, выступающая за повышение самостоятельности регионов России, усиление их роли в выработке общей	7,1
Партия, выступающая за развитие свободного предпринимательства и рынка	6,0
Партия, выражающая интересы государственных служащих	5,1

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Из следующей таблицы (см. таблицу 30) видно, что последние три года среди возможных «национальных идей» способных объединить страну и общество, на первое место с большим отрывом выходит «идея единения народов России в целях ее возрождения как великой державы», имея более 40% сторонников. Все остальные идеи, имевшие большую популярность десятью-пятнадцатью годами ранее, такие как социалистическая, коммунистическая,

западническая, рыночная, воспринимаются как частности, как идеи, не способные объединить общество. «Единая Россия» как метاپартия, отражающая метаидеологию путинской России, активно использует и в своем брэнде, и в практике эту потребность общества объединиться, не так уж важно на какой социальной платформе. Избиратель прощает «партии власти» и невнятную социальную концепцию, и противоречивую идеологию, и номенклатурное лицо ради сверхзадачи, с которой в его глазах связана путинская «партия власти» - объединить общество, восстановить государственную субъектность.

Таблица 30

Представления об идее, способной объединить общество (2003 и 2006 гг.), %

Идея	Сторонники идеи	
	2003 г. (ИС РАН)	2006 г. (ВЦИОМ)
Идея единения народов России в целях ее возрождения как великой державы	41,4	42,4
Идея правового государства	30,3	24,7
Идея объединения народов для решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством (истощение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды)	23,5	16,2
Идея сближения с Западом, вхождения России в общеевропейский дом	12,1	4,8
Возвращение к социалистическим ценностям и идеалам	10,0	11,2
Идея объединения всех славянских народов	8,5	12,1
Идея величия, национальной уникальности, особой исторической миссии русского народа	7,3	5,9
Идея индивидуальной свободы, превосходства интересов личности над интересами государства	6,0	3,2
Идея очищения общества через православную веру	5,6	5,4
Идея противостояния Западу	2,3	5,8

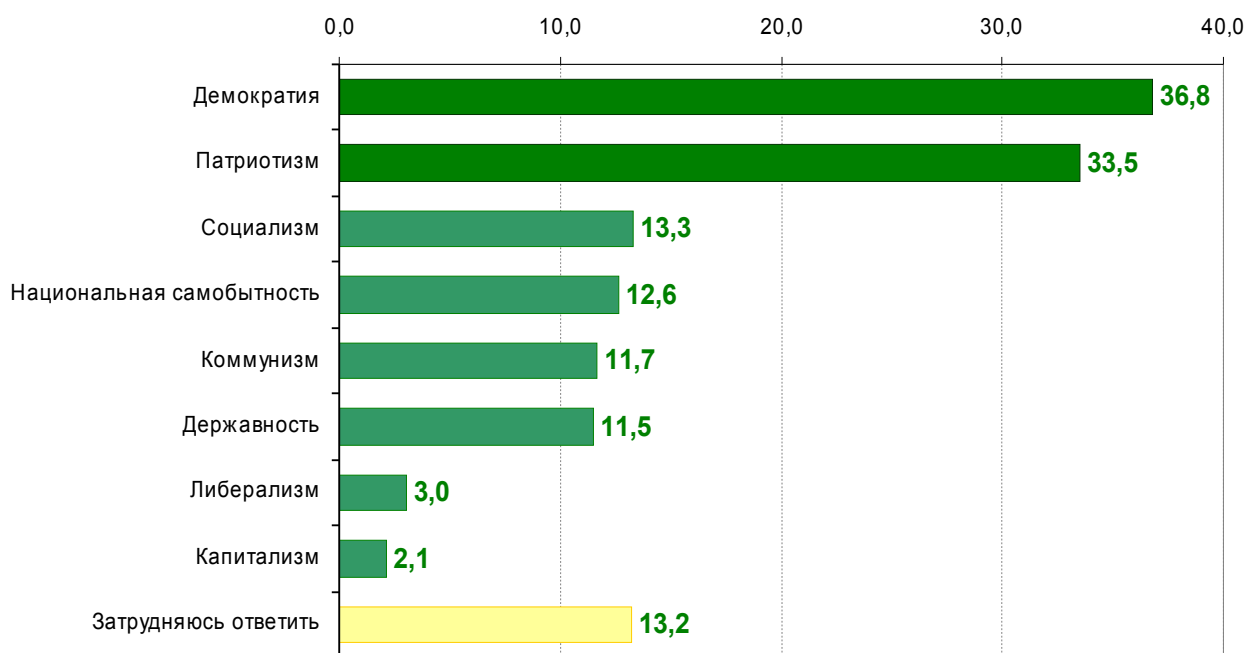
Источник: ВЦИОМ, 2003-2008 г.г.

По оценке опрошенных, именно идеология патриотизма вкупе с идеями демократии в наибольшей степени подходит для российского народа на нынешнем этапе его развития. За такой синтез высказываются более двух третей опрошенных (70,3%, из них 33,5% отдают предпочтение патриотизму, а 36,8% - демократии.). Гораздо меньше тех, кто продолжает мыслить в доктринальных терминах и полагает, что россиянам следует строить коммунизм (11,7%),

либерализм (3,8%), капитализм (2,1%), или социализм (13,3%), (см. диаграмму 31).

Диаграмма 31

**Как Вы считаете, какая идеология более других
подходит для российского народа?
(закрытый вопрос, не более двух ответов)**

Источник: ВЦИОМ, 2008

Именно сочетание идей демократии и патриотизма, сильного государства, обеспечивающего социальную справедливость и является стержнем “путинского” метаидеологического консенсуса, идеологией “путинского большинства”, за которым стоит союз нового среднего класса и “срединного класса” современного российского общества.

3.3. Феномен консенсусной метаидеологии и его границы

"Путинская" Россия, в отличие от общества периода первой половины и середины 90-х годов, достаточно слабо сегментирована в идейно-политическом пространстве. Общество если и не стало полностью ценностно однородным, то, по крайней мере, сформировалось ценностное "ядро", определяющее так называемый "метаидеологический консенсус", а противоречия оказались вытеснены на обочину политической жизни. На этой обочине существуют как левые радикалы, так и правые, а в центре наблюдается видимое согласие по большинству важнейших идеологических позиций. "Центристы" в лице "Единой России" редко расходятся с "Союзом правых сил", "Яблоко" зачастую блокируется с коммунистами, все, как правило, хотя бы на словах, занимают патриотическую позицию, все выступают за социальное государство и т. д. Нюансы же нередко определяются не принципиальными соображениями, а конъюнктурными, поэтому общество ("электорат") в значительной степени потеряло интерес к провозглашаемым партиями идейным позициям ("идеологемам"), ориентируясь скорее на конкретные личности или отстраняясь от политических пристрастий вообще. По данным мониторинговых исследований Института комплексных социальных исследований РАН, в 2006 году 64% населения отказывались идентифицировать себя с какой-либо из наиболее распространенных идеологием (либо затруднялись ответить на поставленный вопрос).. И эта тенденция продолжает нарастать.

"Путинская метаидеология" во многом и является феноменом подобного синтеза. Не случайно у В. Путина (именем которого мы условно называем этот идеологический феномен) примерно одинаково высокий рейтинг как у "рыночников", так и у "националистов", и "государственников", и "центристов", и "социал-демократов", даже среди электората КПРФ (где позиции В. Путина остаются наиболее проблематичными) у него сторонников больше, чем у Г. Зюганова (67% коммунистов доверяет В. Путину). Он одновременно и "рыночник", и "патриот-государственник", и "социал-демократ" (см. таблицу 31). Вероятно, и дальше массовое сознание будет идти по пути идеологического синтеза. А это означает, что ни одна из привычного круга идеологием не имеет шансов реализоваться "в чистом виде".

Таблица 31

Уровень одобрения деятельности президента, %

В какой степени Вы одобряете или не одобряете деятельность Президента России (В.Путина)?	Всего	Коммунисты	Другие левые	Левые государственники	Либерал-государственники	Русские националисты	Патриоты	(левые либералы)Правозащитники	Правые либералы, рыночники
Полностью одобряю	53,6	35	46	61	64	60	57	54	48
Скорее одобряю	33,5	32	41	31	32	29	36	38	37
Скорее не одобряю	6,5	18	8	4	2	8	3	3	13
Совершенно не одобряю	2,3	7		1	1		1	2	
Затрудняюсь ответить	4,1	8	5	3	1	4	3	3	2

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Более того, сам набор привычных идеологем, раскалывавших общество в 90-е годы, все в большей степени превращается в предмет личного скорее культурного, нежели политического выбора. Кто-то продолжает ностальгически вспоминать реформаторский пыл начала 90-х, кто-то ориентирован на государственно-православные ценности, кто-то на советские. Но все это уходит из реальной политической повестки сегодняшнего дня. Будущее страны уже определяется не в спорах коммунистов и, демократов.

Именно поиском идеологического синтеза во многом объясняется и стабильно высокий рейтинг «Единой России», при том, что только 14-17% россиян в 2005 и 18-20% в 2008 году характеризовали себя в качестве сторонников нынешнего политического курса. «Единая Россия» оказалась первой попыткой объединить идеи либеральных реформ, социальной справедливости, национальной гордости и патриотизма. И дело не в удачности или неудачности подобного опыта, а в доминирующем общественном запросе на формирование из российского общества нации (не в этническом, а политическом смысле) и связанной с этим национальной идеологии. Именно общий вектор запроса продолжает удерживать «ЕР» в центре политической системы страны. Это означает, что в рамках этого запроса, в центре политического спектра

обязательно будет находиться синтетическая партия, независимо от того будет она называться «Единой Россией» или нет, а более ярко идейно-окрашенные партии будут занимать место на периферии. В то же время в последнее время в рамках «ЕР» все отчетливее проявляются два идеологических крыла – лево-государственническое и либерал-государственническое, что также вполне соответствует и социальной структуре, лежащей в основе консенсусной метаидеологии, и настроениям той части общества, которая готова поддержать «партию власти».

"Путинский консенсус", сложившийся на основе «путинской метаидеологии», воспринимается обществом не как итог, а как некая исходная база для дальнейшего реформирования страны. За последние годы в наиболее перспективных сегментах общества, отражающих формирование среднего класса, начал накапливаться потенциал ожидания перемен, который пока не слишком реализуется. Последние социологические исследования демонстрируют неудовлетворенность этих ожиданий, определенную тенденцию «отката», хотя численно и незначительную, но устойчивую тенденцию. В этой связи очень важно понять, какие идеологемы воспринимаются этими "средними" группами как уже пройденный «консенсусный» этап, а какие - остаются предметом дискуссии и общественного поиска, т. е. являются факторами, определяющими «новое» общественное размежевание. В чем же состоит "метаидеологический консенсус"? В общих чертах, это признание следующих идеологем:

- *сочетание демократического устройства политической системы (особенно важны индивидуальные свободы - выбора профессии, заработка, перемещений, включая выезды за рубеж, свобода информации и политических взглядов, менее важна политическая надстройка - выборы, многопартийность) с элементарным порядком; в русле этой парадигмы можно назвать и неприкосновенность личной жизни, в которую не должно лезть ни государство, ни общество;*
- *сочетание рыночной экономики с усилением роли государства и придания ему социальных функций;*
- *сочетание "открытой" внешней политики и партнерства с Западом, с одной стороны, и национального достоинства, с другой;*
- *отказ от революционного насилия в пользу постепенного реформирования.*

Понятно, что из этого консенсуса выпадают наиболее радикально настроенные коммунисты и националисты различного толка, а также меньшая, но наиболее радикальная часть либералов. Политические силы, представленные в нынешнем парламенте, за небольшим исключением действуют в рамках такого консенсуса, принимая его как данность. С приведенными идеологами выражают согласие в среднем более 80% населения России. Но на практике постоянно формируются новые парадигмы, связанные с новыми общественными вызовами, которые уже не встречают такого согласия, раскалывают общества на достаточно крупные группы.

Особо следует остановиться на месте демократической идеологии в рамках «путинской метаидеологии». Критика демократии образца 90-х, ставшая лейтмотивом многих политико-идеологических высказываний эпохи Путина, вполне совпадает с мнениями и оценками большинства россиян. Согласно исследованиям ВЦИОМ в 2005-06 гг., почти половина опрошенных (49,7%), считает, что полноценная демократия в России так и не состоялась. Простые люди в «демократической» России остаются безгласными и бессильными повлиять на власть, их мнение никак не влияет на принятие решений. То есть дело не в самой демократии, а в том, что ее исполнение в России оказалось выхолощенным, неполноценным. Альтернативных точек зрения, согласно которым «демократия вообще не походит для России» и близкой к ней, что «Россия не созрела для настоящей демократии» придерживаются, соответственно, 16,4% и 14,0%, то есть в сумме около 30%. Между тем на еще более прямой вопрос об особенностях российской демократии, 80,1% опрошенных выражает в целом негативное к ней отношение, заключающееся в том, что «эта демократия мало влияет на нашу повседневную жизнь, все равно нами правят те, у кого больше денег и связей». По сути, речь идет о том, что в России создана не столько демократия, сколько ее фасад, с такими формальными атрибутами как избираемые населением Президент, Государственная Дума, органы представительной власти на местах, многопартийность, но этот фасад никак или в малой степени влияет на повседневную жизнь граждан, не видящих путей защиты своих реальных интересов. Фасадная демократия является лишь ширмой, за которой скрывается весьма антидемократическая реальность нашей жизни. Во многом подобное противоречие между демократической практикой и национальными интересами связывается и с тем, что модель демократии, внедренная в российскую политическую систему, является слепком с

универсальной политической системы, характерной для современных западных стран и независимой от конкретных национальных особенностей. Такая универсальная модель, по мнению 54,8% россиян и не может работать в российских условиях без учета национальных особенностей и традиций России.

Альтернативой «несуверенной демократии», сформировавшейся в России, является национальная модель демократии. В чем же она состоит или может состоять? Конкретная модель, подходящая для нынешней России, пока никем предложена не была, однако население воспринимает ее как форму, способную аккумулировать активность общества, его наиболее дееспособных членов. Самыми важными атрибутами реальной, а не фасадной демократии общественное мнение признает равенство всех граждан перед законом (44,9%) и равные для всех граждан права в социальной и экономической сфере (33,3%). Именно с достижения этих целей и начинается формироваться политическая нация. Что же касается «верхушечных» атрибутов демократии, то значимым признается только всенародное избрание главы государства (32,0%), что также является важнейшим фактором сплочения нации, возвышение верховной государственной власти над разного рода группами элит. Не придается большого значения выборам парламента (9,3%), а также различного рода формам гражданской активности – участию в жизни партий, политических и общественных объединений (4,9%), участию в митингах, пикетах, забастовках, иных акциях протеста (4,4%). В установлении реальной демократии само общество пока не видит места для своего собственного участия, запрос на новую демократию обращен к властям, к верховной власти, к президенту.

Другой важной компонентой «путинской метаидеологии» является идея внутреннего сплочения общества на фоне усиливающегося образа «внешнего врага». Многие говорят о росте ксенофобских настроений в России. Однако образ внешнего врага, большей частью ориентирован в отношении Запада, в первую очередь, США. На вопрос, должна ли Россия ориентироваться на «вхождение в западную цивилизацию», или же на «свой самостоятельный русский путь», от 70 до 80% опрошенного населения готово поддержать второй вариант, доля сторонников самостоятельного русского пути превышает 50% даже среди сторонников таких западных партий как СПС или «Яблоко». Наибольшее распространение среди сторонников различных идейно-политических течений получают, наряду с восстановлением социальной справедливости, идеи национального возрождения и укрепления государственной мощи. «Запад»

становится в массовом сознании концентрированным воплощением «зла», разного рода страхов и угроз. Именно Запад, по мнению этой части общества, виноват в трудностях современной России: он ведет целенаправленную политику на превращение России в страну третьего мира, не способную конкурировать с Западом в современных сферах экономики и являющуюся поставщиком дешевых сырьевых ресурсов. 43,6% россиян в марте 2006 года назвали именно США в качестве главного источника серьезных угроз для России в XXI веке. Напротив, лишь 4,1% видят в США наиболее желанного союзника. Отношение к европейским западным странам намного более сдержанное и нейтральное. Их не боятся, но на них и не надеются.

Из следующих таблиц видно, какие ценности и установки на сегодняшний день являются консенсусными для всего общества, какие – только для носителей “консенсусной метаидеологии”, а какие – раскалывают и это ценностное ядро современного российского общества.

Приоритет идей порядка над идеями свободы. Он характерен для всех без исключения идейных сегментов общества. Для групп, образующих ядро метаидеологии, порядок в наибольшей степени предпочтителен для патриотического сегмента (84% за порядок и 14% - за свободу), левых государственников (81% против 13%), в несколько меньшей степени для либеральных государственников (76% против 22%). В еще большей степени это характерно для левой оппозиции в лице коммунистов – 90% против 9%, несколько выше ценность свободы у правой оппозиции, но и там сторонники порядка преобладают (71% против 25% у правозащитников и 63% против 35% у либералов) (см. таблицу 32).

Таблица 32

**Соотношение ценностей порядка и свободы
в различных идейных сегментах общества, %**

Как Вы думаете, каков должен быть характер государственной власти в России?	Коммунисты	Другие левые	Левые государственники	Либерал-государственники	Русские националисты	Патриоты	Правозащитники (левые либералы)	либералы, рыночники
В первую очередь обеспечивающий порядок в стране	90	84	81	76	76	84	71	63
В первую очередь обеспечивающий свободу	9	14	13	22	21	14	25	35

гражданам								
Затрудняюсь ответить	2	2	6	2	2	2	4	2

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Вопрос о переменах, обновлении или продолжении стабильности, отсутствия значительных перемен, не является консенсусным. Группы общества, составляющие ядро консенсуса, делятся в этом вопросе примерно пополам. Так среди левых государственников соотношение 44% против 49% в пользу стабильности, среди либерал-государственников – 45% против 52% также в пользу стабильности, ну, а что касается “патриотов”, то половина из них выступают за перемены (47%), а вторая половина – за сохранение стабильности (46%). Левая оппозиция в лице коммунистов выступает за перемены, будучи недовольной ходом развития событий (64% против 31% за перемены), ее в этом отношении готовы поддержать национал-патриоты (63% против 33% за перемены), в меньшей степени привлекают перемены правую оппозицию, хотя и в этих группах сторонников перемен несколько больше, чем сторонников стабильности (48% против 45% в группе правозащитников и 58% против 43% в группе либералов) – см. таблицу 33.

Таблица 33

Соотношение ценностей перемен и стабильности в различных идейных сегментах российского общества, %

С каким из следующих мнений Вы в большей степени согласны?	Коммунисты	Другие левые	Левые государственники	Либерал-государственники	Русские националисты	Патриоты	Правозащитники (левые либералы)	Либералы, рыночники
Страна нуждается в значительных переменах, в обновлении	64	46	44	45	63	47	48	58
Я бы не хотел никаких значительных перемен, пусть все остается стабильным	31	46	49	52	33	46	45	42
Затрудняюсь ответить	5	8	6	3	5	7	6	

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Для групп, входящих в консенсусное идеологическое ядро, высокий уровень поддержки со стороны государства необходим. Только 22% левых

государственников готовы отказаться от помощи со стороны государства, еще меньше эта цифра среди патриотов – 19%, а среди либерал-государственников составляет 30%. Высокий уровень государственной поддержки важен и для левой оппозиции – только 16% сторонников коммунистических сил готовы положиться на собственные силы, среди русских националистов эта цифра несколько выше – 25%, что же касается правой оппозиции, то правозащитники поддерживают эту консенсусную установку (только 27% готовы обойтись без помощи государства), а либералы, представляющие наиболее экономически активную часть общества, как бы “выламываются” из общего контекста (58% готовы положиться на собственные силы) – см. таблицу 34.

Таблица 34

Соотношение установок на патернализм и самостоятельную активность в различных идейных сегментах общества, %

С каким из следующих мнений Вы в большей степени согласны?	коммунисты	Другие левые	Левые государственники	Либерал-государственники	Русские националисты	Патриоты	Правозащитники (левые либералы)	либералы, рыночники
Я уверен, что смогу обеспечить себя и свою семью сам и потому не нуждаюсь в поддержке со стороны государства	16	22	22	30	25	19	27	58
Без поддержки со стороны государства мне и моей семье выжить сложно	79	75	70	63	67	73	63	40
Затрудняюсь ответить	5	3	7	7	8	8	10	2

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Вопрос об авторитарном порядке или приоритете демократии, не является в нашем обществе консенсусным. “Середка” в лице идеологического ядра, раскола в этом вопросе примерно на равные части. Среди левых государственников 52% против 41% готовы поддержать “твердую руку”, даже если при этом могут пострадать некоторые демократические свободы, в пользу “твердой руки” высказываются и патриоты (59% против 37%), а либерал-государственники, хотя и с небольшим перевесом (47% против 50%) выбирают неотъемлемость демократических прав и свобод. Левая оппозиция в лице коммунистов выступает за “твердую руку” (75% против 20%), а правая – скорее за демократические ценности (среди

правозащитников соотношение 43% против 53%, а среди либералов – 5% против 44% в пользу “твердой руки”) – см. Табл. 35.

Таблица 35

**Соотношение ценностей авторитаризма и демократии
в различных идейных сегментах общества, %**

С каким из следующих мнений Вы в большей степени согласны?	коммунисты	Другие левые	Левые государственники	Либерал- государственники	Русские националисты	Патриоты	Правозащитники (левые либералы)	либералы, рыночники
Стране необходима твердая рука , которая наведет порядок, даже если для этого придется ограничить некоторые свободы	75	65	52	47	58	59	43	54
Свобода слова, политического выбора, перемещений по стране и за ее пределы - это то, от чего нельзя отказываться ни при каких обстоятельствах	20	30	41	50	38	37	53	44
Затрудняюсь ответить	5	5	8	3	4	4	4	2

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Стремление искать свой собственный путь, отличный от западного пути развития общества, является консенсусным практически для всех групп российского общества. В консенсусном ядре доля “западников” составляет в среднем около 20% - среди левых государственников всего 20%, среди патриотов – 16%, а среди либерал-государственников – 26%. Среди коммунистов и русских национал-патриотов эта цифра еще ниже – 8% и 15%, соответственно. Самыми “прозападными” являются либералы-рыночники, но и там доля “западников” не превышает 31% от общего числа опрошенных (см. таблицу 36).

Таблица 36

**Соотношение ценностей западничества и самобытности в различных
идейных сегментах российского общества, %**

С каким из следующих мнений Вы в большей степени согласны?	Коммунисты	Другие левые	Левые государственники	Либерал- государственники	Русские националисты	Патриоты	Правозащитники (левые либералы)	Либералы, рыночники
России следует поскорее войти в сообщество западных стран	8	22	20	26	15	16	21	31
У России свой путь, отличный от стран Запада, в ней никогда не привьется западный образ жизни	82	71	71	69	78	78	72	67
Затрудняюсь ответить	9	6	9	6	8	6	7	2

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Не является консенсусной проблема того, что делать богатствами тех, кто приобрел их в 90-е годы несправедливым путем, за счет сомнительных приватизационных сделок. В группах консенсусного ядра, мнения несколько различаются. Так левые государственники и патриоты выступают скорее за то, чтобы эти богатства были конфискованы, а их владельцы наказаны (55% против 32% у левых государственников и 61% против 26% среди патриотов). Либеральные государственники по этому вопросу не имеют ярко выраженной позиции (44% против 44%). Понятно, что левая и националистическая оппозиция выступает скорее за передел собственности (70% среди коммунистов и 61% - среди русских националистов). Что же касается правой оппозиции, то правозащитники выступают скорее за передел собственности (52% за), а либералы-рыночники – скорее против (56% против) – см. таблицу 37.

Таблица 37

Соотношение установок на конфискацию неправомерно нажитых состояний и на недопущение нового передела собственности в различных идейных сегментах российского общества, %

С каким из следующих мнений Вы в большей степени согласны?	Коммунисты	Другие левые	Левые государственники	Либерал-государственники	Русские националисты	Патриоты	Правозащитники (левые либералы)	Либералы, рыночники
Богатства, нажитые неправомерным путем, следует конфисковать, а их владельцев - наказать по всей строгости	70	63	55	44	61	61	52	29
Не следует допускать нового передела собственности, пусть богатые люди останутся богатыми и впредь	19	30	32	44	35	26	36	56
Затрудняюсь ответить	11	6	13	12	4	13	13	15

Источник: ВЦИОМ, 2008

Во всех без исключения группах общества, выделенных по идейно-мировоззренческим принципам, преобладает точка зрения, что личные интересы – это главное для человека, их нельзя ограничивать даже ради блага общества. И в этом отношении, своего рода “бытовом либерализме”, мало различимы и сторонники власти. И сторонники оппозиции. Среди левых государственников 39% против 46% склоняются в пользу приоритета личных интересов, среди патриотов 41% против 50% и среди либеральных государственников – 26% против 63%. Близкого мнения придерживаются и коммунисты (36% против 48%), и русские националисты (34% против 56%), и правозащитники (28% против 59%), и либеральные рыночники (33% против 63%) – см. таблицу 38.

Таблица 38

**Соотношение установок на ограничение личных интересов в различных
идейных сегментах российского общества, %**

С каким из следующих мнений Вы в большей степени согласны?	Коммунисты	Другие левые	Левые государственники	Либерал- государственники	Русские националисты	Патриоты	Правозащитники (левые либералы)	Либералы, рыночники
Людам следует ограничивать свои личные интересы во имя интересов государства и общества	36	35	39	26	34	41	28	33
Личные интересы – это главное для человека, их нельзя ограничивать даже ради блага общества	48	48	46	63	56	50	59	63
Затрудняюсь ответить	15	17	15	11	10	10	13	4

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Проблемы русских в российском государстве остается проблемой достаточно неоднозначной, она сильно делит идейно-мировоззренческие группы по отношению к “русскому вопросу”. Однако в консенсусном ядре общества преобладают интернационалистские настроения. Среди левых государственников лишь 39% считают, что в России должно быть государство, которое бы, в первую очередь, выражало интересы русских. Среди патриотов эта цифра составляет 42%, а среди либеральных государственников – 39%. Столько же сторонников приоритета “русских интересов” среди коммунистов – 39%, 38% среди правозащитников и 46% среди рыночников-либералов. Лишь в группе русских националистов, что вполне естественно, 63% опрошенных выступили за приоритет интересов русских в российском государстве (см. таблица 39).

Таблица 39

**Соотношение установок на “русскость” и “многонациональность”
государства в различных идейных сегментах российского общества, %**

С каким из следующих мнений Вы в большей степени согласны?	Коммунисты	Другие левые	Левые государственники	Либерал- государственники	Русские националисты	Патриоты	Правозащитники (левые либералы)	Либералы, рыночники
В России должно быть государство, которое выражало бы, в первую очередь, интересы	39	51	39	37	63	42	38	46

русских								
В России должно быть государство, в котором все народы, проживающие на его территории, имели бы равные права и возможности	55	41	56	60	34	54	59	52
Затрудняюсь ответить	6	8	5	3	3	4	3	2

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Как уже отмечалось, отличительной чертой ценностной конфигурации "путинского консенсуса" является низкая мобилизационная готовность населения. В особенности, это касается верхних и средних социальных страт. Это понятно: основной социокультурной тенденцией последнего десятилетия был перенос любых форм активности в "приватную" сферу, само формирование приватного пространства, в котором лишь частные интересы являются реальным мотивирующим фактором. На "жертвы" во имя будущего страны готовы 30% левых государственников, 38% патриотов, 27% либеральных государственников. Не слишком отличаются от них и оппозиционные группы. Так среди коммунистов к жертвам готовы 38% опрошенных, среди русских националистов – 41%, среди правозащитников – 36%, среди либералов – 27% (см. таблица 40).

Таблица 40

**Соотношение установок на жертвенность в различных идейных сегментах
русского общества, %**

С каким из следующих мнений Вы в большей степени согласны?	Коммунисты	Другие левые	Левые государственники	Либерал- государственники	Русские националисты	Патриоты	Правозащитники (левые либералы)	Либералы, рыночники
Если к власти придут лидеры, которые призовут во имя будущего страны меня к каким-либо жертвам – я готов их поддержать	38	37	30	27	41	38	36	27
Я бы не хотел чем-то жертвовать даже ради спасения страны	40	35	44	53	43	42	46	60
Затрудняюсь ответить	21	29	26	20	16	21	18	13

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Подводя итоги проведенному анализу, в качестве консенсусных ценностей, определяющих содержание “путинской консенсусной метаидеологией”, можно отметить тягу к порядку, патернализм, зависимость от государства, антизападничество при одновременном “стихийном либерализме” – не готовности к жертвам и ориентацию на личные интересы.

Итак, как показывают результаты исследований, за эти годы произошло ценностное выравнивание, затронувшее практически все слои российского общества, независимо от их социального положения, идеологических акцентов, национальной и конфессиональной принадлежности. Имевшие место в 90-е годы идейные противоречия оказались “задвинуты” на периферию общественной и политической жизни, а партии и движения, продолжающие “эксплуатировать” в своей практической деятельности старые общественные разногласия, либо уходят с политической сцены, либо занимают на ней все менее влиятельные позиции. Идеология “как товар” сегодня становится плохо востребованной, общество становится все прагматичнее, интерес к политике как таковой становится уделом политизированного меньшинства. На уровне декларируемых политических ценностей и идеологических установок общество становится единым, практически нерасчленимым. Выражаясь языком советских идеологов, “сформирована новая историческая общность”, современная российская политическая нация. Многие факты в этой связи настраивают на оптимистический лад, но многое по-прежнему вызывает тревогу.

Во-первых, это само “качество” нового общенационального консенсуса. Да, сегодняшние россияне избегают крайностей и ищут идейно-политического синтеза, заимствуя для “нового консенсуса” чего-то “справа”, а чего-то “слева”. Нынешняя “правящая партия” – яркий пример политического субъекта, возвращенного этой метаидеологией. В ней есть что-то от большого мыльного пузыря, надувающегося в условиях продолжающегося безразличия общества к тому, как ведутся дела в стране. За фасадом всеобщего единомыслия набирают оборот скрытые тенденции общественной полемики, которые усугубляются отчуждением общества от власти и от большой политики как таковой. Общество и власть живут по принципу негативного консенсуса – “Мы не задеваем Ваших интересов, и вы не задевайте наших”. Как на разных планетарных орбитах эти миры в обыденной жизни едва-едва пересекаются, каждый занят своим делом. Где уж тут предпосылки для формирования единой политической нации?

Но, пожалуй, самая главная проблема, которая не позволяет говорить о завершенности процесса формирования “новорусской нации” на базе “путинского” ценностного консенсуса - это углубляющийся институциональный кризис, охвативший в сегодняшней России все общественные сферы и этажи. Эффективные институты невозможно создать из ничего, практически все они исходят из недр традиционного и посттрадиционного общества, в ходе общественной трансформации они зачастую существенно меняют свой облик и содержание, однако их смысл и необходимость не подвергается сомнению со стороны социальных субъектов. Нынешние россияне не понимают реального смысла квазидемократической политической системы, ее надстроек в виде института многопартийности, не воспринимают сам принцип разделения властей как что-то существенное и значимое. После бурных событий первой половины 90-х бесповоротно оказались разрушенными сами основы местного самоуправления, для которого сегодня исчезает и экономическая база. Не возникает устойчивых социальных связей и по профессиональному принципу, общество остается атомизированным и, следовательно, несет в себе черты люмпенского маргинального самосознания.

В этих условиях любой идеологический консенсус “недорогого стоит”. Мейнстримом идеологических тенденций является сегодня “лево-правый” характер идеологического мейнстрима массового сознания в сегодняшней России. Люди мечтают о “новом социализме”, не похожем на советский опыт, говорят о равенстве возможностей как основе социальной справедливости, дорожат достижениями потребительского общества, ценят свободу зарабатывать, потреблять, перемещаться в пространстве. Они ценители идей порядка и справедливости, патриоты по убеждениям и общему социальному самочувствию. Но на практике подобная и вполне объяснимая система ценностей оборачивается инфантильным передоверием властям, готовностью представить им “делать то, что они считают нужным”, практически полной общественной апатией. Никаких вменяемых политических сил в стране не рождается, в том числе и вокруг “мейнстримной” идеологии лево-правого синтеза. Партий и движений, способных реализовать “лево-правую” систему ценностей в стране так и не сформировалось, а то, что возникает, либо быстро распадается, либо встраивается в обоз “партии власти”. В этих условиях труднодостижимой остается задача формирования в стране ответственной национальной политической элиты, самодостаточной и без

наличия пресловутого “административного ресурса”, без которой существование нации оказывается просто невозможным.

На фоне неработающих институтов происходит стремительная архаизация общественных отношений. В ее основе лежат самые простые, даже примитивные социальные конструкции – личная договоренность, неформальная иерархия по “праву сильного”, первичные биосоциальные инстинкты. Самоорганизация общества происходит на частных и локальных уровнях, тогда как сфера “национальных интересов”, с каким бы пафосом о ней не вещали с высоких трибун, остается “зоной всеобщего отчуждения”, своего рода ничейной социальной территорией. И на фоне всех этих процессов “тотальная нерасчлененность” общественного сознания, отсутствие сформированного самосознания социальных и региональных групп общества из достоинства, предвещающего быстрое созревание эффективной политической нации, видится скорее недостатком, своего рода “болотом”, в котором все позитивные инициативы, все “политически живое”, тонет и растворяется, не оставляя видимого следа. Это единомыслие все больше напоминает “консенсус на кладбище”, пусть и политическом. Сегодня все большее число экспертов говорит о надвигающемся кризисе, и эти ожидания не удается успокоить оптимистическими сводками о растущем стабилизационном фонде и бюджетном профиците. Речь идет о системном кризисе несостоявшегося социума, который чреват тенденциями распада, пусть и распада не на основе разного понимания идеологических и мировоззренческих установок. Распада просто потому, что на практике нас по-прежнему почти ничего или совсем ничего не объединяет.

“Путинская метаидеология” – это только база для “временного перемирия”. Скорее это некий пакт о взаимном ненападении государства и общества. Однако может ли подобный пакт служить основой для развития? Для развития требуется определенная мобилизационная идеология, а любые попытки формирования хотя бы элементов мобилизационной политической системы встречают слишком большое сопротивление, а социальных и политических институтов, ориентированных на мобилизацию, создать не удалось, да и задача такая не ставилась. Между тем расчет на самоорганизацию общества на основе “статус кво” не оправдывается. Общественная ткань продолжает оставаться разорванной эгоистическими частными и корпоративными интересами. Формирование дееспособных субъектов, способных действовать на общенациональном уровне, остается неразрешимой задачей в рамках названного “консенсуса”. Различий в

глубине атомизации между средним классом и остальным обществом практически нет - и это понятно: коллективистская система ценностей в наибольшей степени присуща как раз социальным низам, ориентированным на традиционалистскую систему ценностей. А индивидуалистическая, напротив, социальным верхам. Можно предположить, что дальнейшая ценностная динамика общества будет определяться ростом наиндивидуалистических ценностей в модернистском сегменте общества, т. е. именно в "среднем классе".

Некоторые эксперты и политологи⁵⁵ видят угрозу распада "путинского консенсуса" уже в самом ближайшем будущем. Как указывал еще в 2005 г. Алексей Зудин, "противоречие между контрреформой и массовым запросом на демократию вызывает признаки раскола базы поддержки В. Путина в обществе. Первоначально для "путинского большинства", сложившегося в начале первого срока правления, был характерен внутренний баланс. Консервативные элементы уравнивались продуктами модернизации и сторонниками ее продолжения. Ключевые события в развитии политической ситуации в 2003 - 2004 гг. ("дело ЮКОСа - последствия парламентско-президентских выборов - кремлевские инициативы после Беслана) нарушили это равновесие. Неполное восстановление общественного доверия Путину в конце сентября 2004 г. сопровождалось значительным "перераспределением" этого доверия между различными социальными слоями и группами. По данным Левада-центра, к концу сентября 2004 г. больше стали доверять - или просто заявлять о своем доверии действующему Президенту - те из россиян, кто больше зависит от власти, связывает с ней свои надежды и опасения (женщины, молодежь, пожилые, относительно обеспеченные, с высоким социальным статусом). Началась дифференциация "путинского большинства" по линии модернизация - традиционализм. Отношение к перспективе расширения вмешательства спецслужб в личную жизнь оказывается в зависимости от обеспеченности различных групп общества основными социальными ресурсами. В этом вопросе позиции "сильных" групп, чувствующих себя более независимыми и уверенными, заметно отличаются от позиций "слабых" групп. По данным ФОМ, в начале сентября 2004 г. наиболее несогласие с утверждением, что "ради обеспечения безопасности и предотвращения терактов спецслужбам следует контролировать

⁵⁵ "ЦПТ ПОДВОДИТ ИТОГИ ГОДА: ПАРТИИ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В "СИСТЕМЕ ПУТИНА". "Анализ и прогноз политической ситуации", 2005 год. Автор Алексей Зудин.

повседневную жизнь россиян - проводить проверку документов и личный досмотр в общественных местах, прослушивать телефонные переговоры, просматривать переписку граждан" демонстрировали адаптированные и возрастная группа от 36 до 54 лет (по 50%), а также люди с высшим образованием и мужчины (по 52%). (При этом средний уровень несогласия составлял 46%). Повышенное негативное отношение к расширению полномочий спецслужб было характерно также для жителей больших городов и мегаполисов (соответственно, 52% и 53%). Аналогичную дифференциацию стимулировало и провозглашение курса на политическую реформу. Отмена прямых выборов губернаторов и введение пропорциональной системы вызывала повышенный негативизм среди социально-активных и модернизированных групп и способствовала увеличению удельного веса социально-слабых и консервативно настроенных групп в общественной базе поддержки В. Путина. Социально-активные группы оказываются в естественной оппозиции новому политическому курсу. Но изменения в общественной базе поддержки В. Путина связаны не только с политической реформой и начались еще до событий в Беслане. Укрепление "этатистского" начала, сужение поля индивидуальной свободы и ответственности, расширение зон регламентации и откровенных запретов угнетающе действует на наиболее самостоятельные и активные группы. Началось перераспределение социального оптимизма между различными группами. По данным Левада-центра, если в июле 2004 г. о своей уверенности в завтрашнем дне среди людей наиболее работоспособного возраста (25 - 39 лет) заявляли 48%, то в сентябре - только 38%. Аналогичный процесс происходил в группе лиц со специальным образованием, но без руководящих функций, и в группе служащих без специального образования. В то же время наметилась и противоположная тенденция, захватившая, прежде всего, управленческих работников: в конце июня 2004 г. уверенность в завтрашнем дне ощущали 40% этой группы, а в сентябре - уже 54%. Перераспределение социального оптимизма шло в пользу административно-управленческих отрядов элиты. Растущая уверенность иерархических элит сопровождалась усилением беспокойства автономных групп. К концу 2004 г. баланс в "путинском большинстве" стал меняться в пользу наиболее консервативных элементов. Началось традиционалистское перерождение базы общественной поддержки Президента.

Появились предпосылки для возникновения политического союза Кремля с консервативной частью общества. Социальный оптимизм элит, связанных с

властью, дополняется почтительностью социально-слабых групп. Возникают благоприятные условия для формирования "консервативного блока". Намечается связь между иерархическими элитами и социально-слабыми группами в обществе. Их объединяет ориентация на укрепление доминирующих позиций государства, страх перед переменами, включая неприятие продолжения экономической и политической модернизации, благожелательное отношение к расширению роли РПЦ, отчетливо выраженное негативное отношение к Западу (в отличие от амбивалентного, которое было характерно для путинского большинства).

Новый политический курс Кремля начинает формировать общественную базу, больше совместимую с политическим традиционализмом. Проблема в том, что "новое консервативное большинство" плохо совместимо не только с политической модернизацией, но и с экономическим ростом". Однако за более чем три года с написания этого текста прогноз А. Зудина скорее не оправдывается. Коненсусная метаидеология остается жизнеспособной, а путинское большинство – практически нерасчлняемым.

3.4. Либеральная идеология и ее носители

Либеральная идеология носила характер официальной идеологии российской «партии власти» в первой половине 90-х годов. Конечно, по сути, она была далека от либеральных канонов, известных по трудам Карла Поппера и других «классиков» современной западной концепции либерального открытого общества. Либеральная идеология в российском исполнении носила достаточно эклектичный характер. Главными составляющими ее компонентами являлись ориентация на быстрое вхождение в рынок, с одной стороны, и на сближение со странами Запада («современной цивилизацией», как в тот период любили говорить). Если до августа 1991 года либералы составляли одно из многих идейных течений, объединенных единым фронтом борьбы с коммунистическим режимом, то в последующий период представители именно этого течения получили реальную власть и на основе либеральной идеологии попытались сформировать «партию власти». В партийно-политической системе либералы были представлены партией «Выбор России», которая потом трансформировалась в «Демократический выбор России» и «Союз правых сил».

Однако положение «правящей идеологии» не помогло либералам стать идеологическими монополистами. Начиная с 1992 года, после начала осуществления в России либеральных экономических реформ, либералы стали подвергаться все более жесткому прессингу со стороны общественного мнения и политической оппозиции. После событий октября 1993 года «Выбору России», анонсированному в качестве «партии власти», не удалось добиться победы на выборах первой Государственной Думы (сенсационного успеха добилась ЛДПР В. Жириновского), и в последующий период их идеологическое влияние стало постепенно снижаться. Однако, вопреки потере политического влияния, либералы сохранили за собой твердые позиции в рамках экономического блока правительства, и в определенной степени продолжают его сохранять и до сегодняшнего дня.

Сегодня снова говорить о либеральной идеологии, как некоем целостном идеологическом и политическом феномене, невозможно. Бывшее демократическое движение, в котором либералы составляли самый «боевой» отряд, распалось на множество незначительных и враждующих между собой группировок, которые борются скорее за политическое выживание, чем за власть. Определенная часть либералов вписалась в «путинскую метаидеологию»,

образовав либеральный фланг нынешней «партии власти». Другая часть занимает более или менее непримиримые позиции в отношении существующего политического режима. Кризис доктринального либерализма, отрицание либеральной теории и практики, сопутствует одновременно с глубоко укоренившимися в обществе стандартами жизни и социального поведения, которые, по сути, носят скорее либеральный характер. Говоря о численности сторонников либеральной идеологии, можно назвать самые разные цифры от 5% до 20%. Те, кто в качестве наиболее позитивно значимой для себя идейной ориентации выделяют приоритетные установки на «развитие рынка и политической демократии» составляют, по данным ВЦИОМ, 19-20%. Это верхний потолок оценки данной идеологической ниши, больше половины тех, кто охарактеризовал себя подобным образом, намерены голосовать за «партию власти».

Если рассматривать «либеральную» нишу как носителей протестных настроений, «протестов» справа, критикующих власть за «зажим» свободного рынка, свободных СМИ и политической демократии, число убежденных либералов сократится до 8-9%. В этой группе до 12%% составляют так называемые «левые либералы», делающие акцент на нарушениях прав человека, свобод и политической демократии в стране, а 2-4% - «правые либералы», для которых важнее чрезмерное вмешательство современного российского государства в дела экономики и бизнеса, мешающее свободному развитию рынка и рыночных отношений. В современной политологической практике установилось наименование либералов «правыми», что приемлемо на уровне политического сленга, но не имеет серьезного теоретического обоснования. Согласно устоявшейся, в первую очередь, европейской традиции, «правые» - это консерваторы, сторонники незыблемости моральных и национальных традиций, среди которых – и традиции свободного рынка, частной собственности. Те, кого в России называют «правыми», скорее выступают против традиций, за ценности «модернизационные», связываемые не с национальной традицией, а с опытом стран Запада. «Западнический» вектор российских «правых» является основанием их для обвинений в «несуверенной демократии», роли «пятой колонны», пренебрегающей национально-государственными интересами страны. Еще менее обосновано общее наименование либералов «демократами», сохранившиеся за ними как политическими преемниками широкого демократического движения пятнадцатилетней давности. Если термин

«демократы» более или менее может быть применим в отношении «левых либералов», то «правые либералы» за недолгое время своего пребывания у власти продемонстрировали глубокое пренебрежение и общественным мнением, и диалогом с оппозицией, и принципами политической толерантности. Особенно четко идейный раскол между «левыми» и «правыми» либералами был зафиксирован в октябре 1993 года, когда первые осудили акты насилия с обеих сторон, а вторые выступили в качестве горячих сторонников жестокого подавления властями оппозиции, «окопавшейся» в Белом Доме. Ядром «левых либералов» длительное время выступали «яблочники», а колонну «правых либералов» возглавлял СПС. Однако сегодня число тех, кто намерен голосовать за эти партии, в сумме примерно в три раза меньше размера потенциальной «либеральной ниши».

Одним из главных вопросов периода между выборами Государственной Думы 2003 и 2007 годов была судьба так называемых «правых» политических сил – смогут ли они оправиться от поражения, выдвинуть дееспособных лидеров, и если и не победить, то, по крайней мере, вернуть себе достойное место в российской политической жизни. Сегодня отрицательный ответ на этот вопрос уже стал своего рода медицински подтвержденным диагнозом. Кризис в «правом» лагере не только не разрешается, но и продолжает усугубляться. И на это есть целый ряд серьезных причин, как внешних, связанных с общим политическим климатом в стране, так и внутренних, относящихся к состоянию самих «правых» политических сил.

Против «правой оппозиции» работает конформизм большей части нынешнего общества, вообще отказывающего в доверии оппозиции, как правой, так и левой. Общественный конформизм порождает пресловутый феномен «спирали умолчания», термин хорошо известный профессиональным социологам. Неопределившиеся избиратели, «болото», до последнего момента колеблющиеся в своем выборе, голосуют за фаворита, пытаются невольно угадать будущего победителя. А в нынешней обстановке и угадывать, собственно, некого – фаворит известен заранее. Обывателю так комфортнее – ощущать себя причастным к победе, а не к поражению. И наши «правые» ощутили в полной мере на себе вероломство своих недавних сторонников, так и не простивших поражения своим бывшим кумирам. В декабре 2003 года и СПС, и Яблоко имели результат, лишь на уровне статистической погрешности отличавшийся от заветного 5-% барьера. Барьер взят не был, что могло быть списано и на «несчастный случай», и на

происки всесильных конкурентов из «партии власти». Замеры, делавшиеся социологами все последующие полтора года различными социологическими службами, показали, что все это время ни одна из правых партий не дотягивала даже до 2,5%, а часто результат был и ниже. На выборах в декабре 2007 года эти партии получили по минимуму из того, что в отношении их прогнозировалось.

Между тем, объективный анализ идейно-политических симпатий россиян говорит о том, что собственно «правый» в разных своих ипостасях электорат если и «убыл», то не за последние полтора года, а существенно раньше, еще 5-6 лет назад. В особенности сказанное касается «правых либералов», являющихся сторонниками идеи рыночного фундаментализма – свободный рынок, минимум вмешательства государства в экономику, минимум социальных нагрузок на бизнес, особенно крупный. Несмотря на общий поворот настроений в обществе в сторону укрепления государства во всех сферах, праволиберальные идеи могут найти определенную поддержку не менее 7-8% населения страны – это преимущественно молодежь крупных городов, в основном столиц, с доходами существенно выше среднего и в силу специфики своей деятельности ощущающих себя скорее работниками мирового, а не внутреннего рынка. Однако огромная проблема этой части электората – нежелание идти за оппозицией, пусть даже и «правой». Тем более, что нынешний правительственный курс, если и нельзя однозначно назвать правым, то уж правоцентристским точно. Крупный бизнес, многие годы бывший идейной и финансовой опорой правых либералов, сегодня, после «дела Ходорковского» уж тем более не намерен вступать в конфликт с «партией власти», не раз даже заявлявшей о намерениях отрастить себе «правое крыло». А быть в «правом крыле» партии власти намного комфортнее чем с оппозицией. В результате мы имеем следующую картину – как сторонники нынешнего политического и экономического курса позиционируют себя 16-18% опрошенных россиян (собственно это, вероятно и есть «правоцентристы»), и только 2-3% в качестве сторонников «более быстрого проведения рыночных реформ, больших экономических свобод». Именно отношения с «партией власти» – самая болезненная проблема правых либералов. Их будущее зависит от стратегии этой партии-доминанты, если в силу каких-либо обстоятельств «ЕР» сильно полевеет, что нельзя исключить, все зависит от соответствующих сигналов из Кремля, тогда и у правых появится свой, пусть и призрачный шанс на самостоятельное позиционирование, но только в качестве уважаемой

правоцентристской партии. Что же касается непримиримых радикалов среди правых, то им рассчитывать в современной России просто не на что.

Совсем другие проблемы обременяют наших «левых либералов» - «Яблоко» и близкие к нему небольшие политические партии и группировки. Левые либералы, в отличие от правых, делают акцент на общедемократической и правозащитной тематике. Проблема свертывания демократических институтов, ограничения свободы СМИ, бюрократического всевластия, попирающего права граждан, действительно существует, хотя для большинства россиян все-таки имеет второстепенное значение. На нынешнем этапе развития России идее «порядка» отдается приоритет над идеей прав и свобод. В сегодняшней России около 12% тех, кто правозащитную проблематику выдвигает на первый план, готов голосовать за партию, отстаивающую эти идеи. Почему же только 17% этого электората готово сегодня поддержать Яблоко и 14% - СПС? Здесь, очевидно, преобладают скорее субъективные проблемы, связанные с исчерпанием кредита доверия к либеральным лидерам и возглавляемым ими политическим партиям. Впрочем, времена для появления на политическом горизонте новых молодых политиков также не слишком подходящие, вот и продолжает тасоваться все та же порядком истрепанная «колода». Однако у кризиса демократических идей в России есть и свои гораздо более существенные причины.

Как показывают исследования, среди той части населения, которое обеспокоено состоянием демократии в России, также как и в остальной части общества, «левые» идеи преобладают над «правыми». Нарушения прав рядовых граждан со стороны бюрократии и работодателей в лице нашего олигархата, и не только его, волнуют гораздо больше, чем зажим крупного бизнеса, судьба М. Ходорковского или независимых телеканалов. А это означает, что правозащитную нишу могут «оседлать» только те политики, которые акцентируют лево-демократические, даже социал-демократические ценности. Но и здесь есть свои подводные камни, которые препятствуют в России формированию дееспособного социал-демократического проекта. С «социалистической» частью этого проекта, впрочем, все в порядке, более половины населения России в той или иной форме разделяет социалистические ценности. Но вот с «демократической» составляющей не все благополучно. Социалистический запрос, разделяемый большинством, обращен исключительно в власти, к доброму «Царю-батюшке», к кому угодно, но только не к институтам гражданского общества. В России так и не сложилось влиятельного профсоюзного движения, институтов местного

самоуправления, то есть всего того, без чего любая социал-демократия попросту невозможна. Российская демократия, по мнению россиян, носит явно ущербный характер. Не случайно только 3,1% участников опросы полностью удовлетворены тем как «работает» демократия в новой России, еще 29,6% удовлетворены частично. Понятно, что в этой связи рассчитывать на политический успех демократам, игнорирующим наиболее волнующие общество проблемы, явно не приходится. А идей и политиков, способных выдвинуть более современный комплекс идей, пока не видно.

Не сложилось единого мнения о перспективах в России либеральной идеологии как таковой. Оценки аналитиков «почвеннической» и «западнической» ориентации расходятся полярно. Для русских почвенников либерализм - это символ гниения современной мировой цивилизации, «путь в никуда». Особенно ярко разоблачал либеральную идеологию ныне покойный философ А. Панарин. В книге «Либеральное разрушение общества» он писал: «Современную либеральную идеологию можно понимать как процедуру разложения всех обществ до уровня несвязанного одноклеточного состояния. Эту одноклеточность представляет либеральный индивид, порвавший все социальные связи и обязательства и выступающий в качестве носителя единственного интереса — своего частнособственнического. Прежде чем либеральная Америка объявила войну всему миру, представители либеральной идеологии объявили войну всему культурному наследию человечества, обозвав его "агрессивно-традиционалистским". Мы очень сузим характер либеральной войны с социальностью как таковой — со статусом человека как существа, имеющего социальные привязанности и обязанности, если сведем дело только к рыночному максимализму либералов, не теряющих социального государства и других ограничений рыночного "естественного отбора". За асоциальностью либерального рынка "чикагского образца" скрывается более глубокая и последовательная асоциальность, выражаемая уже не "специалистами по рынку", а "специалистами по культуре". Люди, с тех пор как они появились на земле в качестве вида *homo sapiens*, владеют не одним, а двумя видами капитала: материальным (экономическим) и духовным (символическим). Самая большая тайна, ныне скрываемая от нас новой господствующей идеологией, состоит в том, что экономические отношения сами по себе не сплавляют людей. Не случайно экономикоцентристский либерализм (как и другие экономикоцентристские идеологии) знает только два состояния человечества: физического —

"дозэкономического" принуждения, и экономической свободы, при которой люди вступают в отношения с себе подобными под влиянием материальной выгоды и личного экономического интереса»⁵⁶. По мнению А. Панарина и его последователей, либерализм – своего рода форма социальной и культурной энтропии, ведущая человечество к утрате цивилизационного и национального своеобразия.

Наиболее последовательные идеологи российского либерализма, в частности представленные Фондом «Либеральная миссия» (Е. Ясин, И. Клямкин, А. Рубцов), напротив, полагают, что либеральные ценности являются универсальными, а так называемые «традиционные русские ценности», которые им противостоят, являются формой закрепления извечной российской отсталости, отделяющей Россию от преуспевающего Запада. Впрочем, исследования И. Клямкина⁵⁷ показывают, что большинство «традиционных ценностей» в современном российском менталитете существуют только «на бумаге», в качестве парадных ценностей, не применимых в практической жизни. По мнению И. Клямкина, современный россиянин стихийный либерал, он индивидуалист, выстраивающий прагматичную модель жизненного успеха. В своей монографии Е. Ясин⁵⁸ скептически оценивает плодотворность «специфически русских ценностей». Так, по его мнению, «духовность – одна из наиболее часто упоминающихся ценностей российской культуры. Обычно понимается как превосходство духовных ценностей над материальными: не хлебом единым жив человек. Но противопоставление духовности материальным интересам, русской духовности западному материализму вряд ли оправдано. Коллективизм понимается по-разному. Но это также может сопровождаться подчинением личности коллективу, отказом от своих прав, реально в пользу лидера, ибо коллектив без лидера не бывает. Поэтому обратная сторона коллективизма – авторитаризм и безответственность: лидер объединяет права и ответственность членов, член коллектива уже не личность. Индивидуализм как антоним может возобладать только в достаточно развитом обществе, с иным, не внутриобщинным типом связей. К тому же самопожертвование – это покорность власти, это долготерпение, которые позволяют ей не считаться с личностью, игнорировать или узурпировать ее права. Самопожертвование – ценность

⁵⁶ А. Панарин. Либеральное разрушение общества. М., 2000, с. 105.

⁵⁷ И. Клямкин. Приказ и закон, проблема модернизации России. Лекция на Полит.Ру, май 2006

⁵⁸ Российское народовластие. Под общей редакцией Е. Ясина. Фонд «Либеральная миссия», М., 2002

преимущественно традиционного общества с иерархической социальной структурой, где жертвовать собой ради сеньора или барина – долг вассала или холопа». «Формула «каждый за всех» - это формула перманентной войны, используемая для организации мирной жизни в «осажденной крепости». Из нее получаются самодержавие, крепостничество, несвобода и бесправие личности, поверхностная имитационная религиозность и неразвитость трудовой морали». Нетрудно видеть, что упомянутые ценности взаимосвязаны и как бы сливаются в один блок, который можно назвать этатизмом, произрастающим на почве свойственной России в течение многих веков иерархической социальной структуры, феодализма в русском исполнении». «Нестяжательство – ценность не продуктивная, она подрывает стимулы к труду и бережливости, к предприимчивости, ограничивает потребности. Конечно, оно ограничивает жадность и зависть, облагораживает нравы. Но процветанию не содействует. В целом ценности традиционной русской культуры, в совокупность с сопутствующими отрицательными качествами, к которым она проявляет терпимость, непродуктивны применительно к современным условиям». Отсюда и оценка общих перспектив либеральной идеологии, если не в современной, то в будущей России: «Следует предупредить против чрезмерно оптимистических выводов. Либерализм и демократия в России по-прежнему не являются популярными символами, уважение к правам и свободам человека в обществе – скорее на словах. Хотя все больше доля граждан, выражающих в опросах согласие с либеральными ценностями, их действия, прежде всего в силу сохраняющихся негативных общественных институтов и инерции (недоверие, право сильного, коррупция) продолжает отставать, свидетельствуя о живучести прежних ценностей и установок. Преодоление этих препятствий требует времени, возможно, измеряемого поколениями. Но надо исходить из того, что это процесс, в котором ощутимые сдвиги могут произойти и дать результаты сравнительно быстро».

Оценивая современное российское государство, выстроенное при В. Путине, другие идеологи либерализма (И. Клямкин и Т. Кутковец) приходят к явно неутешительным выводам: «Что бы ни говорили о преимуществах путинского государства перед ельцинским, никакого нового цивилизационного качества оно не обрело. Оно лишь из слабого неправового превратилось в более сильное неправоное. И трудно сказать, что лучше. Ведь это очень сомнительное преимущество — результат очередного упрочения традиционной бюрократическо-

силовой (она же коррупционная) компоненты власти, что не приближает утверждение принципов законности и права, а еще больше от него страну отдаляет. Между тем во всем том, что касается главных внутренних проблем России и ее модернизации, такое государство остается беспомощным. Будучи не в состоянии гарантировать право собственности и другие базовые права людей, оно не в состоянии установить и единые и повсеместно соблюдаемые правила деловой игры, без чего к нему нет и не будет доверия. Поэтому у него нет и не может быть внятных стратегических целеполаганий. Поэтому в лучшем случае оно обречено на суетливое латание дыр, а в худшем — на стагнацию и разложение. Поэтому оно и впредь вынуждено будет, движимое инстинктом самосохранения, именовать свою скрываемую за демократическим фасадом бюрократическо-авторитарную природу «суверенной» или какой-то другой «демократией» и маскировать свое стратегическое бессилие PR-проектами вроде «энергетической сверхдержавы». Но долго так продолжаться не может. Рано или поздно наши сограждане начнут осознавать, что под разными названиями им предлагается некая особая демократия, из которой исключено общество, замененное «Единой Россией», Общественной палатой и административно насажденными общественными организациями — неестественными, казенными и холодными. И число прозревающих будет со временем лишь увеличиваться. Рано или поздно большинство россиян поймет и то, что ничего в их жизни существенно не изменится, пока сохраняется властная монополия одной политической группировки. Поймут люди и то, что правосудие, далекое от правовых норм, при политической монополии неизбежное, во вред не только отдельным «олигархам», но и им самим. Все это произойдет неизбежно. Вопрос лишь в том, какую цену придется заплатить стране, ведомой сегодня ее властной элитой в прямо противоположном направлении, за трансформацию бюрократическо-коррупционной государственности в правовую. Но чем больше времени уйдет на опробование очередного тупикового варианта, тем цена будет выше. Не лучше ли поэтому одуматься как можно раньше?⁵⁹»

На наш взгляд, либеральная идеология не имеет в России большого будущего, по крайней мере, в ее целостном виде, таком в каком она выступала в начале 90-х годов.. Формирующаяся «путинская метаидеология» впитала в себя значительный объем либеральных ценностей, в первую очередь, такие как ценность частной жизни, ориентация на самый «ближний круг» родных и друзей,

⁵⁹ И. Клямкин, Т. Кутковец. Как нас учат родину любить. Новая газета, сентябрь 2006

обладающий для современной россиянин сверхценностью, свобода самовыражения, идейно-политическая толерантность, свобода перемещения, в меньшей степени – политические свободы. Современный россиянин, особенно молодой – сам себе хозяин, по крайней мере, стремится быть таковым. И уже в силу этого – «либерал по жизни». Вероятно, «зона либерализма» со временем может расшириться за счет большего признания со стороны общества ценности человеческой жизни и каждого отдельного человеческого «я». Однако в качестве магистральной тенденции, противостоящей либерализму, общество пытается нащупать внутренние скрепы, определяющие его целостность и общую идентичность и способные превратить набор разрозненных индивидов в дееспособную нацию. Эти скрепы невозможно обрести в рамках либерального воззрения на общество и мир. На сегодняшний день большая часть либералов ориентирована на либерально-консервативную идеологию и поддержку «партии власти». Вторая, меньшая часть, находится в оппозиции к «партии власти», стремительно левеет и является потенциальным участником оппозиционного властям социал-демократического движения.

Что же касается магистральной ветки эволюции российского либерализма, то совершенно ясно, что это путь в направлении либерально-консервативной идеологии. Как справедливо отмечал М. Тарусин еще в 2003 г.⁶⁰, «по нашим оценкам, сегодня в России активно формируется средний класс, численность которого составляет немногим менее 20% от всего населения страны. Таким образом, хотя средний класс не является таковым по объему, но, по внутренним характеристикам, представляет собой классический средний класс, описанный в теории и существующий на практике в экономически развитых странах. Исследование политических воззрений российского среднего класса выявило следующие его идеологические составляющие: С одной стороны, средний класс выражает либеральные идеи партий правого политического крыла. С другой стороны, российский средний класс тяготеет к умеренному консерватизму, выраженному в сохранении отечественных традициях и патриотизме. Если предположить (только предположить), что страна наша будет и впредь развиваться достаточно спокойно и стабильно, то через пару десятков лет мы можем получить средний класс, объемом свыше 50% населения и стоящий на идеях либерального консерватизма». По его мнению, «если и суждено

⁶⁰ Михаил Тарусин. Либеральный консерватизм как хорошо забытое «завтра». "Эксперт" за июль 2003.

либеральному консерватизму занять умы россиян, то умы эти по определению должны находиться в головах представителей среднего класса. П.Б. Струве писал, что строительство «Великой России» должно быть основано на принципах свободы личности, здоровой власти, ограниченной законом, частной инициативы, состязания всех живых сил нации и, прежде всего, «среднего элемента», подлинного носителя свободы и собственности. Средний класс потому и близок идейно либеральному консерватизму, что он заинтересован в государственной стабильности и, одновременно, в развитии частной инициативы, чему яркое подтверждение – Западная Европа, опыт которой нам никак не дается к практическому применению. Вообще очень странно, что здравые разработки классиков русского либерального консерватизма XIX века не оказали должного впечатления на формирование общественного сознания и Россию занесло в сторону от поступательного развития цивилизации так лихо, что только сейчас начинаем опоминаться. Тем больше оснований вернуться назад, к тому месту, откуда повлекло вкривь, заново осмыслить багаж отечественной мысли и надеяться, что история предоставит нам еще один шанс”.

3.5. *Левая идеология и ее носители*

Само понятие “левые” носит довольно условный характер. Как совершенно справедливо указывает политолог Владимир Павлов⁶¹, “общеизвестно, что сам термин возник из-за рассадки депутатов Генеральных Штатов образца 1789 года – по идейному родству. Консерваторы сидели справа от председателя, а радикалы слева. Впоследствии данный принцип в депутатском корпусе сохранился, причем, поскольку доля консерваторов сокращалась, а радикалов – наоборот, те стали дифференцировать по принципу «чем радикальнее, тем левее».

Правда, вскоре этот принцип рассадки был нарушен: из левых радикалы превратились в монтаньяров, т.е. «горцев» или по-русски – галерку, камчатку, заднескамеечников. По набору своих идей тогдашние левые были наиболее последовательными либералами, что очень важно отметить. Либерализм Руссо был на тот момент самой радикальной идеологией преобразования общества. Олег (правда, из несколько иных фактов) делает выводы о происхождении будущего левого движения от якобинства и о большем, чем принято считать

⁶¹ bookz.ru/authors/pavlov-vladimir.html

родстве либерализма и социализма. Не буду пока с ним спорить. Таким образом: с исторической точки зрения, левые – это сторонники радикального преобразования общества, а потому звание это определенно является ПЕРЕХОДЯЩИМ. В 90-е гг. XVIII в. это были либералы, с 40-х XIX по 40-е XX вв. – социалисты (среди которых это звание также переходило от одной группы к другой), а вот в 80-90-е XX в. – польская «Солидарность» да наши ельцинисты. То, что сейчас (и уже довольно давно) под левыми понимают именно социалистов с их «попутчиками» – это политологический подход. В основном, он уже устарел, но имеет под собой солидную почву: более полутора веков социалисты всех мастей лидировали в мировом прогрессистском и революционном движении, причем именно благодаря тому, что капитализм стал считаться нормой жизни и даже венцом социального прогресса. А как известно, сторонники того, что уже есть – по определению консерваторы, а не радикалы. Но сегодня радикализм социал-демократов, коммунистов и даже анархо-синдикалистов – напрочь выдохся. Никаких принципиально новых преобразований они обществу они не предлагают, а потому и не могут, с исторической точки зрения, считаться левыми”.

«Левая» идеология, отдающая приоритет принципам социальной справедливости, является сегодня наиболее распространенной в обществе, однако не в своем радикальном варианте. Именно поэтому «левый» электорат входит значительной своей частью в «путинский консенсус», а «левая идеология» стала составной частью «путинской метаидеологии».

По данным ВЦИОМ, 38,1% россиян склонны отдавать предпочтение именно идеям социальной справедливости как базовой ценности. Однако среди них больше половины были намерены поддержать на выборах «партию власти» и, в конечном счете. Именно ее и поддержали. Социальная справедливость, наравне с порядком, входит в магистральный социально-политический запрос, реализации которого ждут и от нынешнего президента, и от его преемника. В то же время, до последнего времени, в России не было ни одной влиятельной собственно «левой» партии. До сих пор, за пятнадцать лет российских реформ так и не было предложено внятной левой альтернативы.

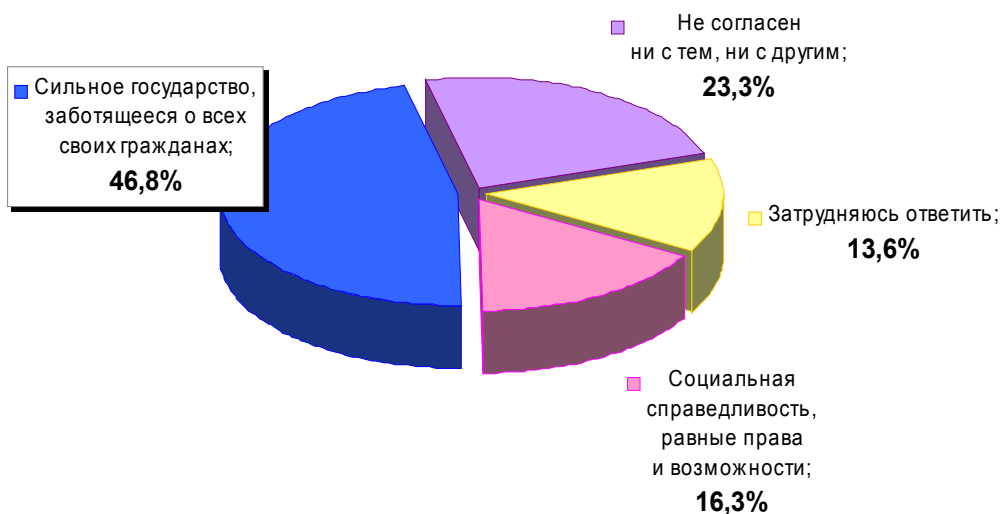
Также как термин «правые» является лишь политическим сленгом для обозначения политических сил либеральной ориентации, так и среди российских левых, собственно «левые» составляют меньшинство. Согласно европейским традициям, к числу левых относят политические силы, которые выступают за социальную справедливость в разных ее вариантах, но апеллируют к ценностям

гражданского общества, горизонтальным социальным связям, структурам общественного самоуправления. «Возьмем свою судьбу в свои руки», - вот политическая философия «левых». В то же время среди российских левых картинно носит диаметрально противоположный характер. Более детальный анализ «левой» идейно-политической ниши показывает, что большинство в ней составляют «сторонники сильного и социально ориентированного государства» - 14,1% от всей численности опрошенных россиян (апрель, 2006). Примерно столько же симпатизируют коммунистам, а другим «левые» - в том числе социалистической и социал-демократической ориентации – симпатизируют всего 3-4%.

В соответствии с этой типологией, «левых» можно разделить на «левых государственников», «коммунистов», и собственно «левых» - социалистов и социал-демократов. Аналогичная картина наблюдается и при анализе наиболее популярных «левых» лозунгов. Весной 2005 г. (ВЦИОМ) там также с большим преимуществом (46,8%) доминировала «правая», государственническая интерпретация «левой» идеи – это сильное государство, заботящееся обо всех своих согражданах. Запрос на социальную справедливость в этом случае обращен не к обществу, а к сильному государству, к власти. Это скорее сторонники государственного социализма, сильной и могучей державы, которой стоит гордиться, и которая заботится о своих гражданах. Собственно же «левая» идеология, характеризующаяся такими лозунгами как социальная справедливость, равные права и возможности, самоуправление, имеет значительно меньше сторонников (16,3%) (см. диаграмму 32).

Диаграмма 32

**Лозунги, обычно выдвигаемые "левыми".
С каким из них Вы в наибольшей степени согласны?**

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Особо следует остановиться на той нише, которую в России длительное время однозначно связывали с «левой» идеологией – коммунистами. Была ли и является теперь КПРФ реальной «левой» альтернативой? КПРФ и не левая, и не социалистическая партия в сегодняшнем понимании этого слова. Это, в первую очередь, партия остатков российского традиционного общества, с его патриархальной, антимодернизационной ментальностью. Мы наблюдаем такое явление как «советский традиционализм» с его крайне консервативными представлениями о доминировании «целого» (государства) над «частным» (индивидом). «Советский традиционализм» во многом впитал в себя консервативную национальную традицию, еще в 40-е – 50-е годы прошлого века, породив идеологию «национал-коммунизма», радикально противостоящую «левой» европейской традиции. Главным компонентом последней стала идея и опыт самоорганизации общества (местное самоуправление, профсоюз) для защиты своих преимущественно групповых интересов. Идеология же национал-коммунизма предполагает именно доминирующее государство в качестве главного и по сути единственного социально-политического субъекта. Самоорганизация общества, в том числе «самоорганизация трудящихся в борьбе за свои права» не соответствует ни реальной идеологии, ни общественной практике КПРФ как носителя национал-коммунистической традиции, так как предполагает борьбу с государством, которое данная традиция обожествляет.

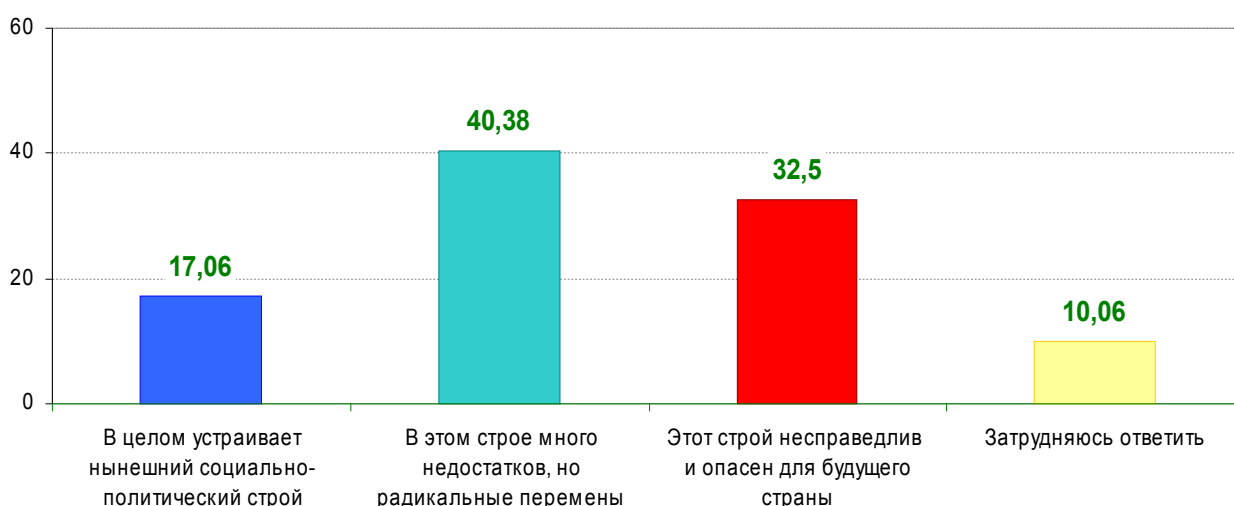
Все попытки КПРФ «работать с массами», устраивать «походы на Кремль», «поднимать народ на борьбу с режимом», как правило, носили имитационный характер и не способствовали повышению политической активности общества. В то же время в период пребывания у власти Б. Ельцина, когда власти во многом проводили откровенно антинациональную внутреннюю и внешнюю политику, КПРФ выполняла важную политическую функцию национал-консервативного противовеса политике Кремля, защиты национально-государственной идентичности, чем, во многом и определялась ее популярность в обществе. Так в 1995 году на выборах в Государственную Думу КПРФ достигла наивысшего успеха, добившись, вместе со своими попутчиками большинства, хотя и не конституционного. В следующем году на президентских выборах Г. Зюганов практически на равных боролся с Б. Ельциным, и по мнению ряда аналитиков, лишь собственное нежелание брать полноту ответственности за развитие ситуации помешало ему выиграть те выборы. В условиях нынешнего режима, политика которого, по мнению подавляющей части общества, в целом соответствует национально-государственным интересам России, роль консервативной оппозиции в лице КПРФ в значительной степени снизилась. Сегодня ее электоральный потенциал не превышает 10-12%, причем в основном состоит из пожилого и малообразованного населения. В период после 1995 г., когда началась волна свободных выборов глав субъектов федерации, немало губернаторов пришли к власти при прямой или косвенной поддержке КПРФ. Некоторые из них запомнились своей национал-консервативной риторикой, но не было предпринято ни одной попытки проведения осмысленной «левой» политики на региональном уровне, связанной с развитием местного и производственного самоуправления, солидарности и социальной защиты, борьбы с олигархическим крупным капиталом. Все это подтверждает наш вывод о том, что, несмотря на элементы формальной «левизны» в программе и риторике лидеров КПРФ, она по сути своей не является и не являлась собственно левой политической партией.

Именно в лево-традиционалистской оппозиции сосредоточены преимущественно «революционаристские» настроения. Так среди сторонников коммунистов 45,9% полагают нынешний строй несправедливым и опасным для будущего страны, среди сторонников «иных левых сил» - ровно столько же, 45,9%. Несколько менее сильны радикальные настроения среди национал-патриотов – 37,3% (см. диаграмму 33). Можно предположить, что это недовольство в основном носит культурологический характер, в большей степени,

чем политический. Феномен неприятия традиционным обществом современной городской цивилизации со всеми ее особенностями. Что же касается современных социальных групп, адаптировавшихся к жизни, в них доминирует пассивное недовольство социально-политическим строем, причем те, кого нынешний строй устраивает, оказываются в более или менее значительном меньшинстве во всех идейно-политических группах, даже среди сторонников нынешних властей. Но не случайно и «идея стабильности» продолжает занимать ведущее место среди идей и лозунгов, способных, по мнению россиян, объединить наше общество.

Диаграмма 33

**С каким из мнений о нынешнем социально-политическом строе страны
Вы скорее согласны?**

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

За последнее десятилетие неоднократно предпринимались попытки создания «левых» партий и движений, не связанных напрямую с коммунистической традицией и ориентирующихся на социалистические и социал-демократические ценности. Но ни одна из этих попыток не стала удачной. Если исключить чисто бюрократические и номенклатурные проекты типа «блока Ивана Рыбкина», или движения «Россия» («Возрождение России») Геннадия Селезнева, наиболее ярким примером подобной неудачи стала судьба Партии самоуправления трудящихся Святослава Федорова. Его идея формировать производственные отношения не на основе диктата собственника, а на основе коллективного самоуправления, реализации стратегических интересов предприятия-коллектива, справедливого распределения прибыли, что

соответствует российским традициям артельного труда, натолкнулась на крайне низкую способность современных россиян выстраивать какие-либо горизонтальные отношения. Сказалась крайняя индивидуализация социального бытия, расцветшая еще в 70-е и 80-е под крышей общества «развитого социализма» и многократно усилившаяся в 90-е годы. Современный россиянин сам хочет быть полновластным хозяином на отвоеванном у общества маленьком социальном плацдарме, и не готов терпеть в этих пределах никакого «коллективного самоуправления». В то же время он не готов брать на себя и толики социальной ответственности за все, что выходит за границы этого пяточка, охотно подчиняясь на тех или иных условиях воле «большого, чем он» хозяина. Налицо приватизация и фрагментация социального пространства, кризис субъектности, отсутствие носителей стратегических интересов общества. Так проведенные нами исследования выявили доминирование локальных идентичностей и локальных социальных мотиваций. Оказалось, что мобилизационная компонента россиян достаточно высока, но направлена практически исключительно на сферу локальных интересов.

Согласно данным исследования «Базовые ценности современных россиян»⁶² (2002 г.), 44,0% опрошенных были готовы «пожертвовать личным благополучием и материальным достатком» ради будущего своих детей; 36,9% - ради безопасности своего дома, своей семьи. Лишь на третьем месте в качестве сверхценности выступает безопасность России (23,7% всех опрошенных). Впрочем, в современной России подобная индивидуализация бытия видна и невооруженным социологическими методами взглядом. Свободная экономика раскрепостила океан человеческой энергии, однако, как правило, заканчивающейся за пределами забора собственной дачи или коттеджа. Исследование также продемонстрировало, что никакие идеи не являются больше сверхценностями ни для каких социальных групп. Так ради целостности страны готовы пойти на жертвы 4,2% россиян; ради коммунистической идеи – 1,7%; ради идеи демократии, прав человека – 1,5%; ради идеи прогресса, блага всего человечества – 1,9%; православная идея – 2,3%. Аналогично лишь 5,5% полагают, что объединить российское общество могут идеи демократии; 1,1% - коммунистическая идея; 1,1% - православная идея. Наибольший же рейтинг получили такие «безыдейные» идеи как стабильность (24,5%), законность и порядок (22,1%), достойная жизнь (16,3%). Несмотря на высокий рейтинг понятия

⁶² Базовые ценности россиян. Под ред. А. Рябова и Е. Курбангалиевой. М., 2002

«социализм, как это показало исследование ИКСИ РАН (январь, 2005) (слово «социализм» вызывает положительные эмоции у 65,5% населения, а слово «капитализм» лишь у 28,1%), на практике социальная ткань в современной России является слишком рыхлой для реализации левых идей. Поэтому можно предположить, что движения, ориентированные на левую в европейском понимании идеологию в России еще длительное время будут довольствоваться весьма скромной ролью. Между тем, как это показали данные одного из исследований ИКСИ РАН (2005), общественный запрос на то, что можно назвать «партией социальной справедливости», в обществе остается чрезвычайно высоким (см. таблицу 41).

Таблица 41

Отношение к необходимости создания “партии социальной справедливости”, %

	Да, такая партия нужна и я готов ее поддержать	Да, такая партия нужна, но я не буду ее поддерживать	Нет, такая партия не нужна
Партия, выступающая за социальную справедливость и защиту наиболее обездоленных слоев общества	65,4	15,9	18,8

Источник: ВЦИОМ, 2007 г.

Из приведенной таблицы видно, что доля тех, кто не просто поддерживает (81,3%), но и готов голосовать за «партию, выступающую за социальную справедливость и защиту наиболее обездоленных слоев общества» (65,4%) почти в пять раз превышает долю тех, кто сегодня готов голосовать за КПРФ. Среди них немало и тех, кто входит в электораты партий, которые принято считать «правыми» – в том числе и СПС, не говоря уже о «Яблоке» и «Единой. России» (см. таблицу 42).

Таблица 42

Отношение к необходимости создания “партии социальной справедливости” среди сторонников различных политических партий, %

Отношение к «партии социальной справедливости»	«Единая Россия»	КПРФ	ЛДПР	СПС	«Яблоко»
Готов поддержать	70,2	75,4	63,2	48,3	64,6

Такая партия не нужна	15,4	16,2	19,1	20,7	13,4
-----------------------	------	------	------	------	------

Источник: ВЦИОМ, 2007 г.

Существует огромная ниша лево-государственнической ориентации, которую пока не в состоянии заполнить партии, называющие себя социалистическими или социал-демократическими. Часть представителей этой ниши в 2003 г. голосовала за «Родину», а в 2007 – в целом поддержала «Единую Россию». Судя по всему, это не «сотрясатели основ», стремящиеся к социальной революции, а сторонники «капитализма с человеческим лицом». Среди сторонников В. Путина – как безусловных так и условных – около 64% готовы поддержать «партию социальной справедливости». Идея «капитализма с человеческим лицом» пользуется настолько большой популярностью, что может быть включена в число консолидирующих общество. Это своего рода «социализм сверху, с барского плеча». Между тем определенная самоорганизация, вернее потребность в самоорганизации наблюдается и внизу, в общественных массах. Но наблюдается в примитивных формах, соответствующих низкому уровню культуры общественной самоорганизации. Современная Россия не доросла ни до значимого Земского движения, о котором мечтают литературные классики, ни до влиятельного профсоюзного движения, ни до производственного самоуправления по Федорову. Даже то, что в России любят называть «мафией» или «группировкой» и есть форма примитивной общественной самоорганизации, причем как показала практика, зачастую достаточно эффективной. Не случайно большинство политиков как федерального, так и регионального уровня, если стремятся к реальной, а не номинальной власти, вынуждены искать опору именно в этой среде. Именно это определяет «левый характер» того явления, который часто называют радикальным русским национализмом. «Русская идея» для современной России носит ярко выраженный характер компенсации за нищету и отсутствие социальных возможностей для провинциальной молодежи. Ограниченные места на предприятиях или – наиболее привлекательные – в торговле или в полукриминальном бизнесе – заняты представителями нерусских диаспор. Последние, не в пример русским, хорошо организованы, умеют устанавливать неформальные связи на всех уровнях. Эта ситуация порождает идею самоорганизации русских. В условиях колоссальной социально-

имущественной дифференциации русского населения, другого фактора, кроме декларируемой «русскости» попросту нет.

Характерным является отношение общества к левой оппозиции в условиях острого социального кризиса, разразившегося в январе-феврале и связанного с проблемой «монетизации льгот». 79,6% опрошенных вообще на тот момент не располагало информацией о позиции политических партий в условиях кризиса, в том числе левой оппозиции. Впрочем, даже те партии, которые однозначно встали на сторону протестующих, навряд ли смогли получить значимые дивиденды. Если «ядро» левых партий не превышает 12-13% (это те, кто, по собственному признанию, всегда сочувствовал левым партиям), то кризис привлек к «левым» идеям и партиям еще максимум 9-10%, но большая часть тех, кто симпатизирует протестующим, как показал опрос, не склонны были доверять заявлениям ни КПРФ, ни Родины, ни другим левых партий, подозревая последние в стремлении делать политический капитал на чужой беде (26,7%). При этом 21,3% опрошенных вообще не сочувствовали в момент «льготного кризиса» протестующим, а почти 30% затруднились как-либо выразить свое отношение к деятельности и позиции левых партий. Интуиция не подвела опрошенных россиян, как показали дальнейшие замеры популярности политических партий, «льготный кризис» не оказал существенного влияния на распределение электоральных симпатий населения.

“Левые” в современной России расколоты на несколько большую часть, входящую в состав “метаидеологии” и лояльную властям, и оппозицию. На сегодняшний день непримиримые “левые” остаются наиболее массовой оппозиционной силой, не приемлющей действия и политику властей. Однако отсутствие значимой силы социал-демократической ориентации не оставляет большей части “левых” реальной альтернативы поддержки “партии власти”.

3.6. Национал-патриотическая идеология и ее носители

Национал-патриотическая идеология занимает особое место в российском идейно-политическом спектре. Если 90-е годы прошли под знаком противостояния между «коммунистами» и «демократами», сменявшими друг друга у власти, то национал-патриоты в чистом виде так ни разу и не были у власти, а в борьбе «двух станов» занимали промежуточное место, иногда склоняясь к поддержке «демократов» (как в 1991 году), а иногда – к «коммунистам» - как в 1993 году. Именно в 1993 году национал-патриотическая идеология была по сути доминирующей во «Фронте национального спасения», наиболее решительно противостоявшем политике Б. Ельцина и его окружения. Однако на последующих выборах в Государственную Думу, вплоть до 2003 года, когда успеха добилась «Родина», большого успеха не добивались, если не считать результаты ЛДПР, партии, которую лишь с большой натяжкой можно отнести к национал-патриотической.

При этом содержательный смысл, который вкладывается в сегодняшний "русский национализм" чрезвычайно широк и многообразен, в его рамках существуют прямо противоположные тенденции и течения. Тем интереснее понять, какое же из многочисленных "русел" этого явления сегодня действительно растет и постепенно выдвигается на первый план. Национал-патриотическая идеология далеко не однородна. Обычно выделяют патриотов-государственников, среди них «белых» патриотов, сторонников дореволюционной имперской традиции, «красных» патриотов, сторонников советской имперской традиции, а также националистов, делающих акцент не на ценностях империи и великого государства, а на защите русских от представителей иных национальностей, как правило, мигрантов. Но сегодня обе эти группы в меньшинстве – а на передний план выходят “патриоты”, являющиеся сторонниками нынешних властей, патриоты, порожденные уже “путинским” средним классом. Но эти “патриоты” или “социал-патриоты” по сути ближе к “левым государственным”, они входят в состав “консенсусной идеологии”, и в этом разделе обсуждаться не будут.

«Русская» партия как некая неформальная общность, существовала и в коммунистические времена, занимая достаточно влиятельные позиции в коммунистическом истеблишменте. Сегодня государственно-имперская ветвь национал-патриотической идеологии в значительной степени «перешла на службу режиму», став важнейшей составной частью «путинской метаидеологии». Напротив, националистическая ветвь осталась одной из немногих идеологических

групп за пределами «путинской метаидеологии», что способствовало ее маргинализации и радикализации.

Оценки общего электорального объема национал-патриотической ниши носят достаточно противоречивый характер. С одной стороны, доля «мягких» националистов, продолжает постоянно возрастать. В еще большей степени это касается патриотическо-державной идеологии. С другой стороны, сторонниками «русских националистов, выступающих против наплыва в Россию приезжих из южных и юго-восточных регионов» называют себя 4,0% опрошенных россиян (май, 2006), а «сторонниками возрождения страны на основе православия и дореволюционных традиций» - 4,1%. Поэтому цифра в 8-10%, в целом характеризующая объем национал-патриотической ниши, нуждается в оговорке: речь идет только о протестной части национал-патриотической идеологии, сторонников которой полностью или частично не устраивает консенсус в рамках «путинской метаидеологии». Другая, большая часть патриотов, растворена во всех без исключения политических силах и идейно-политических направлениях.

На вопрос ВЦИОМ (июнь 2006), готовы ли Вы поддержать политиков патриотической ориентации, 44,1% опрошенных ответили утвердительно, а 33,6% отрицательно. Причем эти цифры не слишком сильно различаются в электоратах ведущих политических партий. Среди сторонников СПС поддержать политиков-патриотов готовы 41,5%% среди "яблочников" - 39,0%; среди голосовавших за "Родину" - 57,7%; за ЛДПР - 51,9%; за "Единую Россию" - 48,4%; за КПРФ - 52,5%. Проблема патриотизма сегодня реально не делит общество. В рамки «путинской метаидеологии» вошло и антизападничество, признание за Россией «своего, особого пути», в который верят более 70% россиян. За этой цифрой стоит, правда, скорее неприятие политики нынешнего Запада, особенно США, в отношении России, в большей степени, чем отрицание ценностей западной цивилизации. Исследование, проведенное ВЦИОМ в апреле 2006 г. в связи с состоявшимся «Русским национальным собором», на котором митрополитом Кириллом были поставлены принципиальные вопросы о соответствии «традиционных ценностей» ценностям западной цивилизации, не дало столь однозначного результата. Около 60% опрошенных россиян высказались в пользу западной концепции прав и свобод граждан как универсальной, вполне подходящей и для современной России.

Поколенческий анализ показывает, что среди молодой части населения национал-патриотическая, «русская» идеология является наиболее

привлекательной, «живой», по сравнению как с «левой», так и «либеральной». Так среди самой младшей из опрошенных групп - 16-17-летних, сторонники "самостоятельного русского пути" составляют 11,0%, за ними следуют "сторонники радикальных рыночных реформ" с 8,8%. В группе 18-20-летних также лидируют национально ориентированные сторонники русского пути - 11,0%, опережая сторонников рыночных реформ (9,7%).

Еще более отчетливая картина у тех, кому сегодня 26-30 лет. Там сторонники русского пути имеют 16,0%, а у рыночников - 7,3%. И хотя все приведенные цифры весьма невелики (во всех группах более 50% - неполитизированное большинство), обращает на себя внимание сама тенденция. Если в 90-е годы "национальная озабоченность" в основном принимала формы национал-традиционализма, и имела своих сторонников больше среди среднего и старшего поколений, непринимавших "ельцинско-гайдаровскую модернизацию", то в нынешнюю эпоху "русский путь" как идея в большей степени коррелирует с рыночными ценностями и поддерживается молодыми поколениями.

Так в исследовании ВЦИОМ (апрель, 2004) сторонники Союза правых сил продемонстрировали наибольшую национальную нетерпимость среди других ведущих электоральных групп. Те же исследования показали, что блок "Родина" в его первом варианте, активно продвигавший национальную идею, привлёк голоса значительной части тех, кто обычно голосовал за либеральные партии. Конечно, сказанное является сегодня только одной из тенденций. По-прежнему существует феномен национал-традиционализма, тесно коррелирующего с идеей социальной справедливости. Так в старшей возрастной группе (старше 65 лет), согласно данным ИКСИ РАН (2005 г.), доля сторонников русского пути еще выше, чем среди молодежи (15,1%), но все же уступает сторонникам коммунистической идеологии (21,5%). Просто дело в том, что старшее поколение вообще остается наиболее политизированным, а для малополитизированной молодежи, национальная идея является одной из немногих живых и привлекательных идей.

«Русский фактор» в массовом сознании имеет тенденцию к росту, но не в его наиболее радикальной форме. По сложившейся традиции к числу радикальных русских националистов социологи относят тех, кто разделяет идею «Россия должна быть государством русских людей». За последние семь лет доля сторонников этого лозунга не выросла, оставаясь на уровне 10-11%. Причем, учитывая «всплеск» радикального русского национализма в период 2001-2004 гг., когда доля радикальных «русистов» доходила до 17,1% (2004 г.), можно сделать

вывод, что в настоящее время ситуация в значительной степени стабилизировалась. Иное дело – нерадикальные формы массового сознания, в наилучшей степени отражаемые лозунгом «Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу страны». Доля сторонников этой идеи выросла с 19,9% в 1998 году до 29,5% в нынешнем. В равной степени сократилась и доля интернационалистов, которые считают, что «Россия – общий дом многих народов, оказывающих друг на друга влияние. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ». В 1998 году интернационалисты составляли 64,1% россиян, а ныне – всего лишь 50,8%.

Если «национал-государственническая» идеология принимается практически всеми значимыми группами общества – и социальными, и электоральными, то «русский национализм», делающий акцент скорее на «голос крови», этническую солидарность русских, напротив, встречает к себе и резко негативное, и резко позитивное отношение.

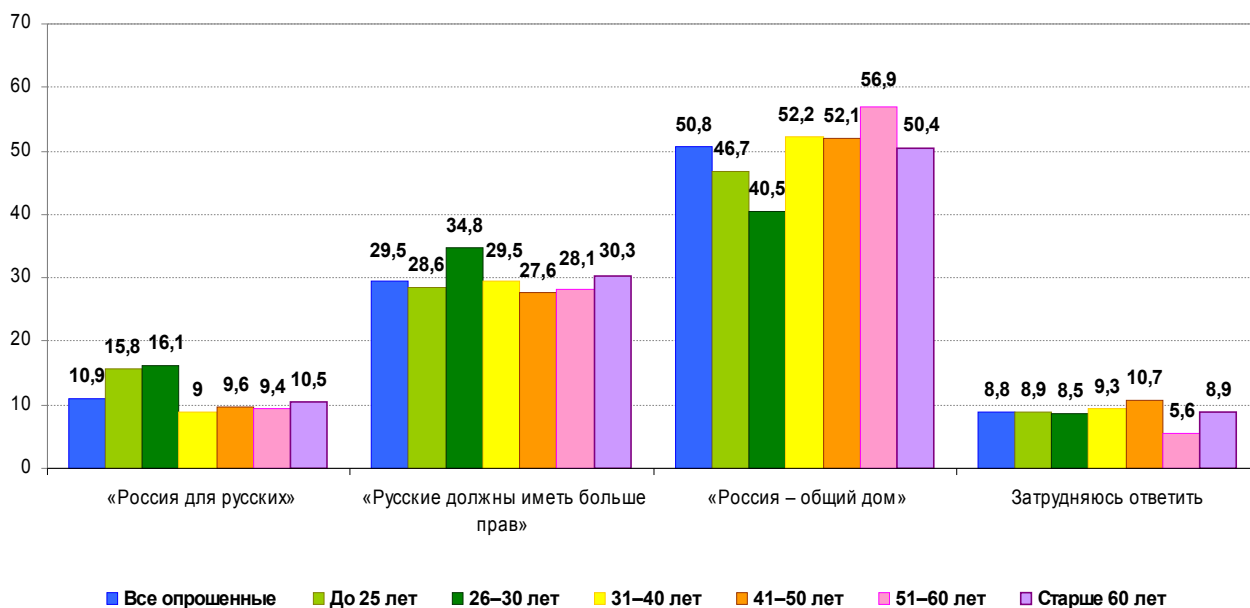
Не меньший интерес представляет и анализ отношения к идее «Россия для русских» среди различных возрастных групп (см. диаграммы 34-35). Из этих диаграмм видно, что в наибольшей степени лозунги национального радикализма разделяются молодежью до 30 лет, где число сторонников лозунга «Россия для русских» достигает 16%, а число «интернационалистов» ниже отметки 50%.

Проблема увлечения значительной части молодежи националистической идеологией не раз анализировалась социологами разных взглядов и ориентаций. По общему мнению, за этим феноменом стоят две разные, подчас внутренне противоречивые причины. С одной стороны, это часть молодежной субкультуры, стремление «быть крутым», выглядеть сильным и смелым среди своих сверстников.

С другой стороны, за этим увлечением может стоять ощущение своей социальной ущемленности, «обойденности», в условиях, когда представители нерусских диаспор демонстрируют свою жизненную хватку, поддерживают друг друга, захватывают важные сегменты рынка занятости.

Диаграмма 34

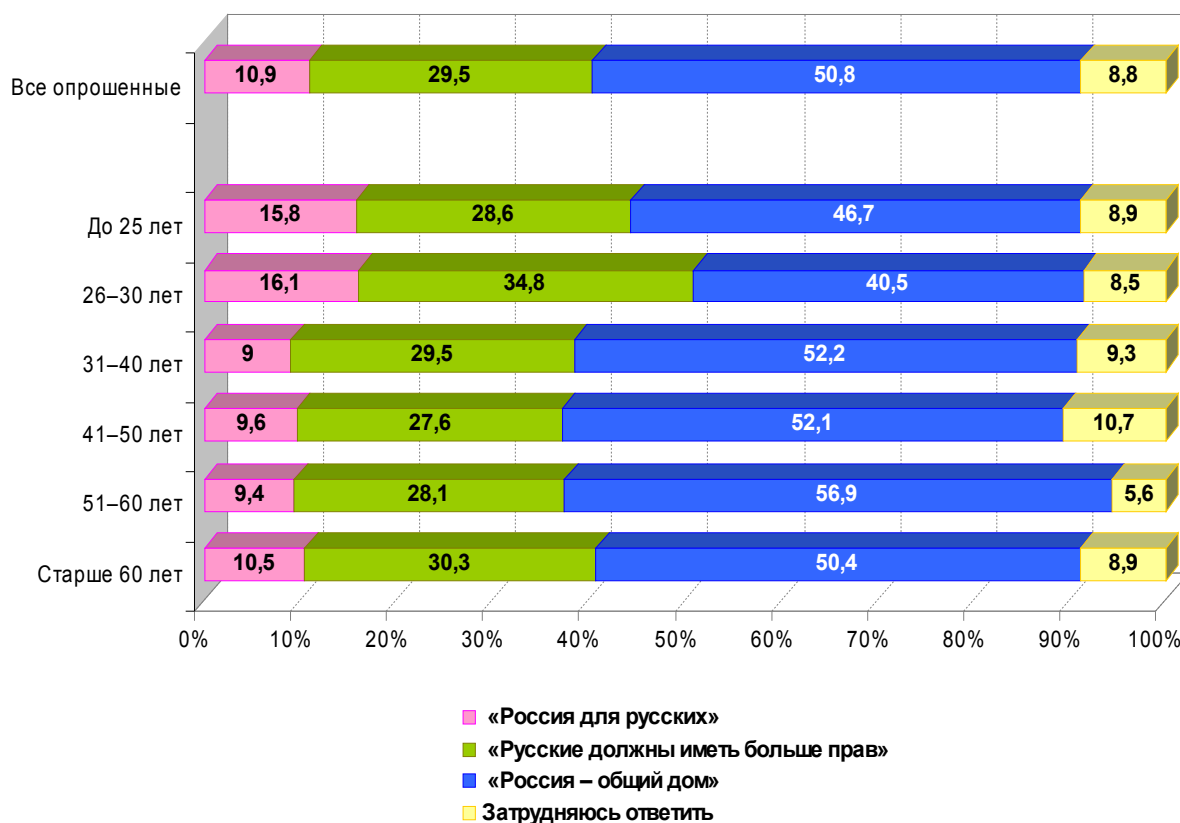
Отношение к характеру многонационального государства
(ИС РАН, 2007 г.)

Источник: ИС РАН, 2007 г.

Диаграмма 35

Отношение к характеру многонационального государства
(ИС РАН, 2007 г.)

Источник: ИС РАН, 2007 г.

Главная причина, лежащая за тенденциями роста русского национального самосознания, пусть преимущественно и в «мягкой» форме, на наш взгляд, состоит в том, что по сравнению с 1998 годом, в России значительные изменения претерпела социальная структура общества. Хотя общая имущественная и материальная дифференциация за этот период не только не сократилась, но и выросла, одновременно в России произошло формирование "нового" среднего класса, являющегося основой "путинского" идейно-политического консенсуса. И это обстоятельство привело к значительной "маргинализации" как идеи рыночного либерализма, так и коммунистической, противостояние которых определяло политическую динамику начала и середины 90-х годов. Идея рыночного либерализма и сегодня жестко привязана к наиболее преуспевшим слоям общества, которые, безусловно, выиграли от реформ 90-х годов. Идея социальной справедливости в ее коммунистическом варианте остается уделом социальных низов, а средним слоям общества ближе всего идеи "национального рынка", учитывающего специфику "русского пути". Если всего около 8% опрошенных, согласно исследования ИС РАН в 2005 году считали, что выиграли от проводившихся в России реформ, то среди сторонников радикальных рыночных реформ таковых было 36,0%, еще 21,1% среди них "и не выиграли, и не проиграли". А среди сторонников идеологии "русского пути" эти цифры составляли, соответственно, 6,3% и 25,4%, а среди сторонников коммунистической идеологии – 1,3% и 15,9%. Это типичная картина "постреволюционной России", связанная с завершением периода радикальных реформ и ломки социальной структуры. При этом "сторонники русского пути" занимают место посерединке, не являясь ни маргиналами, ни особо преуспевшими слоями населения. Аналогичная картина просматривается при анализе средних социальных статусов (самоопределение по 10-балльной шкале). Самый высокий статус у сторонников радикальных рыночных реформ (средняя величина 4,61), самый низкий – у сторонников коммунистической идеологии (3,36). А у сторонников "русского пути" – 4,10.

Отчетливо проявившийся, нарастающий интерес общества к "русской" теме, является некоторым фрагментом большого магистрального запроса, но лишь одной из его составных частей. Как показали проведенные нами исследования, "русская тема" - это "пакетная" ценность, которая воспринимается скорее дополнением к идее порядка, в том числе, социального порядка, а, будучи вынесенная "в первый ряд", способна отпугнуть значительную часть своих потенциальных сторонников. Именно поэтому число тех, кто считает патриотизм

наилучшей идеологией для новой России составляет 33%, а число тех, кто готов голосовать за "национал-патриотов" не превышает 4-5%.

К чему стремится сегодняшнее общество в национальном вопросе? Национальная озабоченность очень хорошо видна при исследовании на малых выборках, когда идет откровенный разговор: мол, русских дискриминируют, "чернота" заела. Но как только политик идентифицирует себя как русского националиста и под этим знаменем идет на трибуну, он сразу же оказывается в положении маргинала. Дело в том, что националистические ценности, это, ценности «второго эшелона». Они выступают на первый план на кухне и уходят на третий план на публичной трибуне. Национальные гарантии как бы встроены в социальные, это то, что входит в "пакет" ценностей социальной справедливости. Излишнее педалирование национального вопроса у многих вызывает опасение. Именно поэтому лишь около 7-8% россиян готовы проголосовать за политиков, которые национальную проблематику ставят на первое место. Радикальный русский национализм, несмотря на все его неприятные проявления, остается идеологией меньшинства, даже в наиболее расположенной для него молодежной среде. Политические движения и партии, которые получают «ярлык» националистов, не могут претендовать на политический успех. Национализм остается в нынешней России явлением «андерграунда», который распространен в «разговорах на кухне», но считается не вполне приличным на политической трибуне. Таким образом, проявляются как бы два параллельных процесса: одновременно повышение значимости этнического фактора ("голоса крови") и неприятие массовым сознанием радикального национализма. Так те же респонденты, которые утвердительно отвечали на вопрос, поставленный ВЦИОМ в 2005 году о необходимости ужесточения мер против мигрантов, подавляющим большинством готовы поддержать и ужесточение закона о разжигании межнациональной розни (69,2% - за; 17,7% - против). Безусловно негативное отношение демонстрирует общество и к пресловутым скинхэдам, 60,0% населения резко негативно к ним относится, а симпатизируют лишь 4,6%. Правда в самой младшей из опрошенных групп (до 20 лет) эта поддержка вдвое выше - 8,2%, но говорить о каких-то массовых настроениях в пользу этой группировки пока не приходится. Да и реально сталкиваться с радикальными русскими националистами мало кому доводилось. Лишь 5,7% опрошенных имеют знакомых, которых можно отнести к числу радикальных националистов или даже фашистов. Среди младшей

возрастной группы эта цифра, так же как и в предыдущем случае, больше примерно вдвое выше - 11,5%.

Как охарактеризовать тот тип национализма, который определяется идеей "Россия должна быть государством русских"? По мнению некоторых специалистов в области национального самосознания, идея империи является слишком сложной, выходящей за рамки жизненного опыта, имеющего дело с достаточно простыми и архаизированными социальными отношениями. Государство только на словах, на парадном уровне провозглашает ценность общности, на деле оно не в состоянии организовать общество, особенно на микроуровне. И национал-прагматизм выступает в качестве компенсационной квазиидеологии.

Что же касается нерадикальных форм русского национализма, то следует отметить, что его медленный, но неуклонный рост отражает общие тенденции формирования новой российской государственности. Нынешняя Россия находится в «дрейфе» от этапа «Советской империи» к национальному государству. Сохраняя черты империи, Россия все явственнее становится и национальным государством, имеющим свои национальные интересы и проводящим свою национальную политику. Это обстоятельство неизбежно накладывает новые обязательства и на национальное ядро России – русских по рождению, воспитанию, языку и культуре. «Русская идентичность» является потенциально мощным мобилизующим фактором, способным преодолеть рыхлость и атомизированность посткоммунистической России, сохранить ее историко-культурное своеобразие и выработать свой путь модернизации, адекватный ее истории и ментальности. В то же время «русский дрейф» неизбежно в качестве своей обратной стороны порождает эксцессы, связанные с национальным шовинизмом. Здесь представляется особенно большой роль русской интеллигенции, культурной и духовной элиты, чтобы пройти по тонкой грани, отделяющей «русский позитив» от «русского негатива».

Интересно, что ряд последних поисков современной националистической идеологии явно лежит в русле либерально-консервативного направления, а в качестве ее главной социальной опоры – тот же средний класс, образованных и состоятельных российских горожан. Как отмечает Петр Милосердов⁶³, “я утверждаю, что эта группа, которая может стать нашей опорой, которая может делом поддержать нас в нашей борьбе, сегодня существует. **И эту группу я называю «образованные горожане».** Эта среда сложилась за несколько

⁶³ Петр Милосердов. Русские горожане в поисках партии. М., 2008

последних лет в ряде городов-миллионников, и процесс ее формирования еще не завершен. Главные отличительные черты ее представителей - это самостоятельные, самодеятельные, ответственные, добившиеся всего в жизни своими трудом и смекалкой, не обязанные власти ничем. Сумевшие встать на ноги не благодаря власти, а, как правило, вопреки ей. Образованный горожанин - не иждивенец. И он ничем не обязан «государству РФ», которое ему только мешало и ничем никогда не помогло. Собственно говоря, эти люди сталкиваются с государством совсем нечасто. Если по телевизору идет официоз – переключают канал. Остановил на дороге гаишник – не глядя суют купюру. В государственный поликлиники-больницы даже и не ходят, предпочитая знакомых врачей. На выборы не ходят уж тем более. Говоря проще, эти люди стремятся минимизировать свое общение с государством, резонно полагая, что ничего хорошего от него ждать не приходится. Идентифицировать эту среду более точно – не представляется возможным, да и это и не нужно. В нее попадают как, например, 30-летний IT-менеджер, так и предпенсионного возраста врач частной клиники, главный критерий – **ответственность, самостоятельность и самодеятельность**”.

Среди тех, кто относит себя к “русским патриотам”, большая часть входит в состав нового идеологического “консенсуса” и в целом поддерживает “партию власти”. За пределами этого консенсуса располагается относительное меньшинство “национал-патриотов”, выступающих с жесткой критикой властей, в основном в национальном вопросе. Однако объем этой “национал-патриотической ниши” не слишком велик.

4. Базовые ценности основных идейно-мировоззренческих групп общества и их содержательное наполнение

4.1. Социальная справедливость в понимании основных идейно-мировоззренческих групп

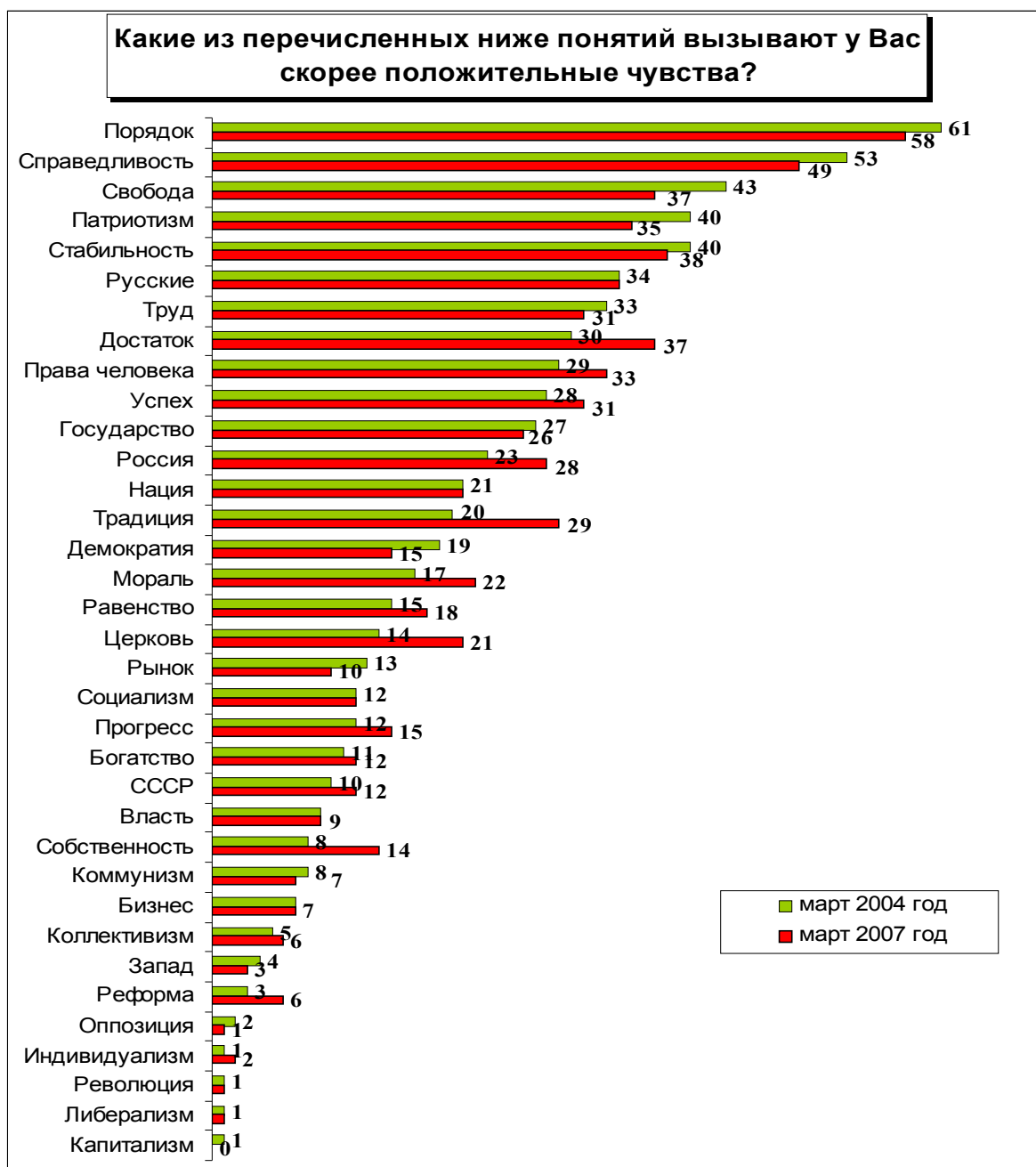
Ориентация практически всех групп общества на триаду базовых понятий, таких как справедливость, порядок и свобода, определяет общественный “мейнстрим” путинской России, связанный с выравниванием социальной структуры общества и его ценностных ориентаций. Это отчетливо проявилось в исследованиях ВЦИОМ 2004–2007 гг., в ходе которых респондентам предлагалось высказать свое отношение к понятиям и терминам, представляющим собой ценностную палитру современной российской жизни.

Среди понятий, вызывающих наиболее позитивные чувства, как видно из нижеприведенных данных, лидируют порядок (58%), справедливость (49%), стабильность (38%), свобода и достаток (по 37%). Причем, за последние 3 года заметно актуализировалось понятие «достаток» и, напротив, сократилось число тех, кто называл «свободу».

Это еще раз подтверждает тот очевидный факт, что россияне мыслят не доктринально, что они рассматривают понятия свободы, материальной обеспеченности, справедливости и порядка не как бинарные конфликтующие оппозиции, а как ценности, в равной степени необходимые для нормальной жизни страны и каждого отдельного человека (см. диаграмму 36).

Диаграмма 36

Отношение к некоторым базовым ценностям и понятиям

Источник: Мониторинговые исследования ВЦИОМ 2004-2007 г.г.

Как видно из вышеприведенных данных, наибольшее отторжение вызвали такие понятия, как «либерализм» и «капитализм»⁶⁴. И это понятно, поскольку за этими короткими словами стоит не только своя традиция, но и реализованный в той или иной степени социальный проект. При этом россияне не имеют ничего против, например, рыночной экономики и демократии, но их категорически не

⁶⁴ В. Петухов. Динамика мировоззренческих и идеологических установок россиян. Мониторинг общественного мнения, № 1, 2008.

устроивала и не устраивает «российская версия» капитализма. Впрочем, прохладное отношение многие россияне демонстрируют и к знаковым понятиям «левой идеи» («СССР», «коммунизм», «революция» и т.д.), что свидетельствует о том, что и опыт «построения социализма» в России видится отнюдь не в ностальгических тонах. Этот исторический спор о преимуществах или пороках указанных социальных проектов, по всей видимости, еще долго будет определять политическую жизнь страны. Хотя надо признать, что молодое поколение россиян этот спор интересует гораздо меньше. И уже в силу этого он теряет былую остроту и становится менее конфронтационным.

Что же касается понятий, которые в наибольшей степени «ласкают» слух россиян, то, как отмечает В. Петухов⁶⁵, «в том, что это именно «порядок», «справедливость», «стабильность», «свобода», «достаток», во-первых, нет ничего экстраординарного, а во вторых, специфически российского. Это ценностная палитра, которая определяет приоритеты любого демократически организованного общества. В то же время в интерпретации некоторых важных понятий и идеологией нашими согражданами, есть, безусловно, определенная специфика, связанная с особенностями жизни страны последних пятнадцати-двадцати лет. Многозначным и многоаспектным является отношение наших сограждан к понятию **справедливость**. Эмпирические исследования не подтверждают еще одну распространенную точку зрения, согласно которой российский менталитет отличается склонностью к уравнительности, а россияне только и мечтают о том, чтобы «все отнять и поделить». На самом деле количественное соотношение между сторонниками социальной справедливости как равенства стартовых возможностей, равенства всех граждан перед законом и – как «уравниловки» примерно такое же, как между сторонниками свободы и – материальной обеспеченности; это соотношение варьируется в диапазоне 3:2 и 2:1». (см. диаграмму 37).

⁶⁵ В. Петухов. Динамика мировоззренческих и идеологических установок россиян. Мониторинг общественного мнения, № 1, 2008.

Диаграмма 37
В чем, на Ваш взгляд, состоит социальная справедливость? (%)

Источник: ВЦИОМ. 2006 г.

Но для обеспечения этого равенства необходима сильная дееспособная власть, и, именно поэтому россияне рассматривают социальную справедливость в связке с сильным государством, социальным порядком, национальными интересами, и в гораздо меньшей степени с развитием демократии, солидарности и свободы. В первую очередь, это происходит из-за того, что россияне хорошо помнят, чем закончился «уход», а иногда и бегство государства из социальной сферы в 90-е годы. В этом плане им крайне важной представляется проблема, которая многим кажется неразрешимой — как соединить идеи демократии, свободы, справедливости с идеей государственности, а ее, в свою очередь, трансформировать в эффективную дееспособную власть. Именно этим обусловлен высокий уровень поддержки ныне действующего президента, который долгое время рассматривался населением как олицетворение «хорошего государства», которое вместе с обществом противостоит «плохой власти» и, прежде всего, ненавистному во все времена чиновничеству. Другой, не менее важной, причиной указанной «связки» является крайняя слабость и еще большая неэффективность (даже по сравнению с государственными институтами) того, что принято называть структурами гражданского общества — партий, профсоюзов, общественных объединений и т.п. (см. диаграмму 38).

Диаграмма 38

**Если развивать идею социальной справедливости,
то какой из двух следующих вариантов Вам ближе? (в %)**

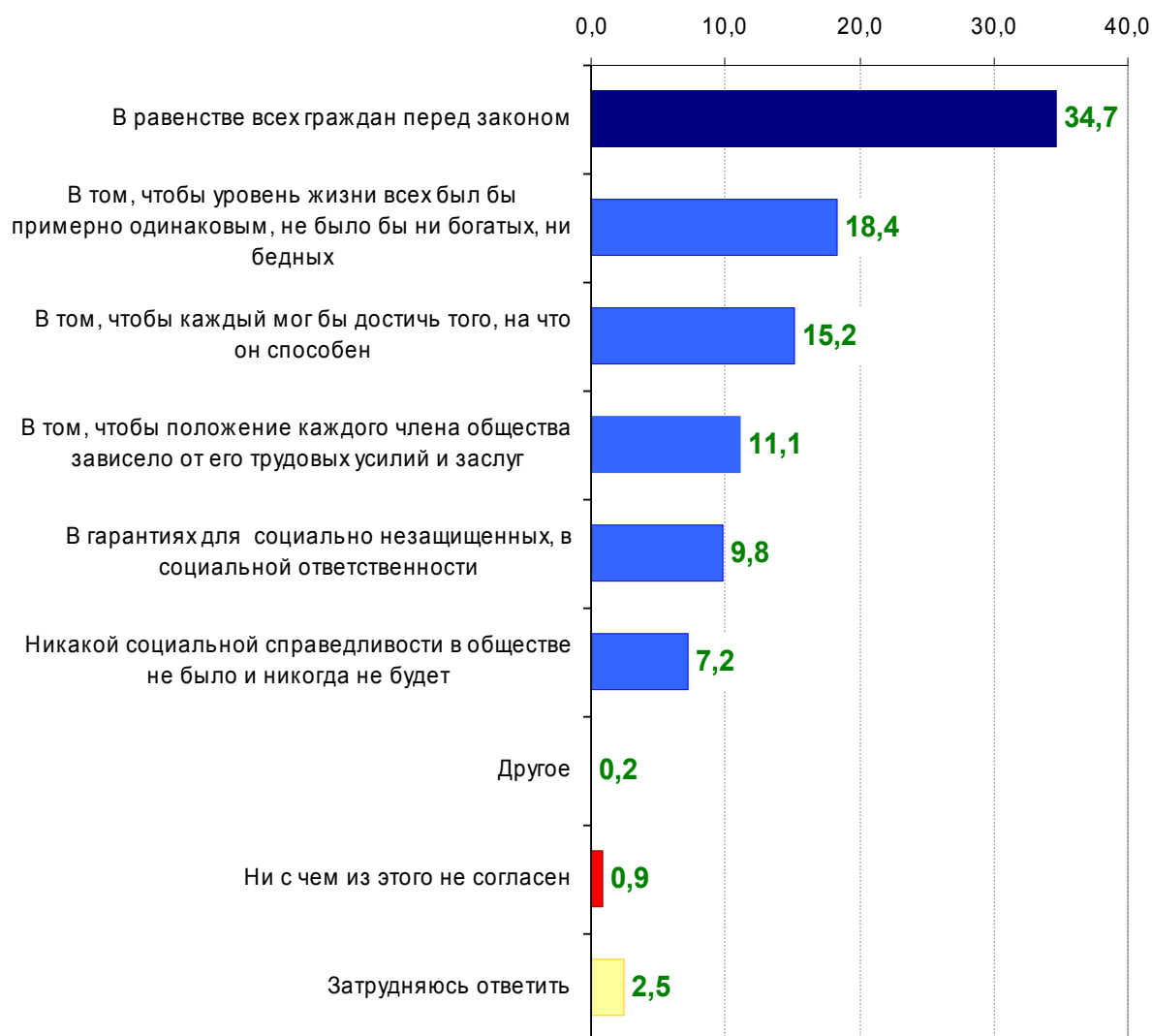

Источник: ВЦИОМ, 2007 г.

Аналогичные выводы можно сделать и при анализе следующей таблицы. Как следует из нее, 34,7% россиян понимают справедливость как, в первую очередь, равенство всех перед законом. И эта цифра воспроизводится с небольшими колебаниями во всех группах, выделенных по идейно-мировоззренческому признаку. Второе по популярности понимание социальной справедливости (18,4%) как примерно одинаковый образ жизни, отсутствие как богатых, так и бедных – больше характерен для части сторонников коммунистической идеологии (28%), и в меньшей степени для либералов (8%). 15,2% опрошенных понимают социальную справедливость как равенство возможностей, чтобы каждый мог достичь того, на что способен, эта точка зрения в наибольшей степени характерна для либералов (33%), где даже превосходит по числу сторонников равенство перед законом (31%). 9,8% опрошенных видят в социальной справедливости социальные гарантии, льготы для неимущих слоев общества, 11,1% – в том, чтобы благосостояние каждого зависело только от его трудовых усилий и заслуг перед обществом, а 7,2% россиян вообще не верят в то, что социальная справедливость может быть реализована в нашей стране в какой-либо форме (см. диаграмму 39 и таблицу 43).

Диаграмма 39

Сейчас много говорят о необходимости социальной справедливости, но понимают ее по-разному. В чем, по Вашему мнению, состоит социальная справедливость?
(закрытый вопрос, один ответ)

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Таблица 43

**Понимание социальной справедливости с разбивкой по идейным сегментам
русского общества, %**

Сейчас много говорят о необходимости социальной справедливости, но понимают ее по-разному. В чем, по Вашему мнению, состоит социальная справедливость?	Всего	Коммунисты	Некоммунистические левые	Национал-патриоты	Либералы, правозащитники	государственникиЛиберальные
В равенстве всех граждан перед законом	34,7	38	33	31	31	35
В том, чтобы уровень жизни всех был бы примерно одинаковым, не было бы ни богатых, ни бедных	18,4	28	15	14	8	13
В том, чтобы каждый мог бы достичь того, на что способен	15,2	8	15	19	33	21
В гарантиях для социально незащищенных, в социальной ответственности	9,8	6	14	12	10	11
В том, чтобы положение каждого члена общества зависело от его трудовых усилий и заслуг	11,1	10	12	11	13	14
Никакой социальной справедливости в обществе не было и никогда не будет	7,2	7	8	11	6	4
Ни с чем из этого не согласен	0,9	1	0	2		0
Затрудняюсь ответить	2,5	2	3	2		1
Затрудняюсь ответить	5,2	38	33		31	

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Согласно следующей таблице, для современных россиян социальная справедливость существенно важнее, чем свобода личности (58,3% против 28,7%. Особенно ценится социальная справедливость среди сторонников коммунистической идеологии (72% против 17%), и лишь в группе либералов и правозащитников соотношение в пользу личной свободы (54% против 42%) (см. таблицу 44).

Таблица 44

Соотношение ценностей свободы и социальной справедливости в различных идейных сегментах российского общества, %

Какое из этих двух утверждений больше соответствует Вашему мнению?	Всего	Коммунисты	Некоммунистические левые	Национал-патриоты	Либералы, правозащитники	государственникиЛиберальные
Важнее свобода личности	28,7	17	22	35	54	41
Важнее социальная справедливость	58,3	72	66	49	42	50
Не согласен ни с одним из этих утверждений	7,8	7	8	11	4	5

Источник: ВЦИОМ, 2008

Более детальное отношение к понятию социальной справедливости и другим базовым ценностям современных россиян было исследовано с помощью качественного исследования методом фокус-групп.

КОММУНИСТЫ

Социальная справедливость: социальное равенство, социальная защищенность населения, бесплатное образование, здравоохранение, право на труд, достойные зарплаты, пенсии, чтобы не было такого большого разрыв между бедными и богатыми.

Но и равенство всех перед законом, равенство прав, как итог – социально ориентированное государство.

Но решительного требования возврата к социализму нет, причина – понимание того, что это невозможно. Социальная справедливость как материальное равенство людей высказано только одним респондентом: «чтобы было, как при коммунистах, все равны».

Общее для всех фокус-групп: «Лозунг «взять и поделить» не популярен нигде, в том числе и у коммунистов, «уравниловки» никто не требует.

Иногда говорят только о том, чтобы справедливо распределялись природные богатства, «почему их себе присвоили олигархи».

Вспоминают тезис: «От каждого по способностям, каждому – по труду».

Москва

«Достойные пенсии, хотелось бы бесплатное образование, бесплатную медицину, какие-то социальные пакеты, обязательно, и для работающих и пенсионеров!» (женщина, 49 лет).

«В первую очередь, **создание социального государства** – это высокое положение семейным, религиозным ценностям! Считаю, что рыночная экономика в России находится в нормальном русле развития! Надо заимствовать все хорошее с Востока! Я считаю, что в Индии и Китае есть много хорошего! Мы не совсем Западное государство! И если у всех будем перенимать лучшее в зависимости от ситуации, то в конечном итоге в сознании людей изменится, так сказать, экономическая составляющая! (мужчина, 23 года).

«Социальная справедливость – это равенство всех перед законом, прежде всего, так как закон сейчас один - для одних, и другой - для других!» (мужчина, 40 лет).

«Социальная защищенность – это право на труд, равенство перед законом, защиту! (женщина, 36 лет).

«Очень важно уравнивание социальных статусов, чтобы не было огромного разлома между бедными и богатыми! Чтобы к человеку относились, как к человеку! Все права, социальные пакеты! (женщина, 18 лет).

«Под принципами социальной справедливости я понимаю защиту человека от всех невзгод, это и обеспечение старости, право на труд, остальное не буду говорить, чтобы не повторяться! Этот щит, который необходим каждому человеку, вот это и есть социальная справедливость! (мужчина, 53 года).

Новосибирск

«А я считаю, что надо справедливое распределение национального богатства. Чтобы и Абрамовичи и прочие там не будем, называть фамилии все их знают. Покупали себе яхты, самолёты скупали дома за границей. На каком основании все эти нефтяные и прочие железные алюминиевые магнаты захватили всё национальное богатство. Они создавали, строили эти заводы, они эту руду добывали, они открывали эти нефти запасы. Они палец о палец не ударили. Понятия не имеют. И всё захватили себе. А те, кто создавал именно всё это, кто на севере эту же нефть искал, открывал эти скважины, кто работал на металлургических заводах, все оказались не при чем» (мужчина, 70 лет)

«А я понимаю под социальной справедливостью, то чтобы всем было доступно: бесплатное образование, бесплатная медицина, нормальная жизнь каждому кто работает заработная плата. И хорошая достойная пенсия для пенсионеров. Вот правильно сказал, кто строил эти вышки нефтяные, кто строил железные дороги, кто поднимал целину. Мы. Но нас сейчас стараются уничтожить» (мужчина, 73 года).

Ростов-на-Дону

«На мой взгляд, социальная справедливость – это равный доступ к правам и несение равных обязанностей всеми гражданами России без установления какого-либо ценза явного или скрытого. (женщина, 25 лет)

«Я бы сформулировал социальную справедливость как равенство прав, обязанностей и возможностей всех граждан, а также материальная помощь государства своим необеспеченным гражданам. Вот это и есть социальная справедливость» (мужчина, 25 лет)

«Я считаю, что социальная справедливость – это такое положение вещей, когда человек адекватно может получать какие-то моральные и материальные блага адекватно своему труду и своим способностям. И чтобы при этом у человека еще присутствовала уверенность в завтрашнем дне» (Женщина, 46 лет)

Тюмень

«Для меня прежде всего социальная справедливость это, когда соблюдается равенство граждан как в материальном плане, так и в духовном. Т.е. прежде всего то, что было при коммунистах все равны» (мужчина, 23 года).

«Социальная справедливость – это соблюдение прав всех граждан страны, которые имеют право на как на образование, так и на медицинское обслуживание, на право передвижения по стране и те тарифы которые сейчас существуют приводят некоторых граждан в затруднительное положение» (мужчина, 21 год)

ЛЕВЫЕ, НО НЕ КОММУНИСТЫ

Социальная справедливость: социальное равенство, бесплатное образование, здравоохранение, право на труд, достойные зарплаты, пенсии,

социальная защита населения, чтобы не было такого большого разрыв между бедными и богатыми.

Нет уравниловке, но равные права и возможности для достойной жизни для всех (это фактически у всех групп, не только у коммунистов и др. левых).

Но и равенство всех перед законом, равенство прав, строгое выполнение законов, как итог – социально ориентированное государство. Но требования возврата к социализму нет, причина – понимание того, что это невозможно.

Лозунг «взять и поделить» не популярен. Иногда говорят только о том, чтобы справедливо распределялись природные богатства, «почему их себе присвоили олигархи».

Некоторые выступают за бесплатное образование и здравоохранение, как при социализме

Отличное, новые нотки – что даже богатые нуждаются в защите от нападков власти.

Москва

«Поддержка населения! Возможность медицинского обеспечения, возможность получения хорошего образования, чтобы потом человек мог найти себе хорошую работу! Вообще, равные права в обществе, чтобы реализовать себя в жизни – это есть социальная справедливость!» (мужчина, 42 года).

«Я считаю, что социальная справедливость – **поддержка малоимущих**, прежде всего, поскольку именно они нуждаются в помощи!» (женщина, 41 год)

«Я понимаю социальную справедливость как равные права, равная ответственность у всех граждан! **Нужно защищать средний класс, даже богатые нуждаются в этой социальной защите, например, от нападков власти!** Так далее и тому подобное! Социальная справедливость – равенство людей в правах, в возможностях, обязанностях, ответственности!» (мужчина, 20 лет)

Новосибирск

«Я согласна с тем, что, сколько заработал, столько получил. Потому что у меня была масса таких ситуаций, когда я делала больше, а оценивали меньше. Я вообще борец за справедливость» (женщина, 22 года).

«Социальная справедливость – это когда по справедливости, чтобы нам, например, давали работать, пока мы молодые, получать за это соответствующую плату. Очень много законов не соблюдается. Как у нас защищены дети, это 84 рубля в месяц пособия» (женщина, 34 года).

Ростов-на-Дону

«Очень бы хотелось вернуть право на бесплатное оздоровление и бесплатное обучение. И вот те девочки, которые сейчас сидят в декрете и получают по 70 рублей, а государство громко хлопает в ладоши и кричит – мы вам за второго дадим по двести – ну, это не правильно! От обещаний пора перейти к делу!» (женщина, 47 лет)

«Для меня социальная справедливость – это равные права для всех граждан: право на труд, на обучение, на медицинскую помощь. И важно очень – несмотря на материальное положение человека, это равная ответственность перед законом» (женщина, 60 лет)

«В моем понимании социальная справедливость, которая у нас есть – то есть те законы, которые у нас есть – они не такие плохие, но они и не выполняются! То есть, от того, что есть возможность дать взятку, перекупить, что есть двойная мораль – именно от этого страдает социальная справедливость. Будут выполняться существующие законы – будет больше справедливости» (мужчина, 40 лет)

Тюмень

«Социальная справедливость – это когда социальные блага в обществе распределяются поровну, каждому человеку воздастся за его дела» (мужчина, 20 лет).

«Я считаю, что социальная справедливость – это денежная помощь различным социальным группам – старикам, детям. Помощь в зависимости от того, сколько социальной группе нужно денег, помощь различная. Нужно правильно распределять это» (мужчина, 20 лет)

«Социальная справедливость – это когда разные социальные группы и слои имеют равные возможности и средства существования. Т.е. чтобы они могли достойно жить хотя бы, вот это социальная справедливость» (мужчина, 25 лет).

«Это равные возможности для всех людей. Не важно – в богатой семье родился одаренный ребенок или в бедной – он должен найти возможность развивать свои способности. Если есть какие-то задатки, ему нужно помочь, не смотря на то, в каком состоянии находится семейный бюджет» (женщина, 29 лет).

ПАТРИОТЫ

Социальная справедливость: Существенной разницы от коммунистов и др. левых нет, но немного говорят о социальной справедливости и в аспекте развития среднего класса.

Защита социально незащищенных слоев. Равенство всех перед законом, строгое выполнение законов. Доступное образование, медобслуживание, жилье для всех. Чтобы права, гарантированные конституцией, реализовывались для всех, а не для избранных.

Справедливое распределение природных ресурсов, как и у коммунистов. Против сильного расслоения на богатых и бедных. Социальные блага должны быть доступны для всех.

Предоставление всем равных возможностей для получения образования, мед. обслуживания и пр.

Новое – необходимость развития среднего класса, некоторые респонденты - о необходимости активной жизненной позиции, против зависти.

Москва

«Социальная справедливость – это, чтобы возможности у всех людей были равными» (мужчина, 42 года).

«Социальная справедливость, ну, я думаю, что **это поддержка наиболее незащищенных слоев населения:** стариков, детей, бюджетников: учителей, медицинских работников я уже не могу назвать, потому что поддерживать их не хочу (мужчина, 48 лет)

«Я считаю, что социальная справедливость – это и выплаты и доступное образование для всех, это и пенсии, заработные платы. Чтобы все могли получить медицинское обслуживание достойное и образование. Чтобы не было расслоения: один получает, а другой нет. Доступное жилье. Чтоб все могли отдыхать, право на отдых было (женщина, 34 года)

«Это когда ресурсы распределяются наиболее равномерно. Вот сказали, у нас очень узкая группа лиц владеет всей страной и ворошит деньгами всей страны, а остальные все в нищете живут – большая часть России» (мужчина, 26 лет)

«Я считаю, что если говорить о социальной справедливости, то нужно сократить очень сильно расслоение в обществе, которое сейчас существует, т.е. **чтобы был надежный, крепкий средний класс»** (девушка, 21 год).

Новосибирск

«Социальная справедливость, я считаю, это когда полностью выполняется ГЗОТ, то есть УК и Конституция выполняется. Это тогда называется социальная справедливость. А у нас это, и конституция не выполняется, и ГЗОТ не выполняется, в данный момент, и УК не все выполняется. Вот у кого много денег в кармане, вот того, была даже передача, сказали, что посадить невозможно, откупится. Как говорят: «Если нельзя купить за малые деньги, можно купить за большие. Если за большие нельзя, то можно за очень большие». То есть у нас такой период сейчас, где все можно купить, сами знаете, и заводы, все у нас уже продано. Везде общества с ограниченной ответственностью, все. Государственное только осталось что – железная дорога» (мужчина, 53 года)

«Я понимаю соблюдение прав и предоставление всем равных возможностей на начальном этапе. Многие говорят, вот богатый он, богатый, а с другой стороны, так он рос так же, так же учился. У него есть голова на плечах, а у тебя нет. Но возможности у всех одинаковые были. Кто-то работал, работал, работал, заработал, создал свою фирму и сейчас ни в чем не нуждается, а тот, у кого меньше, он на него смотрит: «вот, зажрался». Тоже, с одной стороны понятно, жалко того человека, там высшее образование у него, а с другой стороны, у них у всех были равные возможности. Но почему-то первый воспользовался, а другой нет» (мужчина, 24 года).

Ростов-на-Дону

«Я считаю, что под социальной справедливостью, действительно, чтобы все права человека соблюдались, а во-вторых, чтобы жизнь была не ниже прожиточного минимума, у основной массы населения. То есть, чтобы не картошка была с хлебом и с водой, а минимум удовлетворялся» (женщина, 34 года)

«Социальная справедливость для меня это, прежде всего, равные возможности в таких сферах, как медицина, образование. Социальная справедливость это также – вот, сейчас много говорят – рабочие, а у нас есть многочисленные слои населения, которые не могут работать – это инвалиды, это пенсионеры, это дети. И здесь государство должно очень четко отслеживать и давать им возможность – не просто выжить, а достойно жить. Это первое. А

насчет того чтобы отнять у кого-то – я считаю, что если у нас будут одинаковые возможности, и если человек работает и хорошо получает, это вовсе не значит, что у него должны забрать» (женщина, 52 года)

Тюмень

«Социальная справедливость **это социальное обеспечение**. Это достойная зарплата, достойный быт, здравоохранение, учеба, ну полностью, как говорится, мы же живем не на необитаемом острове. Для детей малых доступное место в детском саду. Ну, как говорится, чтобы мы не боялись за завтрашний день. Мамы рожали детей, чтобы не боялась она, что пройдет время и как она будет с ними. Чтобы она была полностью уверена в себе и в детях. Что как говорится работа работой, учеба учебой, отдых отдыхом» (женщина, 55 лет)

«Я считаю, социальная справедливость – это когда каждый человек может себе позволить и в институт устроится, и лечение себе какое-то, допустим операцию какую-то сделать, а не только наши бизнесмены, любой рабочий тоже мог себе позволить. Ну, потребности тоже, вот сейчас еда дорожает, чтобы каждый мог себе позволить» (мужчина, 19 лет)

«Я, пожалуй, соглашусь с мнением, что социальная справедливость – **это доступ общий к социальным благам всех членов общества**, что он должен быть равным» (женщина, 18 лет).

ПРАВЫЕ

Социальная справедливость: в этой фокус-группе также сильна идея о социально ориентированном государстве и социальной защите населения, против сильного социального расслоения.

Но специфика все же просматривается: несколько больший акцент на политическую сферу – справедливость выборов, справедливость судебной системы, гарантия конституционных прав граждан; несколько чаще о социальной справедливости как обществе равных возможностей. Также активность человека, равенство всех перед законом, необходимость развития среднего класса, малого бизнеса.

Иногда высказываются мысли о том, что необходима защита прав всех: и бедных и богатых в общем правовом поле.

Иногда – социальная справедливость в рамках демократического государства. Но чисто «правых», рыночных идей нет.

Москва

«Социальная справедливость, прежде всего, начинается с честных выборов, тогда будет справедливость! Соответственно, чтобы к народу нормально относились, чтобы не было такого раздела: олигархи и просто бедные!» (мужчина, 38 лет)

«Чтобы в **судебной системе** было, ну, чтобы все были равны перед законом, не важно олигарх ты или обычный человек!» (женщина, 40 лет).

«Именно равенство всех прав и возможностей для любого человека в нашем обществе, причем социально защищенные слои тоже, тем не менее каждый человек должен быть уверен в своих правах, то есть, если обратился, то получил, так как ему положено, а не унижаться как сейчас старики или многодетные! До принципов справедливости нам еще далеко, а говорить об этом можно долго! (женщина, 51 год)

«Для меня это гарантия прав, не на бумаге, а реальные гарантии! Если, например, у меня есть право на жилье, то надо, чтобы у меня была реальная возможность нанять его или приобрести! Пусть это не будет не «на блюдце с голубой каемочкой», но, чтобы было это реально! Если есть у меня право на свободу передвижения, то я должен свободно передвигаться, хотя бы по своей стране, по любому городу!» (мужчина, 26 лет).

Новосибирск

«Для меня социальная справедливость это равенство всех перед законом, не зависимо от положения в обществе» (мужчина, 34 года).

«Социальная защищенность различных слоев общества у молодежи должно быть право на труд и хорошую зарплату, у пенсионеров достойная пенсия, они отдали все годы свои, неважно какому строю, они отдали государству. **У среднего класса возможность работать и содержать свои семьи**, то есть, то вот если это мы сумеем выровнять, то это будет социальной справедливостью» (женщина, 56 лет)

Ростов-на-Дону

«Ну, это то, что не нами уже сформулировано, наверное: **это общество равных возможностей**. У каждого должна быть возможность получить образование, медицину. Я имею в виду – на доступном уровне. И если человек имеет способности, у него должны быть возможности и управлять государством,

ну, в общем, общество должно быть менее структурированным сейчас. Должна быть возможность социальной ротации» (женщина 49 лет).

«Социальная защита она необходима практически для всех. Не только для малоимущих, но и для обеспеченных людей. Это гарантированное обеспечение при потере трудоспособности, лечение должно быть доступно на хорошем уровне. Социальный вопрос – это один из самых главных вопросов» (мужчина, 50 лет)

«Социальная защита это, прежде всего, равные возможности. Возможность учиться, возможность получать квалифицированную социальную помощь, начать свое дело» (женщина, 38 лет).

«Ну, в принципе, мы строим сейчас демократическое государство, и много сейчас **очень говорится о социальной справедливости, она является неотъемлемой частью демократического государства.** Но в данный момент наша социальная политика оставляет желать лучшего» (женщина, 47 лет).

«Социальная справедливость это обеспечение социальных прав, в рамках конституции, хотя бы. То, чего у нас нет, к сожалению» (женщина, 56 лет)

Тюмень

«Социальную справедливость я понимаю как доступность, возможность, права, обязанности, защиту незащищенных слоев населения или простых, рядовых граждан. Люди должны понимать свои права, знать свои обязанности, а государство должно обеспечивать реализацию всех этих прав (мужчина, 21 год).

«Необходимо развитие малого бизнеса, чтобы человек выкладывался на столько, на сколько может. В данном случае должны быть защищены обездоленные и неимущее слои населения, брошенные дети, пенсионеры и инвалиды (женщина, 44 года).

ПРАВЫЕ ГОСУДАРСТВЕННИКИ (ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННИКИ)

Социальная справедливость: резких отличий от других нет, так же идея о социально ориентированном государстве и социальной защите населения (социальная защищенность), против сильного социального расслоения.

Социальная справедливость как равенство всех перед законом и обеспечение всех равными возможностями. Должен работать социальный лифт, дающий возможность подниматься вверх, равенство возможностей.

Социальная справедливость как отсутствие пропасти между бедными и богатыми, против такого сильного социального расслоения, как у нас, – обычная идея доля всех фокус-групп.

Критика: у нас свободой обладают только богатые, они могут реализовать свою свободу.

Вспоминают тезис: «От каждого по способностям, каждому – по труду».

Москва

«Я считаю, что это значит, что закон – один для всех. **В демократическом государстве, если закон будет един, если будет возможность применять его даже к президенту, то тогда можно говорить о социальной справедливости.** У нас же могущественны те, кто имеет деньги или власть, они могут уйти от ответа» (женщина, 32 года).

«Я считаю, что если человек больше работает, чем другие, то он должен и больше зарабатывать. Если всех приравнять, зачем тогда одному гробить свое здоровье, а другому – жить и получать одинаковые деньги? (мужчина, 26 лет)

«Для меня социальная справедливость – это зависимость от закона власть. Не должно быть так, что человек пересекает две сплошные линии, и ему ничего за это не бывает. Закон один для всех, суд не должен смотреть на статус» (мужчина, 45 лет).

Новосибирск

«Чтоб законы для всех были писаны и мы их исполняли. Чтобы не было для каких-то категорий людей каких-то лазеек» (мужчина, 32 года).

«Я считаю, что общество, в котором есть социальная справедливость, там доходы **между доходами богатых и бедных отличаются не так значительно**, как в нашей стране, поэтому у нас как таковой социальной справедливости нет. Слишком много у нас очень бедных, слишком много очень богатых» (мужчина, 60 лет).

«Мне кажется, что социальная справедливость, **это когда человек социально защищён**» (женщина, 35 лет).

Ростов-на-Дону

«Социальная справедливость – чтобы был достойный прожиточный минимум, чтобы хватало людям на достойную жизнь. Сейчас стабильности

нету, у нас один богатый, другой бедный, а третий вообще на улице находится. Уравниловки здесь точно нет никакой, ее не сделаешь, а если и сделаешь, то чтобы были небедные и небогатые, а середина где-то» (мужчина, 27 лет).

«Под социальной справедливостью я понимаю равенство возможностей при рождении, то есть человек должен иметь воспитание в детстве и образование, и **чтобы работал социальный лифт, чтобы лучшие поднимались наверх**, а те, которые родились несчастными калеками, чтобы о них заботилось общество. Вот это я понимаю как справедливость» (женщина, 65 лет).

«У меня ассоциация со справедливостью – **защищенность, социальная защищенность**. Я считаю, что человек, который имеет личный вклад в производство, в науку, оцениваться должны его заслуги, равенство здесь совершенно не приемлемо» (женщина, 48 лет)

«**С моей точки зрения, социальная справедливость: это с каждого – по способностям, каждому – по труду**. То есть от того, насколько человек будет трудолюбивым, зависит его будущее. И, конечно, нельзя не сказать о том, чтобы необходимо на уровне государства поддерживать и стариков наших, пенсионеров, я их не считаю стариками, и конечно, молодых мам, молодые семьи» (женщина, 40 лет)

Тюмень

«Под социальной справедливостью я, прежде всего, понимаю что, государство обязано **предоставить всем гражданам равные возможности в работе, в карьере**, ну и во всех остальных как говорится жизненных ситуациях. Но мне кажется, в данный момент пока это далеко от идеала, начиная с первых шагов с приватизации, которая, все мы знаем, далека была от справедливости, что те, кто находился в данный момент у кормушки, те все и поделили между собой» (мужчина, 41 год).

«Социальная справедливость это, наверное, то, что **государство должно заботиться о своих гражданах**, давать страховые полюса, чтобы люди могли лечиться, отдыхать. Это обучение» (женщина, 44 года).

«Социальная справедливость, я думаю, что государство должно помогать населению, государство должно способствовать, давать всем равные возможности» (мужчина, 25 лет).

Общее для всех групп: социальной справедливости в России пока нет или присутствует в слабой неразвитой форме.

4.2. Свобода в понимании основных идейно-мировоззренческих групп

Более интересно и разнообразно понимание свободы среди различных групп общества. Как это видно из следующей таблицы, россияне, в первую очередь, ценят личные свободы, о чем мы уже писали выше. Обретение личной свободы стало главным завоеванием “демократического” периода в истории России, и, несмотря на все разочарования, пришедшиеся на этот период, ценность личных свобод остается очень высокой. Для 46,4% опрошенных, свобода – это возможность заниматься любимым делом, для 43,9% - это возможность ни от кого не зависеть, поступать по собственному усмотрению, для 35,5% - возможность открыто выражать свое мнение, причем, по вопросам совершенно не обязательно политического характера.

В этот же ряд входят такие понимания свободы как возможность передвигаться, свободно выезжать за границу (11,6%), возможность получать любую информацию (16,9%). Для любителей порассуждать на тему дихотомии “свобода – воля”, это дает немало пищи для размышлений. На фоне такой высокой роли личной свободы, как-то меркнут экономические и политические аспекты этого понятия. Только для 14,6% опрошенных свобода – это возможность разбогатеть, для 6,4% - возможность исповедовать религиозные мировоззрения, для 6,7% - возможность участвовать в политической жизни, для 13,4% - возможность выбирать власти на различном уровне, самому участвовать в выборах.

В подобных приоритетах солидарны практически все обследованные группы, выделенные по принципу идейно-политических ориентаций. Возможность разбогатеть немного больше привлекает либералов (21%), чем коммунистов (14%), возможно потому, что либералы, как правило, люди более молодые и активные. Это же касается и возможности заниматься любимым делом (52% среди либералов и либеральных государственников и 41% среди коммунистов). Возможность исповедовать религиозные мировоззрения особенно ценится среди либералов и правозащитников (13%), возможность ни от кого не зависеть и поступать по собственному усмотрению – в наибольшей степени привлекает левых государственников (50%), а возможность выезжать за границу более важна для национал-патриотов (18%) и либеральных государственников (17%), чем для коммунистов (7%).

Возможность получать любую информацию в наибольшей степени ценится либеральными государственниками (20%) и либералами (19%), а возможность участвовать в политической жизни – национал-патриотами (11%) и коммунистами (9%). Что же касается участия в свободных выборах, это особенно важно для коммунистов (15%), левых государственников (14%) и либеральных государственников (14%) (см. диаграмму 40).

Все приведенные различия не слишком велики и не дают оснований говорить о каких-либо существенных, не то что полярных различиях в понимании того, что является свободой.

Диаграмма 40

Что для Вас означает слово «свобода»?
(закрытый вопрос, не более трех ответов)

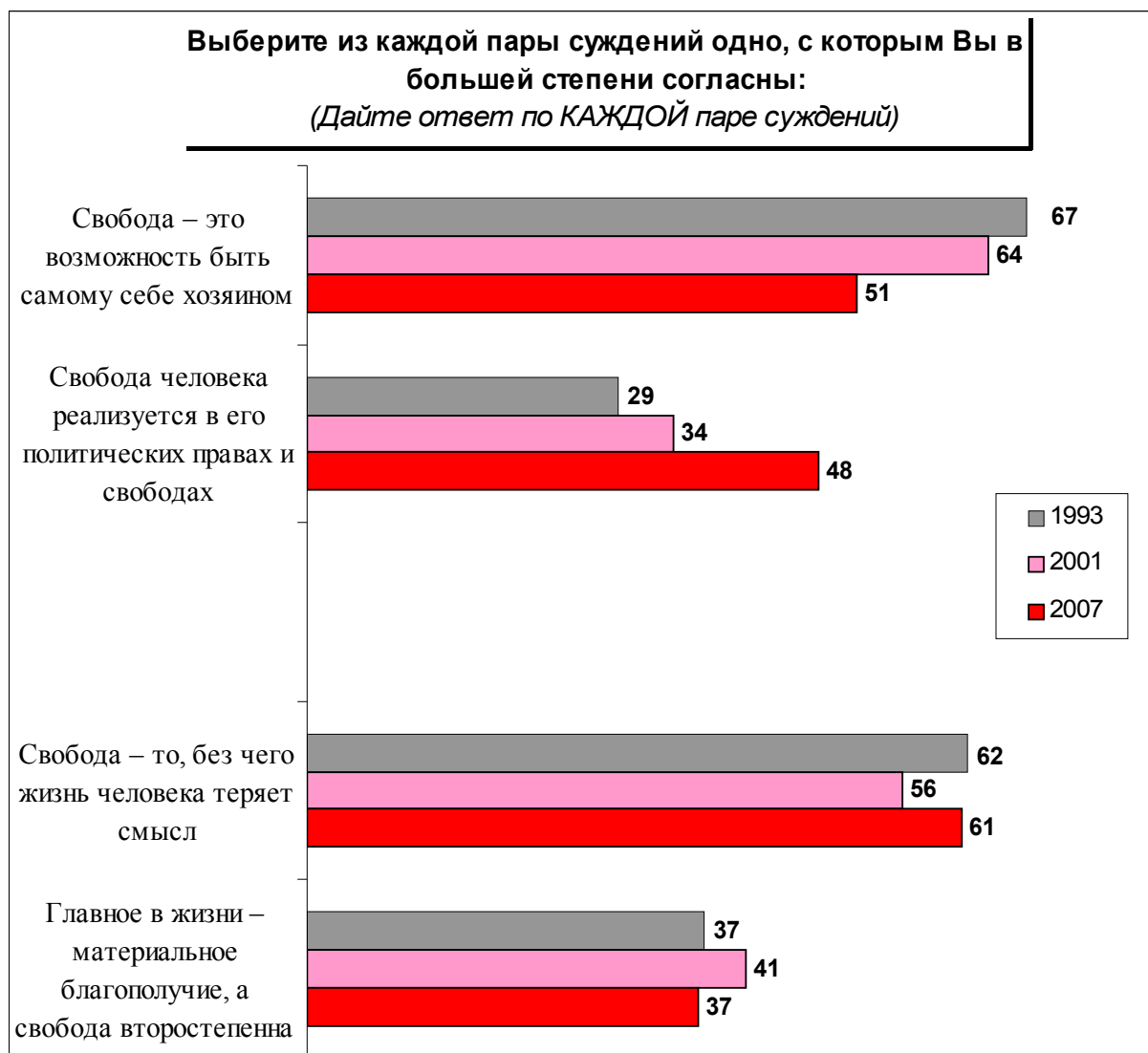

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Эти данные позволяют поспорить с точкой зрения В. Петухова⁶⁶, который высказал сомнения в том, что для россиян понятия свободы и воли во многом идентичны. По его мнению, “весьма неоднозначным является отношение россиян и к таким понятиям, как **свобода и порядок**. Исследования не подтверждают широко распространенную точку зрения, согласно которой русскому национальному сознанию свойственно понимание свободы исключительно как «воли», отражающее стремление миллионов людей быть свободными от любого гнета (государственно-бюрократического, помещичьего, коммунистического и др.). Россияне, безусловно, дорожат обретенным правом на частную жизнь, на возможность ее «строить» «без оглядки», в том числе и на государство. Даже если это связано с серьезными материальными лишениями. В то же время, понимание свободы как важнейшей смыслообразующей ценности, которая проявляется, в том числе, и в гражданских правах, также не чужда многим россиянам. Причем, как видно из нижеприведенных данных, число опрошенных, интерпретирующих свободу как волю, сокращается, а доля тех, кто уверен, что свобода человека реализуется в его политических правах и свободах, растет. Соотношение значимости свободы и роли материального достатка практически не изменилось” (см. диаграмму 41).

⁶⁶ В. Петухов. Динамика мировоззренческих и идеологических установок россиян. Мониторинг общественного мнения, 2008, № 1.

Диаграмма 41

Источник: исследование ИС РАН «Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить». Август 2007 г.

Далее приведем результаты качественного исследования (методом фокус-групп) понимания понятия “свобода” основными идейно-мировоззренческими группами.

Общие замечания

- Принципиальных различий в понимании свободы нет, но наблюдается некоторое смещение акцентов (указаны в каждой группе). Все группы признают важность свободы для развития общества, все виды свободы рассматриваются как важные, дополняющие друг друга.

- Анархического понимания свободы: делать, что хочу, – нет, свобода только в рамках закона, Конституции и т.д., свобода – не анархия. У нас много свободы как вседозволенности, как развращенности.

- Об экономической свободе, свободе предпринимательства сами от себя говорят относительно немного (главным образом, в группе «правых консерваторов» и группе «правых»). Нет такого понимания свободы только у коммунистов. Но никто не отрицает этот вид свободы, когда им перечисляются различные виды свободы.

- По вопросам свобода или порядок мнения разделились, но доминирующее мнение, что необходимо и то, и другое, это вещи не исключают друг друга. Порядок – это есть свобода в рамках закона. А свобода – есть порядок в реализации прав граждан на свободу. «Я не вижу здесь никаких противопоставлений. Это две стороны одной медали – свобода и порядок они, как раз-таки, организуют, образуют друг друга. Государство должно поддерживать свободу и порядок» (Ростов-на-Дону, женщина 49 лет)

- Свобода как совокупность политических свобод – это есть у всех (у коммунистов меньше, у остальных больше), но говорят об этом не очень ярко, не в качестве фундаментальной основы. Доминирует другое, более общее понимание – свобода понимается как свобода выбора и свобода самовыражения личности в различных вариантах.

- Все виды свобод признаются важными и дополняющими друг друга.

- Почти везде высказываются мысли, что свобода в обществе несовместима с нищетой.

Свобода

КОММУНИСТЫ

Здесь мы видим большинство характеристик свободы, которые повторяется в других группах с добавлением небольшой специфики.

Свобода: многие вспоминают классиков – свобода как осознанная необходимость, «осознанная необходимость в рамках конституции», а также как: «свобода выбора», «человек должен заниматься тем, чем ему нравится, не нарушая свободу других людей!», возможность свободно высказать свое мнение.

Свобода – как действие в рамках закона как отдельным человеком, так и государством, «возможность реализовать себя», свобода передвижения по стране и за рубеж.

Свобода как свобода от нищеты, от бедности, чтобы был достаток, который бы обеспечивал достойный уровень жизни каждого человека, отсутствие унижения человека.

Свобода – как социальная справедливость, дающая возможность людям быть уверенными в завтрашнем дне.

Критика: у нас свобода реально стала свободой для тех, кто имеет деньги. Кто их не имеет – не свободен.

Полное отрицание свободы как анархии (это характерно для всех групп).

Характерно: нет понимания свободы как свободы предпринимательства, в последующих группах это появляется.

Особенность: говоря о свободе, относительно мало говорят о политических свободах, но отдельные высказывания о свободе слова, печати есть. Необходимость политических свобод признают позднее по ходу дискуссии, но сами респонденты со свободой их связывают во вторую очередь. Т.е. связь между свободой и политическими свободами в сознании сторонников коммунистов довольно слабая. В других группах это присутствует несколько больше.

Москва

«Свобода – это не есть то, что ты там делать хочешь и чем хочешь заниматься, **это осознанная необходимость в рамках Конституции!**» (мужчина, 53 лет).

«Мы хотим, чтобы каждый человек имел выбор заниматься тем, чем считаешь нужным, был полезен обществу! (мужчина, 40 лет).

«Я согласен! **Человек должен заниматься тем, чем ему нравится, не нарушая свободу других людей!**» (мужчина, 26 лет).

«Под свободой я понимаю способность, **возможность любого члена общества реализовать себя в той части, сфере, где он считает себя наиболее полезным, востребованным и получать за это достойное вознаграждение!**» (мужчина, 23 года).

«Свобода передвижения самое важное! Чтобы был свободный въезд в Украину, Белоруссию, ладно там другие страны, но чтобы внутри союза не было такого ограничения, и сотрудничество нужно!» (женщина, 49 лет).

«Свобода – это жить, где я хочу, а никак раньше! Свобода – учиться, где я хочу, вот раньше было распределение после института, сейчас нет! Сейчас

идешь работать, куда хочешь! Свобода – возможность отдыхать, где я хочу, располагая определенными финансовыми возможностями!» (женщина, 30 лет).

«Это свобода выбора, чтобы не ограничивали свободы других!» (женщина, 36 лет).

Новосибирск

«Настоящая свобода опять-таки только там, и свобода, и демократия, там, где соблюдаются законы. Все упирается в закон, все упирается только в это» (мужчина, 73 года).

«Сейчас только свобода денег. Есть у меня деньги, я свободный человек на всех уровнях. Вот закон сейчас – власть денег. Вот и все» (женщина, 36 лет)

«Свобода – это осознанная необходимость» (мужчина, 70 лет)

«Сейчас есть у нас свобода слова, люди могут говорить» (мужчина, 25 лет)

«Свобода – свобода слова» (женщина, 59 лет)

«Без свободы вообще никакого развития не может быть. Это будет стагнация без свободы, загнивание. Всегда любой человек должен свободно высказывать свое мнение свои взгляды» (мужчина, 70 лет).

Ростов-на-Дону

«Свобода – это в первую очередь выбор, выбор и различные возможности в разных сферах, возможно, проявление свободы – это наличие каких-то диспозитивных норм» (женщина, 25 лет).

«Для меня свобода – если я буду соблюдать законы и по отношению ко мне соблюдались бы законы со стороны государства» (женщина, 44 года).

«Свобода, я думаю, это спокойная вера в будущее свое, спокойная уверенность в настоящем, будущем своих детей, своевременно реализовывать свои желания, возможности, и иметь возможность именно реализовать их. А когда у нас будет социальная справедливость, я думаю, что и свобода будет у каждого, не думать и не бояться жить сейчас, вот это свобода» (женщина, 60 лет).

«Согласен с предыдущими, правильно сказано: свобода, равенство и братство, то **есть равные возможности**. И если это будет, то я чувствую себя свободным, я не чувствую себя свободным, когда нарушаются законы» (Мужчина, 47 лет).

Тюмень

«Лично для меня свобода – это свобода выбора, свобода действий, когда я могу сделать то, что мне действительно нужно. Куда-то пойти, куда-то уехать. Не ограниченно в чем-то» (мужчина, 23 года).

«Свобода необходима, но опять же, если будут соблюдаются некие нормы морали. Принцип нравственности» (мужчина, 21 год)

«Свобода необходима. Свобода обязательно в передвижении, я думаю, что это сейчас есть в нашей стране, свобода вероисповедания. Свобода слова, но опять же не такого слова, которое может отрицательно сказаться на развитии общества. Ну и свобода печати» (мужчина, 21 год)

ЛЕВЫЕ, НО НЕ КОММУНИСТЫ

В понимании свободы много общего с коммунистами, но есть небольшая специфика – несколько больше уделяют внимания политическим свободам и политической активности человека, появляется понимание экономической свободы.

Свобода: «осознанная необходимость», свобода выбора профессии, места работы, места жительства и пр.; «свобода выражать свое мнение без оглядки».

Свобода заканчивается там, где начинается свобода другого человека. Свобода личной жизни, свобода передвижения.

Специфика: больше говорят о политических свободах: о свободе слова на выборах, должны всем партиям давать равное и удобное время для эфира. Говорят о свободе митингов, нельзя их запрещать. Свобода выборов – необходима, почему отменили графу «против всех». Свобода прессы. Свобода личности.

Новое: Свобода нужна человеку, чтобы действовать самостоятельно и обеспечить себя всем, меньше надеяться на государство.

Появляется понимание свободы – как свобода частного предпринимательства (хотя об этом говорят только единицы.)

Нельзя понимать свободу как анархию (это у всех).

Москва

«Я понимаю, что свобода в обществе – это свобода выбора человека во всем, здесь правильно говорят! Например, я должен иметь право слушать

политиков не тех, кого постоянно дают по телевидению, а тех, кого мне хочется слышать (оппозицию), их же не дают по телевидению, и не в семь утра или в одиннадцать вечера, когда все уже спят! Вот это свобода! **Свобода высказываться журналистам! Свобода голосовать! Вот отменили пункт «против всех», а почему? Надо было оставить!»** (мужчина, 62 года).

«Это осознанная необходимость, то есть я могу выбирать себе профессию, сферу деятельности, если дальше смотреть, то гражданство, средства самореализации, страну работы, молодежь так и делает, работают в западных компаниях! Если человек переступает законы, а его за это никто не может арестовать, то такая свобода мне не нужна!» (мужчина, 51 год)

«Свобода – это выражать свое мнение без оглядки! Свобода – принятие решений, которые не будут вредны обществу! Свобода – это такое понятие, что оно стоит в каких-то критериях, рамках общества, политических аспектах! Понимать свободу, что делать можно все, думаю, это анархия! Свобода – это все, что ведет к благосостоянию общества для каждого в этом обществе!» (мужчина, 42 года)

«В нашем обществе на данный момент, думаю, когда человек будет делать, что ему хочется, не убийство, конечно, то есть свобода человека заканчивается там, где начинается свобода другого человека!» (мужчина, 20 лет)

Новосибирск

«Свобода – свобода волеизъявления, проявление своих взглядов и интересов, но не ущемление прав ближних, все в рамках закона, этики» (женщина, 34 года)

«Я считаю, что свобода – это то, что я делаю, и при этом, то, что я делаю, не мешает окружающим. Но что бы ее почувствовать, нужны какие то ограничения» (женщина, 22 года)

«Абсолютно согласна, что свобода необходима человеку самодостаточному, который не надеется на государственные органы, и может сам себя обеспечить безбедную старость» (женщина, 34 года)

Ростов-на-Дону

«Свободное высказывание в прессе любого человека. Или возможность выйти на какой-нибудь митинг безо всяких ограничений. Но ни в коем случае не запрещать митинги, которые хотят провести. Вот, я слышала, в Питере с

партией «Яблоко» были какие-то проблемы, с высказыванием определенных людей. Вот это я считаю ограничением свободы» (женщина, 58 лет)

«Я под свободой понимаю свободу выбора, **свободу частного предпринимательства, свобода личной жизни**, свобода передвижения!» (женщина, 41 год)

«Наверное, **тут имеется в виду свобода больше политическая**. Ну, чтобы каждый человек, конечно, был услышан, через какие-то общественные организации мог заявить. **Пойти на какую-то демонстрацию**. То есть опубликовать свою точку зрения, а в какой форме – это уже забота общества, чтобы человек мог выразить это, не бездействовать» (мужчина, 57 лет).

«Для меня свобода буквально – это, если человек хочет себя выразить, то он должен иметь возможность это сделать! Естественно, что ограничения какие-то цензурные, например. Вот, когда у вас есть свобода идти митинговать, но для этого строго ограничены часы и место – я уже не считаю это за свободу. Это такая надуманная свобода» (женщина, 45 лет)

Тюмень

«Свобода – это, когда я могу выбрать что-то для себя, что я хочу» (женщина, 23 года)

«Свобода – это, когда человек сам решает, как ему жить, что ему делать, куда ему идти и чем заниматься. Вот это свобода» (мужчина, 20 лет)

«Свобода слова. На работе мне не дают слова сказать. Начальник всегда против. И свобода выбора» (мужчина, 51 год)

«**Свобода личности, свобода слова**. Хотела сказать о телевидении Вы посмотрите, что твориться там, это же беспредел, рекламируется постоянно пиво, рекламируется постоянно секс. У нас только все основано на сексе и на пиве, как могут расти нормально дети, если у нас по телевизору вот что твориться». (женщина, 31 год)

ПАТРИОТЫ

Свобода: осознанная необходимость; «свобода выбора», свобода высказать свое мнение (свобода слова, печати, свобода мысли), свобода передвижения; свобода заканчивается там, где начинается свобода другого человека; свобода – это действие в рамках закона.

Как и во 2 группе, есть понимание свободы – как свобода частного предпринимательства.

Свобода – реализация способностей человека, его прав, свобода творчества
Свобода невозможна без обязанностей перед другими людьми.

«Свобода – это реализация прав человека (но не в правозащитном смысле, а реализация прав, которые обеспечены конституцией: право на труд, на образование, на жилье, на отдых и т.д.).

Специфика группы: чаще, чем в других группах, появляется понимание свободы как свободы совести (вероисповедания). Назвали несколько человек (в других группах единичные высказывания)

Москва

«Свобода – осознанная необходимость» (мужчина, 36 лет)

«Свобода в обществе, мне кажется, **она кончается там, где начинается свобода другого человека.** Но в принципе ограничение свободы происходит достаточно часто. Я могу взять и не пойти в университет, валяться целыми днями дома – я же свободная девушка. Но у меня есть какие-то обязанности, и эти обязанности мою свободу ограничивают. Очень сложно ответить, что такое свобода. Свобода это в какой-то степени обязанность, ответственность перед другими людьми» (девушка, 21 год).

«Я считаю, что свобода, это когда я могу говорить, что хочу. Свободные мысли, действия. А я сейчас этого не делаю. То, что я хочу сказать, я не могу, на той же работе, мне приходится врать» (женщина, 34 года).

«Возможность высказать свое мнение. Возможность, в бытовом плане, поехать за границу, отдохнуть. Возможность работать там, где хочешь работать, например, в Москве, Париже, Нью-Йорке. Но есть какие-то рамки, ограничения, которые сдерживают. Это уже в области общечеловеческих и гражданских законов» (женщина, 60 лет).

Новосибирск

«Свобода совести, как первый из элементов свободы, это свобода вероисповедания, то есть ты веришь в то, во что ты веришь. Скажем, это свобода, выбора профессии, ее тоже можно причислить к свободе, отсюда и выбор учебного заведения, свобода выбора того органа, законодательного или какого, **это свобода твоего волеизъявления,** и так по каждому разделу, везде

есть элемент свободы. Его выполнение и соблюдение и будет свободой» (мужчина, 78 лет)

«**Свобода совести**, свободным это иметь, все что захочешь, но надо для этого трудиться, не могу я дать определение. Для меня все ясно. Я вот выбрал профессию, выучился, пошел работать, завел семью, ребенка, живем, ни от кого не зависим. Может, это и называется свобода» (мужчина, 24 года)

«Свобода – это выполнение законов» (мужчина, 53 года)

«**Для меня свобода – это свобода совести**, чтобы на работе мне было не стыдно смотреть моим пациентам, чтобы потом мне за мои действия и за действия Минздрава России не было перед ними стыдно» (женщина, 34 года)

Ростов-на-Дону

«**Свобода – прежде всего это права человека и те права, которые предоставлены человеком конституцией.** Каждому человеку, у каждого это есть. Для развития общества свобода очень важна. Естественно, для меня она важна. В сфере выбора по жизни. Вначале – образование. Кем я хочу стать. Затем – какой деятельностью хочу заниматься. Где жить и так далее» (женщина, 18 лет)

«Свобода это, когда человек понимает, что он может влиять на то, что происходит в той местности, в стране, в которой он живет, естественно, передавать эти действия своему поколению» (мужчина, 58 лет)

«Безусловно, свобода важна. Да во всех сферах – и в личной жизни, и свобода выбирать, и особенно для меня – **свобода в области частного предпринимательства.** Как говорилось в СМИ, столько существует препонов для того, чтобы развить предпринимательскую деятельность» (мужчина, 58 лет).

«**Свобода это, когда человек может, в принципе, делать все, что он хочет в рамках закона и в рамках конституции.** Что не запрещено, то разрешено. Для развития общества свобода очень важна. И для меня свобода очень важна во всех сферах. Я не могу выделить какую-то главную свободу, потому что, вероятно, если меня лишат одной из свобод, которые я, например, сейчас не назову, то жить мне станет совсем не сладко. Поэтому мне важны все виды свобод. **Даже свобода частного предпринимательства**» (женщина, 20 лет).

«Свобода важна для общества, конечно. Лично для меня это, прежде всего, свобода передвижения. Свобода выбора. Частной жизни» (женщина, 49 лет).

Тюмень

«Свобода слова, свобода вероисповедания, ну и много остальных свобод. Свобода – хорошее слово, и оно у нас вроде бы сейчас пропагандируется» (Тюмень, мужчина, 66 лет)

«Свобода выбора, свобода мысли, свобода действий» (Тюмень, женщина, 48 лет)

«Свобода – понятие, конечно, не однозначное, и понимают его по-разному. Для меня свобода некоторые понимают свобода от чего, а я понимаю свобода для чего – для реализации своих каких-то способностей, для реализации своих прав нужна свобода. Свобода, я считаю, должна быть прямо пропорциональна ответственности, тогда эта свобода позитивная, созидательная. А когда идет не свобода, а уже как бы анархия, свобода от чего-то, воля, так скажем. У нас в России свободу путают, что хочу то ворочу, вот это другое понятие, это разрушительная сторона. **Для меня свобода это, прежде всего реализация, своих способностей своих прав свобода для творчества»** (Тюмень, женщина, 25 лет)

ПРАВЫЕ

Свобода: «возможность совершать любые поступки, если они не задевают интересы других людей»; свобода – как свобода выбора, поступков в рамках закона, свобода вероисповедания

Говорят о свободе предпринимательской деятельности, но не нажимают на это.

Специфика: несколько чаще (но не на много) уделяют внимание пониманию свободы как политических свобод (свобода слова, собраний, митингов, передвижений).

Свобода должна способствовать развитию личности

Иногда связывают понятие свободы с понятием демократическое общество.

Употребляется термин «гражданские свободы», «свобода личности» (но не часто).

«Свобода творчества, свобода мышления», «свобода информации».

Иногда: свобода как независимость от государства; «Свобода – это независимость человека, прежде всего, от государства» (мужчина, 46 лет).

Москва

«Свобода важна, очень важна! Например, **свобода предпринимательской деятельности, поскольку малый бизнес у нас должен развиваться в стране**, если его запретят, то на рынке у нас не будет конкуренции, и цены станут очень высокими!» (женщина, 20 лет)

«Мое понимание, «свобода» - это возможность человека совершать любые поступки, если этим он не затрагивает интересы других граждан! (мужчина, 30 лет)

«**Я считаю, что это свобода слова, свобода передвижения**, скорее всего, свобода во всем, что не напрягает общество, соответственно в рамках законов! (мужчина, 38 лет)

«Если бы я был не свободен, то я даже не представляю, как бы я жил, как бы общество жило бы без свободы, я этого не представляю!» (мужчина, 52 года)

«**Вообще, свобода – это одно из самых важных в построении государства!**» (мужчина, 36 лет)

Новосибирск

«**Для меня свобода это свобода слова, свобода излагать свои мысли**, не получить за это какие-то карательные меры» (мужчина, 34 года)

«**Свобода – это свобода выбора**, то есть можешь свободно что-то выбрать, никто тебя не заставляет, не принуждает. То есть, ты, как гражданин, и имеешь эту гражданскую свободу» (Женщина, 37 лет)

«Я считаю, что **свобода складывается из таких частей, как свобода вероисповеданий, свобода личностей, свобода слова, все в сумме составляет свободу**, которая, тем не менее, ограничивается в рамках закона, который должен исполняться, для всех одинаково. (Мужчина, 21 год)

«Я думаю, что общество без свободы не может существовать. Это уже не здоровое общество. Поэтому свобода быть должна, каждый человек должен понимать, что свобода это не бесконтрольное поведение, это то, что он может делать в рамках закона» (мужчина, 21 год).

Ростов-на-Дону

«Это возможность реализовать свои планы и свои цели. Такая **свобода существует только в демократическом государстве**, поэтому лучше всего человек чувствует себя там, где работают законы, где есть основа для его творческого развития. А свобода она очень многогранна. Это возможность получать образование, иметь право голоса, работать, управлять государством – это есть истинная свобода, когда человек во всех своих ипостасях, во всех направлениях может развиваться как личность» (женщина, 47 лет).

«Я бы поставила знак равенства между свободными гражданами и свободным обществом. Только демократическое общество может дать людям свободу» (женщина, 47 лет)

«Я для себя понимаю свободу, как, прежде всего, свободу выбора. В пределах того, что мне предоставлено обществом и законом. **Моя свобода заканчивается там, где начинается свобода других»** (женщина 49 лет).

«Свобода это не только мечты о своих правах, о том, что ты можешь себе это позволить, но и реализация этих прав: **свобода слова, выбора, печати, всего-всего**. Свобода реализации того, что ты задумал» (женщина, 41 год)

«Свобода выбора каждого человека. **А свобода это осознанная необходимость**. И чтобы человек соблюдал порядок, это должно быть осознанно. Если это будет вбиваться, то это будет вызывать раздражение, протест» (мужчина, 50 лет).

«Для меня свобода это свобода выбора. Когда каждый может реализовать себя и свои способности. Также высказать свое мнение» (женщина, 24 года)

«Это свобода выбора – куда ехать, где учиться, как излагать свои мысли. Но не надо забывать о том, что есть еще и закон. Не переступить эту грань. И – свобода выбора без ущемления прав других граждан. (мужчина 43 года)

«Свобода – это краеугольный камень развития общества, если не будет свободы, то и общество развиваться не будет» (женщина 49 лет).

«Свобода, безусловно, очень важна. Потому что, если человек загнан в какие-то жесткие рамки, то не может творчески развиваться. Нет творчества – нет развития. Потому что чисто механически повторять одно и то же – никакого движения вперед не будет. Свобода творчества, свобода мышления – все это дает обществу возможность развиваться дальше, дальше, дальше» (мужчина, 50 лет)

«Свобода очень важна. Каждый человек имеет свое мнение. Должна быть предоставлена свобода реализовать это мнение» (женщина, 24 года)

«**Свобода это как кислород. Нет кислорода – дышать нечем**» (женщина, 41 год).

Тюмень

«**Свобода это соблюдение законов: свобода перемещения, свобода слова, свобода выбора, свобода образования**» (женщина, 20 лет).

«Свобода это воплощение желаний, свобода кончается там, где начинается свобода другого человека. Все должно быть сбалансировано (женщина, 39 лет).

«**Свобода это есть свобода личного волеизъявления, с соответствующим уважением к этому волеизъявлению со стороны окружающих. В рамках законности и морально-этического плана**» (женщина, 44 года).

«Я согласен со всем, что было уже сказано. **Свобода – это независимость человека, прежде всего, от государства**» (мужчина, 46 лет).

«Очень важна личная неприкосновенность человека, свобода самовыражения, свобода творчества» (женщина, 22 года).

«Для меня важна **свобода независимого труда, свобода информации, свобода передвижения**» (женщина, 44 года).

ПРАВЫЕ ГОСУДАРСТВЕННИКИ

Свобода: свобода выбора; свобода реализовать свои права; свобода – в рамках закона и морали;

Свобода слова, печати, передвижений, выборов в государственные органы. Свобода – действия в рамках закона.

Специфика: о свободе предпринимательской деятельности говорят несколько чаще, чем в других фокус-группах; свобода – как финансовая, материальная независимость.

Москва

«Свобода – это **свобода слова, выбора, культурных рамок**» (мужчина, 26 лет)

«Свобода выбора, свобода выбора специальности, во всем, человеку должно быть свободным, защищенным, чтобы ему не страшно было передвигаться» (женщина, 55 лет)

«Свобода – возможность реализовать свои права. Это появляется в нашей стране» (мужчина, 41 год).

«Для меня свобода, это когда человек хочет поступить в хороший ВУЗ, чтобы не было взяток, чтобы можно было реализовать свой бизнес. Чтобы соблюдался и контролировался закон» (мужчина, 30 лет).

Новосибирск

«Я считаю, что свобода – это возможность поступать, так как я хочу в рамках морали и закона» (мужчина, 60 лет)

«Свобода предпринимательства это очень важно. Сейчас предприниматель, прежде чем открывать дело, он, прежде всего, изучит рынок, спрос, и будет выпускать то, что людям нужно. Соответственно там у него свобода» (женщина, 65 лет)

«Я считаю, **в первую очередь свобода предпринимательства**, а уже отсюда у нас будет и свобода выбора, ну естественно свобода слова» (женщина, 25 лет)

Ростов-на-Дону

«Свобода важна для человека, но у нас не всегда эта свобода выдерживается, **хотя бы свобода предпринимательства.** Не каждый предприниматель, кто подает заявку, потом может ее осуществить, то есть зарегистрироваться и открыть свое дело. Этим нарушается свобода человека, создается очень много всяких препон, с которыми нужно бороться. А в принципе, свобода нужна человеку» (женщина, 56 лет)

«Да, **свобода передвижения, свобода слова, свобода выборов** – это для меня важно. (Женщина, 56 лет)

«В принципе для меня свобода выбора важна, **свобода слова.** Также свобода перемещений, чтобы можно было свободно в любую точку мира поехать. В общем, я считаю, что свобода необходима» (Мужчина, 36 лет)

«Что я понимаю под свободой? Чтобы я, имея свое мнение, не боялась его высказать» (женщина, 65 лет).

«Свобода для меня – это финансовая и физическая независимость, еще это жизнь без войны» (женщина, 48 лет).

«Мне кажется, демократическое общество, в котором мы живем, не может существовать без свободы. Для меня, как и для каждого человека, необходима и

свобода слова, и свобода печати, и свобода передвижения, и свобода выбора, это все очень важно» (женщина, 40 лет)

«В первую очередь, для меня свобода – это свобода слова, все остальные свободы для меня в какой-то мере на втором плане. Поэтому надо отдать должное Михаилу Горбачеву, как бы его не критиковали, он вспять историю повернул и дал вот эту свободу слова» (женщина, 40 лет).

«Свобода слова, свобода поездок, свобода выборов» (Женщина, 57 лет)

Тюмень

«Свобода это, наверное, **свобода мыслей, свобода действия, свобода выбора**, как мы уже говорили, которая присуща для российского государства» (женщина, 22 года)

«Для меня свобода, поскольку я являюсь студенткой, это материально себя обеспечивать, и это и есть свобода (женщина, 22 года)

4.3. Порядок в понимании основных идейно-мировоззренческих групп

Что же касается фиксируемого опросами общественного мнения запроса на порядок, то за ним лежит отнюдь не только социокультурная традиция и уж тем более не “вековая рабская психология русских”, а реакция на вполне конкретные обстоятельства жизни⁶⁷. В частности, на хаотичность тех общественных процессов, с которыми сталкивалась страна на протяжении последнего десятилетия. Ведь современная Россия – это классическое «общество риска», где появившиеся возможности для самореализации активных групп населения причудливым образом сочетаются со страхом, несправедливостью и т.п., являющимися в каком-то смысле оборотной стороной обретенной свободы, возможностью строить свою жизнь в соответствии с собственными представлениями. Отсюда и спайка в сознании многих россиян идей свободы и безопасности в надежде на такой социальный порядок, который бы обеспечивал и то, и другое. С этой точки зрения ставить знак равенства между запросом на порядок и запросом на авторитаризм и полицию было бы неправильным и несправедливым. В глазах россиян, “порядок” - это скорее «мечта о порядке»,

⁶⁷ В. Петухов. Динамика мировоззренческих и идеологических установок россиян. Мониторинг общественного мнения, № 1, 2008.

когда под словом «порядок» понимается отнюдь не установление репрессивного режима и «закручивание гаек», а формирование общественного порядка, который признается большинством общества справедливым и эффективным. То есть завершение революционного периода в жизни страны, длящегося уже не одно десятилетие.

КОММУНИСТЫ

Порядок (общее для всех групп): Понимание порядка как правления «жесткой руки» не поддерживается никем, даже коммунистами, «это уже проходили». Некоторые о «жесткой руке» говорят, но в другом аспекте – в аспекте жесткости и требовательности в исполнении законов, воля государства и ее лидеров защищать закон, жестче бороться с коррупцией. Повторения сталинизма никто не хочет, идея репрессивного государства отвергается всеми.

Главное: порядок понимается как строгое соблюдение конституции, законов и как твердая требовательность в строгом соблюдении законов – государством, властными структурами, милицией, судьями, бизнесом и всеми гражданами. Борьба с коррупцией как одна из главнейших формы борьбы за восстановление порядка. Это характерно для всех групп.

Порядок также это: «это равный доступ к правам, равное несение обязанностей, ответственность и, безусловно, гарантии этих прав». Порядок как социальная защищенность.

Общее для всех групп: порядка нет, законы не соблюдаются

Москва

«Соблюдение конституционных прав! Конституция – главный Закон! Все! Из-за нарушения Конституции вытекают все злоупотребления и коррупция!» (мужчина, 40 лет).

«Соблюдение Конституции, и ее совершенствование, поскольку в некоторых областях ее есть лазейки, по которым некоторые товарищи бывают на краю, но взять их не за что! То есть необходимо соблюдение прав!» (мужчина, 26 лет).

«Если человек нарушил закон, то неважно кто он, простой ли рабочий или чиновник, он должен отвечать перед Законом одинаково, чтобы все были равны! (женщина, 30 лет).

«Это («жесткая рука») уже было при Сталине, но привело к массовым репрессиям! Надо стараться не перегибать палку, а стараться поднимать духовный уровень, прежде всего, со школы!» (женщина, 49 лет).

Новосибирск

«Я, например, понимаю порядок таков. **Если есть законы, надо исполнять законы. Не зависимо от того, кто ты сторож, как я в школе, или президент.** Надо выполнять и надо приучать нашу молодёжь к исполнению к почитанию наших законов. Хотя они не все очень хороши» (мужчина, 73 года).

«Ну, порядок – это когда независимо от того, кто ты, если ты нарушил закон или делаешь неправильно, носи ответственность, так как положено. Ну, вот это, наверное, и есть порядок» (женщина, 59 лет).

«Во-первых, **исполнение на всех уровнях законов.** То есть, какие они там плохие хорошие, но сначала надо добиться, чтоб они работали эти законы. А, во-вторых, я считаю, что упустили мы поколение одно, пусть сейчас растёт поколение молодёжи. Вот если мы сейчас за них не возьмёмся, наша страна вообще скоро исчезнет» (женщина, 64 года)

Ростов-на-Дону

«Порядок в стране – это четкое выполнение законов на всех уровнях, независимо от того какую должность занимает человек» (Мужчина, 49 лет)

«Прежде всего, наши законы изначально не должны быть составлены так, чтобы предполагать их нарушения и для начала нужно продумать реализацию этих законов» (женщина, 48 лет)

«Порядок в стране – это равный доступ к правам, равное несение обязанностей, ответственность и, безусловно, гарантии этих прав» (Женщина, 25 лет)

«Порядок, я понимаю, это неукоснительно соблюдение на любом уровне и любого гражданина все, что он обязан исполнять. Тогда будет порядок, когда каждый гражданин ответственно будет относиться ко всем законам, ко всем предписаниям» (мужчина, 67 лет).

«Считаю, что из принятых законов есть прекрасные, но они не выполняются.

Выполнение законов – это основа всего. Если на всех уровнях будет четкое выполнение законов, то и будет порядок» (женщина, 44 года)

Тюмень

«В данном случае я отождествляю порядок с правопорядком и с безопасностью, чтобы не было беспредела, грубо говоря на улицах. Чтобы власть тоже не занималась беспределом, особенно судебная власть, правоохранительные органы, милиция хотя они сами должны осуществлять порядок» (мужчина, 23 года)

«Не ограничение прав и свобод, а увеличение ответственности за поступки» (мужчина, 23 года)

«Соблюдение законов, естественно, причем всех слоев общества, во-первых. Укрепление правовых организаций, укрепление наших силовых структур, у нас очень низкий уровень в милиции, принимают на службу низкого уровня сотрудников, без юридического образования. Я думаю, что нужно тестирование, чтобы люди шли туда достойные и платить им достойную зарплату, чтобы они выполняли свои обязанности правильно, законно». (женщина, 60 лет).

ЛЕВЫЕ, НО НЕ КОММУНИСТЫ

Порядок: то же самое, что и у коммунистов. Порядок – это строгое соблюдение законов всеми гражданами, борьбы с коррупцией, контроль со стороны государства, общественных организаций и со стороны самих граждан «народный контроль». Закон един для всех.

Порядок должен начинаться с семьи, воспитания детей, с личности и заканчиваться на государственном уровне (правительство, суды, милиция и т.д.).

«Жесткая рука» понимается не как репрессивная политика, а как требовательность в исполнении закона.

Многие о необходимости борьбы с коррупцией.

Под отсутствием порядка некоторые понимали рост цен и дороговизну.

Москва

«Отсутствие коррупции, вся власть сейчас коррумпирована! О каком порядке сейчас может идти речь? (женщина, 41 год)

«Порядок – это контроль! Жесткий контроль всего! Контроль идеологии, поведения людей, взяточничества и других действий! Нужно сделать, чтобы одна структура следила за другой, можно даже в круг замкнуть! Государственная Дума следит, например, за президентом, президент - за ФСБ, ФСБ - за Васей из Ульяновска и т.д.! (мужчина, 20 лет)

«Правильная работа всех ветвей государственной власти! А будет это тогда, когда будет народный контроль за всеми ветвями власти! Нужны справедливые выборы, независимые суды и СМИ, тогда и будет порядок! (мужчина, 62 года)

Новосибирск

«Порядок – это исполнения законов. Естественно, все должно идти от человека, безответственность – это бич нашего поколения. Все начинается с личности, меня никто не заставить ограбить бабушку, или урну пнуть, мне даже в голову не придет. Должен быть контролирующий орган какой-то» (женщина, 34).

«Наличие законов в стране, которые будут работать. Кто-то должен следить за соблюдением законов, и чтобы с наказаниями был порядок, чтобы был закон единый для всех» (мужчина, 56)

«Наличие законов, которые должно исполняться, если нет, то наказание» (женщина, 60).

«Законы ужесточить нужно, тогда будет порядок. Кроме этого выполнять их надо. Начиная от учеников до пенсионеров» (мужчина, 68)

Ростов-на-Дону

«Я полностью согласна с тем, **что законы должны выполняться, чтобы был порядок.** Если тебя за что-то арестовали и у тебя есть возможность откупиться, это уже не порядок, я считаю. И вторая сторона порядка для меня – это когда человек идет в магазин и знает, что на эти деньги он может купить хлеб, а не так, что он приходит, и цена изменилась. Это тоже, на мой взгляд, непорядок» (женщина, 45 лет).

«Для порядка – максимальная прозрачность всего. Суды должны за порядком следить! Вот когда будет строгий суд, тогда будет порядок» (мужчина, 57 лет)

«По-моему, **это контроль за выполнением законов,** и закон, который общий для всех. Вот, ценообразование тоже все-таки как-то должен регулировать.

Чтобы, если повысили пенсию на 400 рублей, то повысьте хлеб не на рубль, а на одну копейку, чтобы в эти 400 рублей уложиться» (женщина, 47 лет)

«Сделать систему законов, чтобы она была исполняемая. Чтобы она работала хорошо. Хорошая система морали тогда будет» (мужчина, 52)

Тюмень

«Чтобы все соблюдали хоть какие-то законы, уважали друг друга, хоть начальник с подчиненными» (мужчина, 51 год)

«Порядок это соблюдение законов, соблюдение норм» (мужчина, 20 лет)

«Соблюдать принципы гражданского общества. Соблюдать различные законодательные акты, т. е. законы. Граждане должны соблюдать моральные, нормы юридические. Культура в общем человека» (мужчина, 20 лет)

ПАТРИОТЫ

Порядок: такое же понимание, как в первых двух группах – строгое соблюдение законов, Конституции РФ – всеми категориями граждан, закон един для всех, порядок – это «главенство закона», неотвратимость наказания.

Порядок как социальная защищенность граждан.

Специфика группы: под порядком некоторые понимают исполнение библейских заповедей. Порядок – это и культура поведения в обществе, на улице на работе, это соблюдение моральных норм. Ответственность каждого человека.

Москва

«Нужны законы. Соблюдение законов юридических, моральных, вот это и есть порядок» (мужчина, 42 года)

«Я понимаю под порядком такое положение вещей, когда принимаемые законы соблюдаются всеми членами общества. «Вор должен сидеть в тюрьме». Нужно соблюдать законы, какой тут может быть порядок, когда люди, которые принимают законы, сами же их не соблюдают. Когда соблюдаются законы, тогда будет всегда в стране порядок» (мужчина, 38 лет)

«Я тоже считаю, что порядок – это главенствование закона, что законы нужны справедливые и неабсурдные, надо их соблюдать. Это все есть в нашей Конституции. Никто ничего не соблюдает и не задумывается» (девушка, 21 год)

Новосибирск

«Выполняй все законы, выполняй конституцию, УК и т.д. Я вот под этим понимаю порядок» (мужчина, 53 года).

«Я считаю, что когда человек возлюбит ближнего своего, как самого себя, тогда и наступит порядок. Потому что каждый думает о себе. О себе тоже хорошо думать, но надо думать и о людях, которые вокруг тебя находятся, жить не только ради себя, но и ради страны и всего» (мужчина, 19 лет)

«Простое – 10 заповедей и ничего придумывать не надо. Как-то об этом вообще не говорят. Только спорят, надо ли в школах преподавать. А 10 заповедей, хотя бы самое простое, не убей, не укради» (женщина, 56 лет)

«Когда человек ответственно относится к своей работе. Не просто от настроения у него это зависит. Идешь на работу, забудь все, что там случилось. Будь ответственным, выполняй свою работу и будет порядок» (женщина, 58 лет)

Ростов-на-Дону

«Конечно, порядка в стране у нас нет. Что такое порядок? Порядок это соблюдение законов, ну, не только законов, но и соблюдение каких-то моральных норм. Чтобы порядка стало больше, в правоохранительных органах, которые должны этим заниматься, следить за тем, как исполняются законы и защищать права человека – в них, прежде всего следует провести реформы. И обеспечить стабильность, хорошую зарплату, вот, как уже говорили, чтобы не брали взятки – тоже нужен контроль» (женщина, 18 лет).

«Порядок это такое состояние страны, которое возникает вследствие того, что все ее граждане соблюдают законы. А каким образом добиться порядка – милиция, прокуратура, повысить зарплату желательно. Чтобы преступники не выходили на свободу каким-то фантастическим образом» (женщина, 20 лет).

«Под порядком в стране я понимаю соблюдение норм, правил, моральных устоев органами управления, исполнения, а также простыми гражданами. Я считаю, что порядка в стране не хватает, не на должном уровне. А для того, чтобы порядка стало больше, нужно ужесточить наказание для тех, кто его преступает. В частности для органов исполнения и принуждения» (мужчина, 18 лет).

«Я считаю, что порядка у нас в стране нет. Под порядком вообще я понимаю такое состояние в этой стране, когда человеку в этой стране живется спокойно и защищено. А защищенным он, опять же, может быть, если органы власти, органы

исполнительной власти работают. А работают они, если получают достойную заработную плату. Вот будут получать достойную зарплату в прокуратуре, в той же милиции, то тогда туда и будут идти люди с образованием, и будут меньше брать взяток и воровать. А если народу дать достойную работу – так и воровать люди не будут и убивать не будут. Будут работать» (женщина, 49 лет).

Тюмень

«Ну, в принципе я считаю, что порядок в стране в целом – это значит, что надо за всем строго следить, допустим, та же милиция, различные органы, как за всем они следят. Т.е. порядок это то, чему человек действительно должен следовать как по закону, так и по совести» (Тюмень, женщина, 18 лет)

«Порядок я понимаю, как соблюдение установленных в обществе неких норм, правил. И порядок это и есть условие эффективного функционирования государства. как системы. Т.е. если будет порядок, будет все работать, все эффективно функционировать. Мы приняли законы, мы приняли нормы, мы их соблюдаем и соблюдается некий порядок в стране» (Тюмень, женщина, 25 лет)

«Порядок это и есть, ну как бы, справедливость и норма поведения, мы должны соблюдать законы. Вот это порядок. (Тюмень, женщина, 68 лет)

ПРАВЫЕ

Особых отличий от других групп нет: лишь некоторый акцент в сторону большего порядка на выборах, гарантии прав граждан (но это не в правозащитном плане, а как права, гарантированные конституцией)

Порядок: главенство закона, строгое соблюдение всех законов всеми гражданами, начиная от простого человека до президента; соблюдение конституционных прав.

Борьба с коррупцией, наведение порядка, прежде всего, в органах государственной власти. «Соблюдение законности на всех уровнях власти, начиная с соблюдения прав и обязанностей и заканчивая личной культуры человека» (женщина, 44 года).

Специфика: есть и такое понимание порядка – это защита и гарантия прав граждан. Необходимо прививать уважение к закону со школы. Порядок в политической сфере – это честные выборы. Порядок должен быть и в поведении людей. Против произвола государства, в частности органов МВД.

Москва

«Порядок – это выполнение законов, существующих в обществе, которые и обеспечивают порядок в обществе!» (мужчина, 36 лет)

«Порядок – это, значит, нет взяток ни в школе, ни в милиции, бесплатное образование, чтобы осуждали заслуженно за преступления! Пока порядка в нашей стране нет, сейчас везде одни взятки, везде деньги, деньги и деньги!» (женщина, 32 года)

«Это, прежде всего, правопорядок в обществе, когда права защищаются и гарантируются, кроме того, есть такая замечательная пословица: «предупреждать легче, чем лечить»! Следует понимать что такое «культурный порядок», необходимо наводить порядок в культуре на уровне школ, чтобы через 10 – 15 лет не было беспорядка в правовых отношениях, надо прививать культуру младшему поколению! (мужчина, 26 лет).

«Действительно необходимо навести порядок в тех инстанциях, которые занимаются жизнью и управлением общества, в целом, в первую, очередь это чиновники и правоохранительные органы, поскольку, если там не будем порядка, то порядка в обществе тем более не будет!» (мужчина, 30 лет).

«Порядок – это когда соблюдаются все наши права, то есть право на бесплатное образование, медицину, да, и во власти надо все контролировать, поскольку чем у человека больше власти, тем менее ответственно он подходит к этому вопросу! (женщина, 20 лет)

«Для начала, для порядка нужны справедливые выборы, поскольку люди, выбирая президента или депутата в своем округе, видят в них какие-то плюсы и минусы, верят его обещаниям, поэтому я считаю, что выборы должны быть «честными», чтобы люди сами выбирали, тогда, я считаю, в этом будет порядок!» (мужчина, 21 год)

Новосибирск

«Законность должна быть. Преступность убрать всю» (Мужчина, 44 года)

«Русские мозги устроены так, что мы слишком, коллективные. И мы всегда говорим, что мы пойдем, мы сделаем, это и осталось до сих пор. И всегда рассуждаем, что мы наведем порядок в обществе. А почему не сказать, что я наведу порядок, надо начитать всегда с себя. А говорить что мы, мы, мы – нет смысла. Или кто-то тем более» (женщина, 19 лет)

Ростов-на-Дону

«Безусловное соблюдение законов всеми гражданами в стране, без исключения, включая президента» (женщина 49 лет)

«Законопослушание. Четкое соблюдение законов. Четкие законы, которые не позволяли бы их трактовать налево и направо. В первую очередь все зависит от того, как выполняются законы. Если бы они выполнялись так, как задумывались, не было бы такого положения, как сейчас» (мужчина, 50 лет)

«Я считаю, что это, несомненно, **соблюдение законодательства**, и издание, может быть, каких-то более справедливых законов. И чтобы они выполнялись» (женщина, 38 лет).

«Должен быть контроль над выполнением конституции и всех законов в стране. По отношению к каждому гражданину, а не индивидуально, в зависимости от социального статуса» (женщина, 47 лет).

Тюмень

«Я думаю, что это соблюдение Конституции в первую очередь» (мужчина, 46 лет).

«Соблюдение законности на всех уровнях власти, начиная с соблюдения прав и обязанностей и заканчивая личной культуры человека» (женщина, 44 года).

«Необходимо совершенствовать законодательную базу и жить по законам. Это и есть порядок» (мужчина, 22 года).

«Соблюдение конституции, т.е. выполнение своих обязанностей и прав. Наведение порядка – это та система мер между управляющей аппаратом, и четкое взаимодействие между ними, которая приведет к выполнению мер на уровне отдельного гражданина. Если гражданин обращается со своим конкретным

вопросом или нуждается в помощи, то она должна быть ему предоставлена, но чтобы не было произвола со стороны внутренних органов» (женщина, 39 лет).

ПРАВЫЕ ГОСУДАРСТВЕННИКИ

Порядок: это - защищенность человека в государстве во всех отношениях, чтобы человек не был унижен, защита прав граждан, «когда государство работает на человека», борьба с коррупцией на всех уровнях

А также: порядок это честное выполнение своих обязанностей каждого человека на своем месте от простого гражданина до руководства страны. Порядок – это стабильность в государстве. За наведения порядка отвечают все.

Москва

«Под порядком я понимаю то, чтобы человек чувствовал себя защищенным, чтобы он мог обратиться в определенные органы и ему бы помогли, а не отписались. Чтобы не было унижения. Я не чувствую порядка» (женщина, 32 года).

«Я думаю, что порядок, это, чтобы каждый человек на своем месте правильно выполнял свою работу, чтобы, если он учится в медицинском институте, то он правильно умел бы лечить людей, чтобы была возможность поступать на бесплатные места в институте, чтобы каждый человек имел право на работу, на жизнь в хорошей квартире, на пенсию, на достойный образ жизни. В жизненно важных областях должен быть порядок» (женщина, 40 лет).

«Я думаю, порядок, когда каждый находится на своем месте. Нужно навести порядок как в первых эшелонах, так и в местных органах, территориально. Правильно говорят, что каждый имеет как права, так и обязанности. Во всем должен быть порядок. Конституция у нас такова, ее, возможно, нужно переработать, и тогда будет в стране порядок» (женщина, 55 лет)

«Под порядком я понимаю стабильность, не так чтобы, допустим, сыр стоил 150 рублей, а через неделю он стоил 250. Должно предоставляться всему обоснованное объяснение» (мужчина, 22 года).

Новосибирск

«Я считаю, что законы у нас хорошие правильные, но слишком много поправок, которые являются лазейками. Вот если б было меньше поправок. А

больше выполнения законов, тогда было бы больше порядка» (женщина, 42 года)

«Я считаю, всё должно начинаться с того, что человек должен быть порядочным, стараться уступить место в транспорте бабушке, ребёнку, там не бросил бумажку, идёт по тротуару, чтобы бычок не плюнул, ну уже если идти выше, то должны исполняться законы, какие там писаны, чтобы был порядок» (женщина, 25 лет)

«Я тоже согласна с большинством мнений, что главное, чтобы соблюдался порядок, чтобы законы исполнялись» (женщина, 25 лет)

Ростов-на-Дону

«Порядка в стране у нас нет. **Под порядком я понимаю, что не нарушаются законы, ни юридические права граждан, ни физические.** Государства не защищает своих граждан, почему граждане должны судиться, государство должно стать на защиту и судиться, но не простой человек. У нас государство отдельно, а человек отдельно, это очень и очень плохо. В любом плане у нас государство отделено от народа, государства нет для простого человека, это очень и очень плохо. Нужно изменять законы, нужно менять порядок, чтобы государство работало для человека» (женщина, 56 лет).

«Порядка в России у нас нет, даже если брать порядок улиц, городов, чистоту я имею в виду. В плане государственного порядка, то чтобы навести порядок, нужно половину чиновников попересажать, чтобы они не в свой карман закон соблюдали, а для народа, а у нас идет наоборот, то есть они законы соблюдают только в свою пользу. Вот такое мнение. (Мужчина, 27 лет)

«Под порядком в стране я понимаю, что каждый человек должен отвечать за свои действия не только перед законом, но и перед теми жителями, которые на региональном уровне его выбирали, чтобы пофамильно знали тех чиновников, кто хорошо работает и тех, кто плохо. Для этого должна быть открытость информации, свобода журналистики, свобода слова, свобода прессы, то есть такие действия, которые тормозили бы коррупционный поток» (Женщина, 65 лет)

Тюмень

«Ну, я думаю можно сравнить порядок с каким-то таким идеальным механизмом, в котором все четко работает, все смазано. **Порядок это, мне**

кажется, каждый человек на своем месте должен выполнять те обязанности, которые на него возложены» (мужчина, 41 год)

«Порядок в стране это в первую очередь соблюдение законов, тех законов, которые в принципе и направлены на то чтобы упорядочить нашу жизнь, и отношения между гражданами, между организациями, между организациями и гражданами юридическими лицами, скажем так. В первую очередь, **все-таки законы соблюдать.** В принципе государство и отличается от простого племени тем, что есть правила называемые законами и были написаны для того, чтобы ограничить, отсесть какие-то действия граждан, которые могут привести к распаду государства» мужчина, 34 года).

5. Политический выбор россиян через призму идейно-мировоззренческой сегментации

Как показывают результаты исследования, реальный политический выбор россиян на выборах Государственной Думы РФ или Президента РФ лишь в небольшой своей части обусловлен самоидентификацией с той или иной идейно-мировоззренческой нишей. В первую очередь, это касается голосования за “Единую Россию”, результаты которого довольно-таки мало варьируются в зависимости от убеждений голосующих. Если рассматривать результаты голосования в декабре 2007 года через призму “триады” – левых, либералов, и русских патриотов, то 55% левых отдали свои голоса за “партию власти”, 58% сторонников приоритета развития рынка и политической демократии и 48% сторонников приоритета русских национальных ценностей и традиций. И это представляется вполне объяснимым в контексте того феномена консенсусной метаидеологии, который нами был описан выше.

Среди других крупных партий особняком стоит КПРФ, как наиболее идеологизированная из существующих политических партий. За нее отдали голоса 16% “левых” по убеждениям россиян, 10% сторонников приоритета русских национальных ценностей и традиций и только 2% сторонников либералов и правозащитников. За ЛДПР проголосовали примерно по 7% либералов и национал-патриотов и 5% левых россиян. За “Справедливую Россию”, по их собственной оценке, проголосовало по 2% представителей всех групп, вошедших в идеологическую “триаду”. Ну, а голосов, поданных за СПС и Яблоко, столь немного, что их анализ практически невозможен. Среди сторонников национал-патриотической идеологии больше всего тех – 27%, кто вообще не пришел на выборы, что означает, что для этой группы выборы оказались в наибольшей степени “чужими” – подходящей для голосования партии им предложено просто не было (см. таблица 45).

Таблица 45
Политический выбор сторонников
трех основных идейно-политических течений, %

		Сторонники приоритета социальной справедливости	Сторонники приоритета развития рынка и политической демократии	Сторонники приоритета русских национальных ценностей и традиций	Ни одно из этих течений меня не привлекает
Аграрная партия России	0,6	0	0	2	1
Партия «Гражданская сила»	0,2	0	0	0	
Демократическая партия России	0,2	0	0	0	0
Партия «Единая Россия»	54,2	55	58	48	49
Коммунистическая партия Российской Федерации КПРФ	10,2	16	2	10	8
Партия «Союз правых сил» (СПС)	0,5	0	1		1
Партия социальной справедливости	0,1	0			
Либерально-демократическая партия России (ЛДПР)	5,3	5	7	7	3
Партия «Справедливая Россия»	2,2	2	2	2	3
Партия «Патриоты России»	1,1	1	1	1	1
Партия «Яблоко»	0,6	0	1	0	0
Не участвовал в выборах	21,7	16	23	27	32
Не помню	2,8	2	4	2	3

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Не меняет принципиально описанную картину и более детальное рассмотрение идейно-мировоззренческих типов массового сознания. Однако обращает на себя внимание то, что, в отличие от предыдущей таблицы, в ней выделились как левые, так и националистические группы, оппозиционные действующей «партии власти». Когда всех «левых» берешь одной группой, они показывают высокий результат «ЕР» за счет лояльной властям группы левых государственников (68% за «ЕР»). В то же время сторонники коммунистической идеологии оказали поддержку «ЕР» на уровне 21%, отдав большинство голосов «своей» титульной КПРФ (58%). Группы социалистической и социал-демократической ориентации, не поддерживающие коммунистов (6% за КПРФ), не слишком позитивно настроены и в отношении «ЕР» (35%), симпатии к

которой поделены почти поровну с ЛДПР (32%). Россияне “патриотической ориентации” отдали свои голоса “партии власти” также за счет лояльной властям группы “патриотов” (59%), а собственно русские националисты дают “партии власти” на 10% голосов меньше (48%). Безраздельно ориентированы на “Единую Россию” либеральные государственники (68% за “ЕР”), это касается и либералов правозащитной ориентации (68% за “ЕР”). Что же касается группы либералов, рыночников, то их симпатии делятся в пропорции 5:1 между “ЕР” (50%) и ЛДПР (10%). Проголосовать за “свои” партии – Яблоко или СПС – правозащитники и либералы оказались не готовы, очевидно, заведомо не веря в успех этих маргинализировавшихся за последние четыре года политических сил (см. таблицу 46).

Таблица 46

Политический выбор сторонников различных идейных течений, %

	Коммунистам	Некоммунистические левые	Левые государственники	Либеральные государственники	Национал-патриоты	Патриоты	Правозащитникам	Либералы-рыночники
Аграрная партия России	0	2	1	1	2	1	1	
Партия Гражданская сила				0	1	0	1	
Демократическая партия России	0			0	1		1	
Партия Единая Россия	21	35	68	68	48	59	66	50
Коммунистическая партия Российской Федерации КПРФ	58	6	1	2	2	4	1	2
Партия Союз правых сил СПС	1		1	1		0	1	2
Партия социальной справедливости			0	0				
Либерально-демократическая партия России ЛДПР	2	32	5	3	13	6	7	10
Партия Справедливая Россия	1	3	3	1		5	2	
Партия Патриоты России	1	3	1	2		1	0	2
Партия Яблоко			0	1	1	0	1	4
Не участвовал в выборах	14	16	18	18	31	21	18	25
Не помню	2	3	2	2	2	2	2	6

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Похожая картина наблюдается и в отношении президентских выборов, состоявшихся 2 марта 2008 года. Наибольшую поддержку победившему на выборах Д. Медведеву оказали “правые” – сторонники приоритета развития рынка и политической демократии, 69% представителей этой группы поддерживали этого кандидата. Несколько меньше голосов – 63% - получил Д. Медведев в группе “левых”, сторонников приоритета социальной справедливости, и еще меньше – 58% в группе “патриотов”, сторонников приоритета русских национальных ценностей и традиций. Однако указанные различия не слишком велики. Во всех группах лидерство Д. Медведева неоспоримо, что не дает ему, как и В. Путину, основания считаться представителем лишь некоторых политических и идейных сил в стране. Он, очевидно, является общенациональным кандидатом. Хотя, очевидно, что “градус” отношения к нему и соответствующих ожиданий у правых выше, чем у остальных групп общества (см. таблицу 47).

Таблица 47

Выборы Президента РФ через призму трех основных идейных течений, %

За кого из кандидатов на пост президента РФ Вы голосовали 2 марта 2008 г.?	Всего	Сторонники приоритета социальной справедливости	Сторонники приоритета развития рынка и политической демократии	Сторонники приоритета русских национальных ценностей и традиций	Ни одно из этих течений меня не привлекает
Богданов А.	0,8	1	1	0	1
Жириновский В.	6,0	6	7	9	5
Зюганов Г.	10,8	16	3	10	8
Медведев Д.	62,3	63	69	58	53
Не ходил на выборы	19,6	14	20	23	33
Нет ответа	0,5	0	1		1

Источник: ВЦИОМ, 2008

Однако при более детальном рассмотрении групп картина оказывается несколько иной. Д. Медведев набирает только 25% в группе сторонников коммунистов, 57% которой отдали голоса “своему” кандидату Г. Зюганову, а также всего 46% голосов в группе россиян социалистической и социал-демократической ориентации, поддержавшей почти наравне с Д. Медведевым В. Жириновского (35%). Самый высокий результат получил Д. Медведев среди идейных групп,

составляющих основу метаидеологического консенсуса – среди левых государственников его поддержали 76% опрошенных россиян, среди либеральных государственников – та же цифра 76%, 70% своих голосов отдали нынешнему президенту “патриоты”. Меньше голосов набирает Д. Медведев среди русских националистов (58%) и среди либералов – 56%. Требуют отдельного анализа причины столь высокой популярности В. Жириновского среди некоммунистических левых (см. таблицу 48).

Таблица 48

**Выборы Президента РФ через призму основных идейных течений
в российском обществе, %**

За кого из кандидатов на пост президента РФ Вы голосовали 2 марта 2008 г.?	Всего	Коммунистам	Некоммунистические левые	Левые государственники	Либеральные государственники	Национал-патриоты	Патриоты	Правозащитникам	Либералы-рыночники
Богданов А.	0,8	1	2	0	1			1	2
Жириновский В.	6,0	3	35	6	4	13	7	8	12
Зюганов Г.	10,8	57	5	3	2	2	6	2	2
Медведев Д.	62,3	25	46	76	76	58	70	71	56
Не ходил на выборы	19,6	14	13	14	17	27	18	18	29
Нет ответа	0,5	0		0	0			1	

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Таким образом, с точки зрения идейно-мировоззренческого представительства, для современной России напрашивается следующая схема, в наилучшей степени отражающая соотношение сил и настроения общества.

1. Политический центр в лице “Единой России” или любой другой “партии власти”, состоящий из коалиции близких политических союзников:

А) Левые государственники

Б) Патриоты

В) Либеральные государственники.

2. Левая оппозиция:

А) КПРФ

Б) Некоммунистическая левая оппозиция

3) Правая оппозиция в основном представленная левыми либералами, правозащитной ориентации.

4) Национал-патриотическая оппозиция.

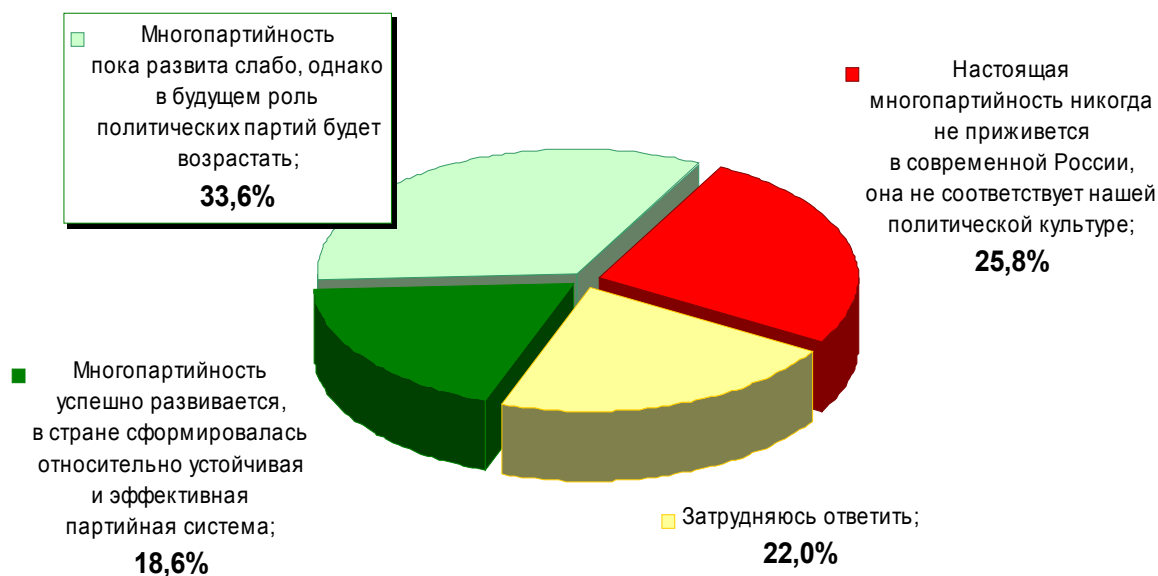
Другим вариантом, который вполне может стать актуальным в недалекой перспективе, может стать объединение правозащитной оппозиции с некоммунистическими левыми силами, и созданием на основе их союза социал-демократической оппозиционной политической партии. Учитывая происходящее в последние годы полевание правозащитной и демократической оппозиции, этот вариант представляется также вполне реальным и перспективным.

И, наконец, вызывает вопросы “устройство” политического центра, стабильность и долгосрочность союза между левыми государственниками, патриотами и либеральными государственниками.

Как видят основные политические силы России будущее партийно-политической системы страны и многопартийности в целом? Глядя на результаты, представленные в следующей таблице, можно испытать и пессимистические, и оптимистические чувства одновременно. Отсутствие реальной многопартийности сегодня, кризис партийно-политической системы, определяющей положение партий в структурах власти и в общественном мнении – налицо. Только 18,6% опрошенных считают, что многопартийность в стране развивается успешно. Особенно пессимистичны сторонники коммунистов, среди которых только 12% высоко оценивают состояние многопартийности в нашей стране. Оптимистичнее других некоммунистические левые, среди которых 24% верят в то, что многопартийность в стране успешно развивается, также группа правозащитников и демократов (тоже 24%). С другой стороны, только чуть более четверти опрошенных россиян (25,8%) не верят в то, что многопартийность когда-либо приживется в России. В частности, так считают 35% сторонников коммунистических взглядов. Несколько больше тех (33,6%), кто полагает, что многопартийность у нас пока развита слабо, однако в будущем роль политических партий будет обязательно возрастать (см. диаграмму 42 и таблицу 48).

Диаграмма 42

**В нашей стране действует много политических партий.
Как бы Вы оценили состояние многопартийности в нашей стране?**
(закрытый вопрос, один ответ)

Источник: ВЦИОМ, 2008

Таблица 49

**Оценка состояния многопартийности с разбивкой
по идеологическим группам, %**

В нашей стране действует много политических партий. Как бы Вы оценили состояние многопартийности в нашей стране?	Всего	Коммунистам	Некоммунистически е левые	Левые государственники	Либеральные государственники	Гационал-патриоты	Патриоты	Правозащитникам	Либералы- рыночники
Многопартийность успешно развивается, в стране сформировалась относительно устойчивая и эффективная партийная система	18,6	12	24	23	21	15	19	24	25
Многопартийность пока развита слабо, однако в будущем роль политических партий будет возрастать	33,6	32	32	32	43	37	33	40	38
Настоящая многопартийность никогда не приживется в современной России, она не соответствует нашей политической культуре	25,8	35	33	27	20	30	31	21	21
Затрудняюсь ответить	22,0	20	11	17	16	18	16	15	15

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Нет в обществе ясности о том, что может послужить содержанием этой многопартийности. 49,7% россиян считают, что следует оставить только крупные партии, имеющие отделения по всей стране и 34,4% уверены, что следует обеспечить возможность участвовать в политической жизни всем партиям, включая небольшие партии. Между тем, как считают многие политологи, время массовых партий прошло, эта схема, идущая от прошлого века, совершенно устаревшая в эпоху современных информационных технологий, наиболее эффективных для установления “горизонтальных сетей”, в том числе и протопартийного типа. Так обозреватель “Новых известий” Андрей Колесниченко⁶⁸ отмечает, что “российская многопартийность достигла расцвета в середине девяностых годов. Так, в 95-м в стране было зарегистрировано 258 политических партий и других организаций, имеющих право участвовать в выборах. Десять лет спустя общественным организациям участвовать в выборах запретили, а партий осталось лишь 35. Таково количество организаций, которые подали документы на регистрацию в Минюст в связи с законодательным увеличением минимальной численности партий с 10 тыс. до 50 тыс. человек. Сейчас Федеральная регистрационная служба ведет проверку этих документов. И не исключено, что многим партиям в регистрации откажут.

Российскую многопартийность ликвидируют и сверху, и снизу. С одной стороны, постоянно ужесточаются условия создания новых организаций и существования уже созданных. С другой, все меньше россиян верит, что участием в работе партии можно чего-то добиться. По данным ВЦИОМ за 2007 год, только 6% граждан страны были готовы участвовать в работе политических партий”.

«Партобразование стало финансовым и технологическим процессом», – говорит директор Центра политической информации Алексей Мухин⁶⁹. В современной России, по словам А. Мухина, появились профессионалы-политтехнологи, которые делают партии «под ключ». Эти люди занимаются сбором данных о будущих партийцах, причем зачастую «члены партии могут не подозревать, что они в какую-то партию вступили», или, наоборот, прекрасно об этом знают, потому что «получили за свое членство определенную финансовую мзду». При малочисленности российских партий (большинство из них имеют

⁶⁸ Андрей Колесниченко. Общество анонимных политиков. “Новые известия,” 27 января 2006

⁶⁹ Алексей Мухин: Кремль возвращается к проекту «президентского пула партий». Агенство национальных новостей (АНН). 31.08.2006

ровно столько активистов, сколько нужно для регистрации) членами многих из них являются одни и те же люди. Российские законы это не запрещают – человек, по замечанию Алексея Мухина, «имеет право вступать в любые партии без ограничений, но это вносит в партобразование элемент профанации». Численность главной партии страны – «Единой России» – составляет, по данным партийного сайта, 980 тыс. человек. Руководитель Информационного управления партии Илья Киселев обещает, что к весне численность «медведей» перевалит за миллион. Алексей Мухин утверждает, что «Единая Россия» – это никакая не политическая партия, а «некое аморфное чиновное образование без идеологии, которое служит инструментом влияния части кремлевских групп и выражением интересов чиновников». По словам политолога, в кулуарных разговорах даже руководители «Единой России» признают, что их организация настоящей партией вовсе не является. Как не являются партиями и объединения либералов – это «клубы, рассматривающие происходящее через призму либеральных идей и существующие на олигархические или западные деньги». Если лидерам партии нужны для реализации их амбиций, а чиновникам и бизнесменам – для попадания в Думу, то для избирателей партия становится магнитом, который притягивает их голоса.

По словам заместителя директора Центра политических технологий Алексея Макаркина, в партии вступают по двум причинам – из солидарности с идеологией или ради карьерного роста в политической сфере. Но если на Западе человек, вступив в партию, может рассчитывать на карьеру в исполнительной власти, то российские партии могут предложить «максимум депутатский мандат, и то не гарантировано».

По данным опросов ВЦИОМ, только 17% россиян считают, что стране нужно много небольших партий. Большинство же выступают за то, чтобы партий было одна, две, три или чтобы их не было вовсе, потому что «России нужны не партии, а вожди» (см. Табл. 50). По словам руководителя ВЦИОМ Валерия Федорова, люди убедились, что от мелких оппозиционных партий ждать нечего: «Это амбиции лидеров, а решить их проблемы может только власть, хорошая или плохая. На нее и направлены ожидания». Более того, по мнению социолога, сама модель массовой партии устарела, и общество нуждается, скорее, в виртуальных партиях, которые вербуют своих сторонников через СМИ и Интернет.

Таблица 50

**Модель партийной системы глазами представителей
различных идейных сегментов общества, %**

Как Вы считаете, России нужны только крупные, мощные политические партии, или слабые, малочисленные партии тоже имеют право на существование?	Всего	Коммунистам	Некоммунистические левые	Левые государственники	Либеральные государственники	Национал-патриоты	Патриоты	Правозащитникам	Либералы-рыночники
Следует оставить только крупные партии, имеющие отделения по всей стране	49,7	60	54	57	50	48	54	45	44
Следует обеспечить возможность участвовать в политической жизни всем партиям, включая небольшие партии	34,4	26	40	31	42	39	33	43	46
Затрудняюсь ответить	15,8	15	6	12	7	13	13	12	10

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Аналогичные результаты получены и в ходе настоящего исследования. По мнению 17,3% россиян, стране нужна не многопартийность как таковая, а вполне достаточно того, чтобы была одна всенародная партия, которая бы постоянно и находилась у власти. Интересно, что эта точка зрения в большей степени популярна среди россиян с коммунистическими взглядами (30%), чем среди тех, кто по своим взглядам близок нынешней “партии власти” (14-15%). 40,4% опрошенных выступают за то, чтобы в стране были две-три большие хорошо организованные массовые политические партии, а для 21,5% опрошенных оптимальной представляется система, когда в Государственной Думе пребывают несколько партий, больше чем 3 или 4, включая и небольшие партии (см. Диаграмма 43).

Диаграмма 43

Какое количество партий было бы лучше для России?
(закрытый вопрос, один ответ)

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Из следующей таблицы видно, что большая часть сторонников ведущих партий (от 40 до 50%) выступают за две-три больших партии. Исключение составляют сторонники СПС, среди которых 56% выступают за существование большего числа партий (больше, чем две или три). И это понятно, учитывая нынешние электоральные позиции СПС, которой вряд ли удастся в обозримом будущем пробиться в число двух-трех ведущих партий страны (см. таблицу 51).

Таблица 51

**Модель многопартийности глазами электоратов
различных политических партий, %**

Какое количество партий было бы лучше для России	Всего	“Единая Россия”	КПРФ	СПС	ЛДПР	“Справедливая Россия”	“Яблоко”
Одна всенародная партия, постоянно находящаяся у власти	17,3	17	26		11	9	
Две-три большие хорошо организованные массовые партии	40,4	43	41	19	49	48	53
Несколько партий больше трех, в том числе и небольших	21,5	21	13	56	23	26	47
России сейчас нужны не партии, а настоящие лидеры, вожди	10,8	10	12	6	13	12	
Затрудняюсь ответить	10,1	9	8	19	3	5	

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Приведем в заключение небольшой обзор того, как видится политикам и политологам будущее партийно-политической системы в современной России. В редакционной статье журнала «Профиль»⁷⁰ отмечается то обстоятельство, что идеологические различия все в меньшей степени определяют реальное лицо политических партий. «Пример первый - «левый уклон» СПС: на недавних выборах в региональные парламенты партия всю пиарила свою программу «достройки капитализма» до той самой заветной его стадии, когда можно будет сделать упор на решении социальных проблем населения. «Фактически СПС сделал ставку не только на свой ядерный электорат, значительная часть которого выборы просто игнорирует, но и на тех, кто реально голосует, — на старушек и молодежь, — признается источник в руководстве партии, — ну кто сказал, что это не наш электорат?». Второй пример — «социалистический привет» от «Справедливой России». Даже в Кремле признают, что «из СР получился эдакий троянский конь». Лозунги миронцев распечатать Стабфонд и раздать всем сестрам по серьгам явно противоречат интересам государства, это «явный перебор», считают собеседники «Профиля» в администрации президента. Там признают, что СР все активнее играет на поляне коммунистов: неслучайно на знамени «эсеров» был вытаскен еще пару лет назад казавшийся маргинальным лозунг строительства социализма. Причем, как всегда, «в отдельно взятой стране». Пример третий — сама «Единая Россия». Собеседники «Профиля» во властных структурах, отвечающие в том числе и за партийное строительство в стране, давно с сожалением отмечают «активное нежелание руководства ЕР смещаться вправо». «Хотя пару лет назад такая задача перед партией ставилась на самом высоком уровне, — отмечают источники, — до сих пор этого так и не произошло: ясно, что до окончания избирательного цикла этим заниматься уже не стоит». Это значит, что обе партии власти — ЕР и СР — неизбежно будут «бодаться» примерно на одной и той же - «левоцентристской» - электоральной поляне.

Ведь, как признают сами кремлевские чиновники, главная тема выборов 2007—2008 — это прежде всего «преемственность курса». А значит, «раскол общества», без которого выборы просто не организовать, должен будет пройти аккуратно между теми, кто за преемственность, и теми, кто непримиримо против. А поскольку «курс Путина» — это некий (нужно отдать должное — весьма приятный для большинства населения страны и с этой точки зрения очень эффективный)

⁷⁰ «Профиль», 2008, № 20. Статья «Идеологии.net».

коктейль патерналистски-либеральных, западническо-патриотических, модернизаторско-реставрационных и охранительно-реформистских идей и методик в одном флаконе, о серьезной идеологической преемственности речи идти не может. Стоящая задача и проще, и пафоснее — не расплескать сам флакон со столь причудливо смешанной мировоззренческой жидкостью. Все это означает, что выработка более-менее внятных (попросту — более конкретных) идеологий/стратегий развития - задача вовсе не текущего политического момента. А сегодня и в обозримой перспективе по-прежнему будут востребованы «верность присяге» и «любовь народа». Что вполне устраивает политическую элиту страны. Впрочем, проблема даже не в том, что идеологий нет (в конце концов, на все нужно время: может быть, когда-нибудь на волне всеобщей конъюнктурности возникнет спрос и на идеи). Проблема — в описанных выше трендах, в общей направленности развития. А она такова, что быть конформистом по-прежнему выгоднее, нежели идеалистом. Идеологии же не возникают без идеалистов — такова уж их природа”.

За два месяца до парламентских выборов 2007 года газета “Время новостей”⁷¹ провела опрос некоторых известных политиков и политологов о будущем партийной системы в России. Вот некоторые характерные высказывания, приводимые газетой:

Георгий САТАРОВ, президент фонда ИНДЕМ: Теперь публичная сторона предстоящих выборов продемонстрирует полный кризис партийной системы. Потому что все партии, согласившиеся изображать из себя оппозицию, играть по тем правилам, которые предлагает Кремль, тем фактом, что Владимир Путин вступает в игру, фактически поставлены в ситуацию, на которую они, мягко говоря, не рассчитывали. Потому что им не остается никакого поля для реальной публичной партийной борьбы. Это в очередной раз свидетельствует о кризисе публичной политики в изображении Кремля. Если набор игроков останется стабильным, более трех партий в Думу пятого созыва не пройдет. Потому что результат «Единой России» теперь будет выше 50%. Вообще строить партийные системы - занятие идиотское. Любая искусственно построенная партийная система разрушится. Партстроительство снизу в России в принципе возможно. Но нынешние партии в этом строительстве участвовать не будут. Потому что они либо ничего не представляли собой изначально, либо дискредитировали себя.

⁷¹ “Время новостей”, № 181, 2007 г.

Валерий ХОМЯКОВ, председатель Совета по национальной стратегии:

То, что Владимир Путин возглавил федеральный список «Единой России», дало партии необходимую ей идеологию. Ту идеологию, которую президент проводит в течение восьми лет. Партия обрела персонифицированного носителя идеологии. У нас теперь есть три партии, которые являются идеологическими, - "Единая Россия", КПРФ и «Союз правых сил». Думаю, что в результате этого избирательного цикла мы выйдем на двухпартийную систему, в парламенте окажутся «Единая Россия» и коммунисты. Единороссы давно стали социал-демократами, теми, на чью идеологию претендовала «Справедливая Россия». А теперь Сергею Миронову, мне кажется, нужно просто отдать деньги, которые он собрал на избирательную кампанию, пенсионерам. И не участвовать в выборах, потому что шансов выиграть почти не осталось. «Единой России» тоже не нужно теперь тратить деньги на кампанию, а спокойно ждать результатов выборов. Если вспомнить историю создания "Справедливой России", казалось, что Владимир Путин создает ее для себя, он хотел ее впоследствии возглавить. Но г-н Миронов стал собирать туда секонд-хенд, и лидерство президента в ней стало невозможно. В итоге мы, возможно, и выйдем на трехпартийность. Какие-то либералы должны быть в парламенте, правда, пока я не вижу, что это может быть объединение на базе СПС. Весь негатив, который сейчас лежит на либералах, исчезнет, и другие люди будут представлять востребованную либеральную идеологию. Через два-три избирательных цикла мы получим картинку, как в Германии, где в парламенте присутствуют социал-демократическая партия, право-консервативная и либеральная партии.

Как отмечает издание «Деловая пресса»⁷², комментируя результаты исследований, проведенных ВЦИОМ в 2005-06 гг., «данные опросов свидетельствуют о стойко негативном отношении россиян к партийной системе современной России, которая оценивается со знаком «минус» уже много лет, начиная с периода лидерства оппозиционной КПРФ и до сегодняшнего дня, когда пальму первенства держит абсолютно лояльная власти «Единая Россия». На протяжении последнего года уровень одобрения партийной системы составлял 15–20%, неодобрения – 55–60%*. По степени критичности оценок с политическими партиями могут сравниться только такие признанные аутсайдеры общественного мнения, как Госдума (где представлено большинство ведущих партий), правоохранительные органы и профсоюзы. Это, безусловно, не

⁷² «Деловая пресса», № 23, 2006

способствует укреплению легитимности и доверия по отношению ко всей политической системе страны. Однако, несмотря на критичное отношение к деятельности партий, россияне считают важным сохранение многопартийной системы. Отдавая приоритет многопартийности с перспективой “выхода” на несколько крупных общенациональных партий, россияне поддерживают меры, которые позволили бы трансформировать партийную систему России в этом направлении. В последнее время все отчетливее видна и обратная сторона формализации партийной жизни, когда на нее все большее влияние оказывает не мнение избирателей, а Центральная избирательная комиссия, местные избиркомы, судебные органы и т.д. Снятие с региональных выборов тех или иных партий приобрело столь массовый характер, что это уже начинает сказываться как на итогах выборов, так и на отношении к ним населения. Характерна в этом плане реакция на снятие с выборов в Московскую городскую думу партии “Родина”. Почти треть россиян и в два раза больше москвичей тогда сочли, что судьба политических партий все же должна решаться на избирательных участках, а не в судебных инстанциях (заметим, что особой симпатии к “Родине” избиратели не испытывали). Но главная причина снижения интереса к партийному строительству состоит в том, что партийно-политическая система России перестает отражать интересы различных групп и слоев общества. Сегодня уже очевидно, что противоречия, существующие в обществе, перемещаются из сферы политики и идеологии в сферу социально-экономических отношений, социокультурных дифференциаций. Мотивация политического выбора определяется оценкой социально-экономической ситуации в стране, действиями властей разного уровня, включая президента. В этих условиях все менее адекватной представляется партийная система с доминирующим характером идейно-политических различий, что в свою очередь делает практически невозможным или крайне затруднительным создание и функционирование крупных политических партий сугубо левой или правой ориентации. И наоборот, актуализирует значимость не столько “партий идей”, сколько “партий интересов”. В современной России, похоже, реализуется такая модель многопартийности, при которой, как отмечают американские теоретики гражданского общества Д. Коэн и Э. Арато, “формированием интересов и принятием решений ведают сами политические партии, тогда как функция голосования состоит лишь в том, чтобы выбрать одну из претендующих на власть политических элит и принять их лидерство. Голосующие – это потребители, а партии – предприниматели,

предлагающие на выбор альтернативные пакеты решений и менеджмент”. Именно в этом контексте следует рассматривать колоссальный разрыв между “Единой Россией” и всеми другими партиями, которым сегодня даже “заинтересованному покупателю” предложить практически нечего. В то же время было бы неправильно сводить все к эффективному менеджменту в лице ныне действующего президента, высокий уровень общественной поддержки которого, безусловно, сказывается и на позициях “единороссов”. Есть и другая фундаментальная причина высокого, а главное, стабильного электорального рейтинга “Единой России” и неуклонного “сжатия” электоратов других партий. Исследования ВЦИОМ показывают, что за последние годы произошла внешне малозаметная, но ощутимая перегруппировка активных и инертных в политическом отношении групп и слоев. Если в 1990-е гг. интерес к политике демонстрировали прежде всего наименее преуспевающие группы общества (феномен так называемого протестного голосования), то сегодня наблюдается обратная тенденция. Социальные низы теряют интерес к политике, впрочем, как и наиболее обеспеченные россияне. Наибольший же интерес (на уровне 50–54%) демонстрируют средние во всех отношениях группы – как возрастные (35–44, 45–59 лет), так и выделенные по критерию материальной обеспеченности. Это отнюдь не случайно, поскольку социальный статус и имущественный уровень средних слоев населения в большей степени, чем у богатых и бедных, зависит от приверженности существующей системе в целом и тем механизмам и процедурам, с помощью которых она существует и воспроизводится. Кроме того, представители этих групп, как правило, более активно включены в разнообразные сети социального взаимодействия и соответственно более компетентны и информированы. Впрочем, судя по данным опроса, россиян со средними доходами также сложно назвать активными сторонниками партии власти. Их интерес к политике не слишком высок. Тем не менее среди высокодоходных групп за “Единую Россию” сегодня готовы проголосовать 47%, среди среднедоходных – 51%, а среди малообеспеченных – 35%. Больше всего сторонников партии власти живут в провинции, в основном в средних и малых городах, и являются представителями средних возрастных групп – 25–44 лет. В подавляющем большинстве своем они только-только, что называется, выбились в люди, научились сводить концы с концами. Поэтому их поддержка власти, в том числе и “Единой России”, носит скорее характер социального обмена, а проще говоря, сделки: лояльность в обмен на возможность заниматься своими делами и строить

свою жизнь по собственному усмотрению. Но когда затрагиваются интересы различных групп этого срединного слоя, достигающего, по некоторым оценкам, половины населения, они в состоянии реагировать довольно резко. Реакция, например, на дедовщину в армии, на махинации вокруг жилья, на приговор Олегу Щербинскому свидетельствует о том, что при определенных условиях многие представители срединного большинства могут достаточно быстро поменять свои политические предпочтения, если власть будет действовать вразрез с их интересами. Что же касается социальных низов, то они, теряя интерес к политике, одновременно перестают интересоваться и оппозиционными партиями и либо голосуют против всех, либо не участвуют в выборах. Сегодня среди тех, кто оценивает свое материальное положение как плохое и очень плохое, готовы проголосовать за КПРФ – 12%, тогда как проголосовать против всех или вовсе не участвовать в выборах – 25%. Поддерживая в целом процесс укрупнения политических партий, их организационное оформление, многие наши сограждане, особенно молодежь, стараются держаться подальше от партий, предпочитая, например, менее формализованные общественные объединения. Это связано не только с неприятием бюрократизации внутрипартийной жизни. Сегодня российские партии находятся в совершенно иной проблемной ситуации, чем, скажем, 10–15 лет назад, когда политические баталии были в центре общественного внимания, вызвали неподдельный интерес, а лидеры политических партий являлись любимцами и кумирами миллионов людей. В настоящее время серьезную конкуренцию партиям в борьбе за умы россиян представляет индустрия развлечений и массовой культуры, которая продвигает свои собственные мировоззренческие конструкты и образы, модели поведения, оказывающие в силу своей эмоциональной окрашенности большее влияние на людей, чем привычные формы работы с массами, используемые политиками и политическими партиями. Так, постепенное сокращение информационно-аналитического вещания на центральных каналах российского телевидения – это отнюдь не только козни властей или телена начальников. Как показал один из недавних опросов ВЦИОМ, за сокращение доли политической аналитики в пользу развлекательного вещания высказалась почти половина россиян. При этом развлекательное телевидение предпочитает прежде всего молодая часть телеаудитории. Каналы, за которыми маячат рекламодатели, не могут не учитывать настроений главных для себя зрителей – потребителей рекламного продукта. В этих условиях есть большой соблазн задействовать как приемы

российского шоу-бизнеса, так и некоторых его представителей в партийной работе. Пока это в полной мере использует лишь лидер ЛДПР Жириновский, но есть ощущение, что к следующим выборам за ним потянутся и другие политики. Одновременно с этим резко активизируется Русская православная церковь, тем более что современные российские партии чувствуют себя крайне неуверенно, когда речь заходит о морально-нравственном состоянии общества и путях преодоления морального релятивизма, являющегося серьезным препятствием для реализации активных жизненных стратегий многих россиян. Впрочем, сложности, с которыми сегодня сталкиваются политические партии, характерны отнюдь не только для нашей страны. В последнее время и на Западе все чаще звучит мнение, что партии, особенно традиционные, с фиксированным членством – это уходящие институты, которые постепенно будут уступать место иным формам политического участия и самоорганизации. Растет интерес к гражданскому обществу, НКО, другим неформальным общественным объединениям. Однако списывать партии в архив пока рано – как в Европе, так и в России. Исследования ВЦИОМ показывают, что ресурс мобилизации у современных российских партий есть, и он достаточно велик. Так, на вопрос: «Готовы ли вы участвовать в работе какой-либо политической партии?» 6% опрошенных ответили согласием, еще 8% вступать в партию пока не готовы, но выражают желание стать волонтером близкой им по убеждениям партии (участвовать в акциях, собирать подписи и т.д.). Наиболее приемлемый для россиян вариант поддержки «своей» партии – голосование на выборах. Такую форму политического участия выбирают более трети опрошенных – 35%. В целом же поддерживать какую-либо партию в какой-либо форме (от вступления в нее до голосования) готовы 50% россиян. Впрочем, много и тех (41%), кто не хочет оказывать партиям никакой поддержки – 14%, не обнаруживая в партийном пространстве страны организации, которая была бы им по душе, а 27% вообще не видят смысла в деятельности политических партий в современной России. Поэтому необходим поиск и экспериментирование с какими-то иными формами политической самоорганизации, более гибкими и мобильными, чем те, которые сложились в настоящее время. Например, формирование «общественно-партийных холдингов», которые могли бы интегрировать самые разные образования, как политические, так и неполитические, начиная от дискуссионных клубов, аналитических структур, общественных объединений самого широкого спектра и заканчивая партийными альянсами. Что касается политико-

идеологического аспекта партийного строительства, то в обществе, безусловно, есть потребность в новых идеях, смыслах, а главное – в новых их носителях. Учитывая тот факт, что “Единая Россия” все более отчетливо дрейфует в сторону правоконсервативных ценностей, наиболее логичным и перспективным представляется новый социал-демократический проект. Не в последнюю очередь это связано с тем, что значительная часть населения, прежде всего городские слои, начинает отторгать российскую версию капитализма, его экспансионистскую природу, выражает неприятие образа и стиля жизни новых русских буржуа. В России может произойти то, что имеет место во многих европейских странах, где “постматериальные” антибуржуазные настроения распространяются уже не в рабочей среде, а среди высокообразованной, продвинутой части общества. Идея создания в нашей стране общества, которое не было бы похоже ни на дикий капитализм 90-х, ни на советский социализм, начинает овладевать умами. Эта идея также соотносится с заметно усиливающимися в последнее время антиноменклатурными и антиолигархическими настроениями. Несмотря на очевидную привлекательность социал-демократических идей, перспективы возникновения в России влиятельной социал-демократической партии весьма туманны. Претензии на занятие социал-демократической ниши партией “Родина” посредством скрещивания социальных и национальных идей практически провалились. Россияне также не верят в возможность создать социал-демократическую партию из фрагментов КПРФ. Некоторые надежды возлагаются на возможную коалицию партий второго эшелона, которые, судя по апрельскому опросу 2006 г. ВЦИОМ, занимают примерно схожую нишу – несколько левее центра. Однако на этом социал-демократизм таких партий заканчивается. Их потенциальный избиратель отнюдь не молодежь и продвинутые городские слои, а российская глубинка и старшее поколение. Наиболее перспективной в этом отношении представляется “социализация” разгромленных ныне либералов и соединение их с массовыми объединениями и движениями. А еще лучше – создание новой социал-демократической партии, не обремененной грузом наследия 90-х”.

Интересный анализ перспектив развития многопартийности в России делают эксперты Центра политических технологий. Так, по мнению Алексея Зудина⁷³, “примитивизация” политического спектра питает тенденцию к дальнейшему

⁷³ “ЦПТ ПОДВОДИТ ИТОГИ ГОДА: ПАРТИИ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В “СИСТЕМЕ ПУТИНА”. “Анализ и прогноз политической ситуации”, 2005 год. Автор Алексей Зудин.

сокращению круга сил, присутствующих в российской политике. Наметилась тенденция к возрождению биполярности (утверждение доминантного политического игрока на полюсе власти и наметившееся объединение оппозиции, не включенной в моноцентрическую систему). Старую биполярность, утвердившуюся в период правления Б.Ельцина, отличал глубокий идеологический раскол и высокий уровень организации противостоящих полюсов. До недавнего времени отличительной особенностью эпохи Путина было преодоление биполярной конструкции российской политики. Шло размывание идеологических основ биполяризации по линии отношения к коммунистической идеологии и советскому прошлому, полюс власти усиливался, а полюс оппозиции - слабел. Утверждение доминантного игрока на полюсе власти и начало целенаправленного вытеснения периферийных политических сил за границы институциональной политики создает новую ось для биполярного раскола российской политики, на этот раз по линии отношения к демократическим институтам (демократия - авторитаризм). Особенностью новой биполярности может стать контрастное сочетание высокоорганизованного полюса власти с неконсолидированным (и ослабленным) полюсом оппозиции. Институционализация пропорциональной системы способна закрепить многопартийность в качестве политической нормы для российского общества. Но примитивизация российской политики после 2003 - 2004 гг., вызванная экспансией моноцентризма, может приостановить появившуюся в обществе ориентацию на многопартийность и обратить ее вспять. Особую опасность представляет сознательная ориентация на примитивизацию партийной системы, когда политическое разнообразие целенаправленно ограничивается "сверху", а двухпартийность навязывается при помощи различных запретительных мер. Существует возможность, что переход к пропорциональной системе не станет конечным результатом трансформации избирательной и партийной системы". Ну, и, наконец, нельзя хотя бы вскользь упомянуть об еще одном "нехарактерном" пути к появлению реальной многопартийности, связанном с расколом существующей "партии власти". Это тема довольно актуальная для ситуации, сложившейся в стране после президентских выборов в мае 2008 года. Как бы ни складывались личные отношения между избранным президентом Д. Медведевым и "национальным лидером" В. Путиным, очевидно, что многие политические силы, недовольные В. Путиным, готовы сделать ставку на Д. Медведева и, соответственно, наоборот. Во второй половине июня нынешнего года первые симптомы борьбы разных "кремлевских кланов" стали достоянием

СМИ. Обозначились и идейные векторы, вокруг которых группируются сторонники одного и другого лидера. От Д. Медведева ждут “новой оттепели”, продолжения либеральных реформ, от В. Путина – более традиционного курса, обозначенного им в период его второго президентского срока. Конечно, это не означает, что “Единая Россия” сразу разделится на сторонников В. Путина и Д. Медведева, но на неформальном уровне подобное размежевание возможно и даже неизбежно. Именно в этом ключе можно интерпретировать недавние заявления М. Шаймиева и М. Рахимова, входящих в руководство “ЕР”, о необходимости вернуться к практике выборности глав субъектов федерации. Что это, как не попытка ревизии путинской внутренней политики, исходящая изнутри самой партии власти? Не лишне прислушаться в этой связи и к недавним словам В. Суркова, сказанным им на встрече с активистами движения “Наши”, о том что отклонения политики Д. Медведева от “плана Путина” могут поставить под сомнение его легитимность как высшего руководителя страны. Причем в отличие от скорее “декоративной оппозиции” в лице существующих политических партий, раскол, явный или неявный, в “Единой России” может стать гораздо более значимым политическим фактором для обозначения реальных проблем и противоречий, накопившихся в современном российском обществе.

Завершая раздел, приведем материалы качественного исследования, в той части, в которой они касаются политического выбора тех или иных групп общества, выделенных по принципу идейно-политических взглядов.

А. Коммунисты о своем политическом выборе и перспективах многопартийности.

Сколько нужно партий в России?

«Много нужно больших и маленьких, маленькие партии никому не мешают! (мужчина, 26 лет). Однозначно, жесткая двухпартийная система, могут быть одного направления!» (мужчина, 41 год).

«Считаю, две, три! Две из них крупные, а одна мелкая, этого достаточно!»» (мужчина, 53 года).

«Должна быть правящая и оппозиционная партия, то есть две крупные партии!» (мужчина, 40 лет).

«Я не люблю многопартийность, в итоге все равно останется две, три!» (женщина, 36 лет).

«Я думаю, что от количества партий ничего не зависит, главное, чтобы внутри самой партии были разные течения. У партии должен быть не один лидер, а допустим два, то есть генеральный секретарь и председатель партии, чтобы их было именно два или три хотя бы. От количества партий не зависит, главное, чтобы партии были именно такие» (мужчина, 49 лет).

«Я тоже так считаю, какая разница сколько партий. И если как-то регламентируют количество партий, то о какой тогда вообще демократии можно говорить. Сколько получится, столько получится» (женщина, 48 лет)

«На мой взгляд, здесь главное не количество, а качество. Пусть она будет одна, но сможет обеспечить порядок во всей стране, или их будет тысяча, и будет тоже соблюдаться порядок» (женщина, 25 лет)

«Я не согласен с тем, что партия должна быть одна, была уже коммунистическая партия одна. Партий тоже не должно быть и много, любая партия, пришедшая к власти должна иметь оппозицию. Именно только оппозиция может озвучить проблемы в обществе, и даже в оппозиционных партиях тоже должен быть выбор, и эти партии не должны дублировать друг друга, как вот «Справедливая Россия» дублирует «Единую Россию», Жириновский тот же» (мужчина, 67 лет)

«Одна! Чтобы можно было пойти и добиться чего-то реально. Как раньше было, идешь в Горком и реально можно добиться, то есть написал и тебе ответили. А сейчас этих партий много и толку мало». (мужчина, 47 лет)

За какую партию вы голосовали в декабре 2007 года на выборах в Государственную Думу? Почему именно за эту партию? Сильные и слабые стороны этой партии? Чем нравится и чем нет?

Почти все участники опроса голосовали и намерены в будущем голосовать за КПРФ. Причины этого различны. Представители старшего поколения вспоминают советские времена, бесплатные образование и медицину, другие социальные программы. Для кого-то КПРФ – это выбор наименьшего из зол, так как не за “единороссов” же голосовать. Кто-то, хотя таких и не слишком много, верят, что за КПРФ будущее. Весьма неоднозначным является и отношение опрошенных к лидеру КПРФ Г. Зюганову. Меньшей части опрошенных он нравится как лидер, они видят в нем умного, опытного, взвешенного человека. Для других, Г. Зюганов – далеко не идеальный политик, он им кажется вялым, пассивным,

уступающим без боя свои позиции. Ставится в вину Г. Зюганову и многочисленные расколы в партии, уход из нее ярких политиков, таких как С. Горячева и Г. Селезнев. Тем не менее, трудно себе представить, что участники опроса “изменяют” своей любимой партии. Электорат выглядит достаточно консолидированным.

«Нравится КПРФ тем, что это стабильная партия, выжили, несмотря на переворот в 90х. годах! Выжили и продолжают свою деятельность! Зюганов – молодец, держится! Не нравятся тем, что мало активности! Прошел, например, Медведев и «Единая Россия» и КПРФ притихли, чтобы до следующих выборов продержаться!» (мужчина, 26 лет).

«Я голосовала тоже за КПРФ, но критиковала самого Зюганова! Я ему говорила, что вы объединитесь сначала, а потом разбирайтесь! Вот это мне не нравится!» (женщина, 59 лет).

«Тоже за КПРФ! Много положительного вспоминаешь того времени! Была гарантированная работа, можно было поступить куда хочешь учиться! И медицина лучше была, порядка больше было, но при коммунизме жила как-то верхушка, а людям не давали свободы!» (женщина, 49 лет).

«Раньше за КПРФ! Зюганов – лидер, но у КПРФ нет будущего потому, что в партии сейчас те, кто раньше был на верхушке! Один из единственно достойных лидеров, с которым можно пообщаться! Не знаю как сейчас, но три, четыре года назад люди у него брали автограф! Фотографировался со всеми!» (мужчина, 53 года).

«Ну, естественно за КПРФ, хотя уже большой разницы между ними и Единой Россией я уже, если честно, не вижу! Считаю, Зюганова – лидером! Ну, за неимением других вариантов, КПРФ, вот!» (мужчина, 23 года).

«За КПРФ, так как частично застала советские времена, вижу в этом достаточно много ценного! Позитивное хочется перенести! Согласна, что недостаточная активность и недостаточная поддержка!» (женщина, 36 лет).

«Я голосовал за КПРФ. Не нравится то, что один лидер, а нравится программа» (мужчина, 49 лет)

«Потому что голосовать за «Единую Россию» и за «Справедливую Россию», им хватит и без меня голосов» (Мужчина, 49 лет)

«Я голосовала за коммунистическую партию. Я даже не могу сказать, что очень нравится, но она менее не нравится, чем остальные. Вот по этому принципу» (женщина, 48 лет)

Самая оптимальная из тех программ, ближе всего мне. Тут уже и я говорила, и другие говорили о социальной справедливости, по поводу того, что мне не нравится то общество, которое сейчас строится, оно более болезненное, чем было наше советское общество перед перестройкой, еще более болезненное, я так считаю, очень большие противоречия. Вот коммунистическая партия предлагает самые такие оптимальные» (женщина, 48 лет)

«Чем не нравится? Тут тоже очень много можно сказать. Во-первых, сам Зюганов не совсем удачный лидер сам по себе, хотя может он и умный человек, но я не настолько глубоко знакома с его деятельностью, а он не умеет зажечь, не умеет быть таким вот лидером. Потом им надо более четко определить свою позицию, они и на социал-демократических позициях, но в то же время не желая потерять старый, престарелый можно сказать электорат, они не совсем четко определились, надо более четко, вот этим мне не нравится» (женщина, 48 лет)

«Я голосовала за компартию. Почему я голосовала? Я может быть голосовала в большей степени методом исключения всех остальных партий. А чем они мне нравятся? Тем, что правильно здесь было замечено, они еще не до конца определили свою политическую склонность: либо они социал-демократы, как было в эпоху прошлого века, либо они придерживаются либеральных взглядов. Вот эта еще незавершенная ориентация способна еще устаканить общество, сделать стабильным порядок, то есть, вроде, как и жесткая рука, и вроде как, учитывая либеральный настрой, не будет ограничения демократических прав и свобод. Пожалуй, поэтому» (женщина, 25 лет)

«Мне очень часто задавали этот вопрос. И по моим ответам говорили, что я ярый коммунист. Я никогда не скрывал, что состоял в партии, и голосовал в этот раз за коммунистов, и выбор делал потому, что любая власть, которая приходит, должна быть у нее оппозиция. Оппозиция озвучивает все проблемы в обществе, только оппозиция. Чем она нравится и чем не нравится? Более того, если бы в оппозиции были две партии и было право выбора, я наверняка выбрал бы другую партию, но голосовать за партию и голосовать за лидера – это две разные вещи. Это я могу сказать по «Справедливой России» - лидера там поменяйте, и за нее будет голосовать гораздо больше, потому что она дублирует «Единую Россию». Что не нравится? Не нравится в товарище Зюганове, что он каждые выборы теряет свои проценты, своими необдуманными действиями, грызня вокруг, первым

ушел Селезнев, потом Горячева, это же ярые были коммунисты. Почему они ушли, потому что он не мог согласиться, что они принимали участи во власти, я считаю, что любой может участвовать во власти, независимо от своей принадлежности, если он патриот своей России» (мужчина, 67 лет)

«Я тоже голосовал за КПРФ, прежде всего, я ее не рассматриваю как правопреемника КПСС, на мой взгляд «Единая Россия» гораздо больше для этой цели подходит считаться правопреемником КПСС, чем КПРФ. Она предлагает реальные социальные программы для населения, которые и для чиновников, руководителей высокого ранга. Учитывая, что ни одна из ведущих партий этого не предлагала, я поэтому отдал ей предпочтение. Не нравится мне в этой партии, и уже многие это подчеркивали, это несменяемость руководящих кадров. Вот в данный момент я бы с удовольствием выдвинул бы, если бы от меня это зависело, Светлану Савицкую. Во-первых, это женщина, это был бы признак демократии в партии, это прославившийся не политикой человек в обществе, и Геннадия Андреевичу пора уже со своими силами и возможностями считаться и уступить место уже. Вот это мне не нравится, что один и тот же лидер, уже формальный можно сказать в этой партии» (мужчина, 58 лет)

«Я тоже за КПРФ голосовала. Мне нравятся социальные программы этой партии. Я вообще воспитана на их идеях. Не нравится мне то, что действительно мало молодежи привлекается. Плохие и старые формы и методы проведения своих идей, чтобы люди и молодежь поняли, что они хотят. Но не привлекают молодежь, плохо с ней работают и недостаточно» (женщина, 60 лет)

«Я голосовал за КПРФ, мне нравится их программа, ближе всего она моему мировоззрению. Среди плюсов: были дебаты перед выборами в Госдуму, мне очень нравились там выступающие от КПРФ, очень нравились люди. Очень грамотно, очень толково они там рассуждали. Не нравится мне там товарищ Зюганов, потому что, мне кажется, с ним прогресса в партии нет совершенно. Она только теряет свои голоса, и не нравится название, то есть Коммунистическая Партия Российской Федерации, коммунистического там нет, социал-демократическая, может быть так. Может, если бы они поменяли свое название, они проповедуют идею не коммунизма, а социализма. И сменили еще лидера, Зюганов мне просто вот не нравится как человек» (мужчина, 25 лет)

«Я голосовала за коммунистов чисто из таких ностальгических воспоминаний об октябрятско-пионерско-комсомольском детстве и юности. Что мне не нравится в нынешней КПРФ так это, во-первых, лидер, человек, который уже заостенел и мыслит уже такими образами 70-х годов прошлого века, и догматик, и никакого развития с ним не происходит. Лицо его явно интеллектом не обезображено. И если лидера сменить, то и молодежь в эту партию потянется и люди, которые болтаются сейчас нигде, в безвоздушном пространстве. А что нравится, это единственная партия, которая составляет оппозицию партии власти на данном этапе. Ну, я голосовала за КПРФ. Потому что они на фоне других для меня выглядят более серьезными. Но не, то, что серьезными, более уважаемыми. Просто я сама вот как ещё раз повторяю, вот как тут люди говорят. Мы выросли при коммунистах и все что хорошего у нас есть это у нас от них. Но было конечно, то, что нам и неподходящее было. Но как говорится, ради одной свободы можно маленькой пожертвовать ради одной большой. Так и тут. Это самое ну они все равно как бы на фоне вот других. Видно же вот Зюганов начинает, когда выступать мне он нравится. Потому что он не злобчивый такой он ни кому что-то там глаза не выдирает. Всех как-то это гасит вот это вот на него это самое. Ну, больше мне симпатичен, всячески. Поэтому я голосовала за него. Больше не за кого. Другова лучше не было» (женщина, 59 лет)

«Я голосовал за КПРФ, за Зюганова. Я скажу почему. Потому что я вырос при советской власти. И я то тогда не ценил, что нам давалось ценное сейчас, я познал что значит, то было, что давалось нам. Понимаете вот эта свобода, вот эта выбор, бесплатное обучение, бесплатная медицина. Бесплатное жильё. Вы поглядите, что сейчас мои внуки получают. Я при советской власти получил дважды квартиру. Мои внуки сейчас не получают. И потом почитайте надо читать программы всех партий. Поэтому я сопоставил, когда изучил я увидел что самая ближняя самая народная программа это коммунистов. Поэтому я голосовал» (мужчина, 73 года).

«Я голосовал за коммунистическую партию. Потому что мне кажется, что нужно менять в стране. Мне кажется, коммунистическая партия с этой задачей справится» (мужчина, 25 лет)

«Честно сказать, я голосовала за КПРФ, знаете почему, не потому что я такая патриотка этой партии честно сказать а только потому что за плюрализм в стране и за многопартийность. И самое интересное что если

раньше ВВП расшифровывали как Владимир Владимирович Путин одно время это было актуально когда он пришел к власти то сейчас то это приобрело совсем другое значение сейчас прикалываются и говорят что это Власть Великой Партии я сама проводила соц. Опрос на улицах города Тюмени и как бы узнавала мнение кто за кого собирается голосовать и чтобы создать хоть какую-то минимальную оппозицию, поэтому я голосовала за КПРФ. Потому что как бы народ больше за КПРФ чтобы не рассеивать свои голос просто так и голосовать за какую-нибудь Аграрную партию просто чтобы создать хотя бы минимальный противовес и оппозицию» (женщина, 21 год).

Б. Некоммунистические “левые”. Их политический выбор.

Подавляющее большинство опрошенных голосовали за “Единую Россию” или “Справедливую Россию”. Уровень оппозиционности в этой группе опрошенных невелик, они готовы поддержать власть, многие действия которой ей нравятся. Единая Россия, в частности, это партия конкретных дел, которая много уже сделала и может еще многое сделать. Для участников опроса характерна тяга к “большому, сильному”, большой массе, и “ЕР” их в этом отношении устраивает, голосуя за нее, они ощущают свою сопричастность жизни государства, всем победам и достижениям последних лет. Некоторые добавляют, что “ЕР” их привлекает тем, что в ее рядах В. Путин. Для той части опрошенных, которые выбирают “Справедливую Россию”, это тоже партия не оппозиционная, а как бы “филиал” той же “партии власти”, только больше внимания эта партия уделяет социальной сфере. О лидере партии С. Миронове мнения противоречивые, он нравится далеко не всем.

Как показал опрос, данная группа готова на определенных условиях поддержать “партию власти” в том или ином обличье.

«Я отдаю предпочтение «Справедливой России». Исходя из ее программы, она мне ближе всего: социальное равенство, демократические принципы, развитие молодежного движения. Мне это нравится, я отношусь хорошо к этой партии» (мужчина, 20 лет)

«Из современных партий симпатизирую больше всего «Справедливой России». Я общался с людьми из этой партии, принципы, мнения партии разделяю» (мужчина, 20 лет).

«На выборах голосовала за «Единую Россию». «Единая Россия» это же Путин (женщина, 31 год)

«Проголосовал я за «ЕР», потому что за последнее время хоть какой-то порядок начинают налаживать» (мужчина, 51 год)

«Голосовала я за «Справедливую Россию». Надюсь, то, что они обещают, они выполняют (женщина, 51 год).

«На выборах я голосовал за «СР». Я являюсь сторонником этой партии, с людьми из этой партии общался. По личным ощущениям за нее голосовал» (мужчина, 20 лет).

«За «Справедливую Россию», так как у них социальная направленность, а воплотят ли они это в жизнь, это будем уже смотреть!» (мужчина, 62 года)

«Я за «Справедливую Россию»! Дело в том, что Миронов – человек, который реально работал в Думе!» (женщина, 35 лет).

«Я голосовал за «Единую Россию», поскольку это партия правительства и нельзя все шишки бросать в Путина! Наоборот, самое «трезвое» правительство, после Ельцина, Горбачева, которые разорили страну, наоборот, партия пытается объединить и обезопасить страну, но не могут полностью справиться с коррупцией!» (мужчина, 42 года).

«Я голосовал за «Справедливую Россию», за Миронова! У него нормальные «трезвые» высказывания, хотя у всех партий идентичные программы, они хотят блага народу! Мне почему-то больше понравился Миронов!» (мужчина, 51 год)

«Все мы проголосовали за партию «Единая Россия». Почему мы за нее проголосовали, программа этой партии. Мы, глядя на те достижения при Путине, он поддерживал эту партию мне близки идеи и партии этой партии, мне нравится это, и я голосую. Все же люди разные, мне близко это, кому -то больше нравится другая партия, цели которой не близки мне. Пусть будет и та партия. Пусть человек имеет право выбора голосовать и за эту партия» (женщина, 60 лет)

«Считаю, нынешний правитель должен быть в согласии с предыдущим, чтобы была цепочка какая то, может и поэтому за эту партию я голосовала, и Путин и Медведев. Должно быть соответствие последовательности, так это лучший кандидат, из того, что было «Единая Россия» (женщина, 22 года)

«За «Единую Россию» голосовала. Партия президента потому что. Сталкивалась по личным вопросам с депутатами и мои проблемы были решены» (женщина, 34 года).

«При всем богатстве выбора, больше по сути не за кого. Единая Россия. Потому что если есть масса, энергия большая» (мужчина, 47 года)

«Я за «Справедливую Россию» голосовал, потому что единая Россия это конгломерат какой то, вот они сказали, что они правящие будут, и все, все к ним и Лужковская партия, и все. Может из всех зол меньшее выбрал. А цели у справедливой России такие же, но формировалась более по партийному – снизу, а единая Россия – сверху» (мужчина, 56 лет)

«За «Единую Россию». Я был убежденный коммунист, секретарем 15 лет был. Но потеряла честь свою коммунистическая партия. Зюганова преподносили как когда они пришел, тоже оказался не полноценным. Единая партия дала направление работ, Россиянам дала перспективы. Ну, сейчас строятся такие вещи. Я как геолог говорю, что хотим накормить всех газом и нефтью, это не правильно, но единая Россия – как направляющее звено в государстве» (мужчина, 56 лет)

«Я не являюсь членом партии «Единая Россия», но голосовала я именно за эту партию. Голосовала я за нее, потому что это лидирующая партия. И в общем я вижу порядок, существующий при этой партии. И меня он в общем-то устраивает. А не нравится то, что определенный прессинг идет перед голосованием – для того, чтобы голосовали именно за эту партию. В школах – директора школ убеждают, мягко говоря, своих коллег проголосовать именно за эту партию» (женщина, 58 лет)

«Я голосовала за «Единую Россию» - я не вижу альтернативы, никого лучше на политической арене. Чем нравится, чем не нравится – я не знаю. Просто не вижу никого лучше и хочется надеяться на светлое будущее. (женщина, 41 год)

«Я голосовал за «Справедливую Россию» но на 60% мое голосование было протестным. Против довольно таки напористой, наглой агитации «Единой России». Через административный ресурс. Через телевизионные средства. СМИ было захвачено этой партией. Против Путина я ничего не имею, но я проголосовал за «справедливую Россию» (мужчина, 57 лет)

«Я голосовал за «ЕР», потому что вот слова Путина, он среди моряков как-то сказал: «Эта партия хоть что-то делает практически» - эти слова

нашли у меня отклик, я тоже так думал: «А что еще?». Мне нравится феномен этой партии – подавляющее большинство населения, участвующего в выборах голосует именно за нее – значит есть симпатия какая-то. И действительно, люди там симпатичные в большинстве своем. Во всяком случае, руководство. (мужчина, 60 лет)

«На выборах в государственную думу я до последнего колебалась между «Справедливой Россией» и «ЕР», но все таки отдала свой голос за «ЕР», большую роль, конечно, сыграл план Путина, в котором я увидела множество ответов по всем направлениям – и внутренней, и внешней политики, которые перекликались с моими представлениями. Нравится мне в этой партии то, что она четко придерживается выбранного курса. А главное – то, что последовательно – пока! – претворяет в жизнь все, что было провозглашено во время предвыборной кампании. А не понравилась, пожалуй, организация самой предвыборной кампании» (женщина, 60 лет).

В. «Патриоты». Их политический выбор.

Участниками данных фокус-групп назывались в качестве своего политического выбора практически все политические партии, участвовавшие в выборах, что говорит о том, что “своей”, титульной партии у той группы общества попросту нет. Большинство готовы поддержать “Единую Россию”, но без особого энтузиазма, лучшей партии просто сегодня для себя не видят. В “ЕР” их привлекает общий патриотический настрой и нынешний курс страны, связанный с именем В. Путина на независимость и национальные интересы России, восстановление ее позиций как великой державы. Меньшей части опрошенных нравится ЛДПР или “Справедливая Россия”. Назывались также Аграрная партия, Гражданская сила и Патриоты России.

«Я голосовал за «Справедливую Россию». Голосовал за кандидата – за Емельянова. Прежде чем это сделать, я пошел к нему, мы с ним разговаривали около часа – почему он принимает такие решения, почему он сделал то, это. Потом я принял решение проголосовать. Единая Россия почему мне не понравилась – использование государственной власти» (мужчина, 58 лет)

«За «ЛДПР» голосовал, познакомился с программой их, понравилось все» (мужчина, 49 лет)

«Я голосовал за «Единую Россию» Считаю, что курс менять нельзя... Медведев будет точно также... нужен промежуток более солидный чтобы страна вошла в курс. Менять коней на переправе нельзя» (мужчина, 58 лет).

«Я не голосовал, т.к. не видел реальной партии» (мужчина, 42 года)

«За «Единую Россию». Там Лужков и Шойгу» (женщина, 34 года)

«ЛДПР, не знаю почему... У меня день рождения был, мне все равно было за кого голосовать» (мужчина, 19 лет)

«ЛДПР, вполне осознанно, сколько я их смотрю, мне не дает покоя одна мысль, зачем мы будем смотреть на Европу, под нее подстраиваться, занимать у нее денег, у нас ресурсов и природных, и научных, больше гораздо, чем во всей Европе вместе взятой. Почему мы должны зависеть от Европы в независимой России? Вот этим мне они понятны, и мне это нравится. Никогда Россия никого не слушала» (мужчина, 24 года)

«Я тоже за ЛДПР, никогда так не делала, а тут вот решила, а почему нет, сколько слушаю, конечно, Жириновский выглядит иногда забавно очень, но то что он говорит, интересные вещи говорит, как будто ностальгия, по детству, не так все было, добрее....и он такие вещи говорит, а в друг что-то получится. Потому что все остальное мне не очень» (женщина, 44 года)

«Я за Аграрную, потому, что хочется, чтобы кто-то у нас поддерживал сельское хозяйство, это должна быть какая-то единая политика и чтобы это было стабильно, а не разовые проекты. Четко, перспективно и стратегически и всяко. Потому что кушать хочется всегда. Хотя сама партия, лидера, перебежчики все, Харитонов, бежал в Единую Россию, но вот хочется, чтобы была эта партия, чтобы были эти люди» (женщина, 56 лет)

«Я за «Единую Россию». Я знала, что она пройдет, и никакая другая партия не будет лидировать. И муж меня убедил, я хотела за ЛДПР голосовать» (женщина, 58 лет).

«Я за Патриотов России, хотя я знал, что они не наберут, мало известные они, была еще конечно справедливая Россия, но слово справедливый понимаете, растяжимое дело. А вот Патриоты, это как революционеры, придут люди типа рокенбудов могут напрямую сказать с трибуны все, что они думают, поэтому я подумал, что туда пошли люди с чистой головой, горячим сердцем и чистыми руками. Мое мнение такое было» (мужчина, 53 года)

«За «Единую Россию» это действительно как было сказано проверенная партия, глядя на какие-то дела, которые они уже сделали «Единая Россия» как то уже доверяешь» (Тюмень, женщина, 18 лет).

«За «Единую Россию» потому что все остальные кандидаты от противного называется мне не понравились. Я поняла, что из того что есть лучше «Единая Россия». (Тюмень, женщина, 48 лет)

«За «Справедливую Россию» мне понравилась их программа но и упоры такие как формирование патриотизма» (Тюмень, мужчина, 24 года).

Г. «Правые». Их политический выбор.

Симпатии большинства опрошенных оказались поделенными между старыми «правыми» партиями – СПС и Яблоком. Их неудача на выборах тяжело переживается, однако причины этой неудачи не разъясняются. В СПС их привлекает большой социальный пакет, общая связь с традициями демократического движения, в Яблоке – интеллигентность, сильный экономический блок, общий имидж Явлинского как интеллигента. Одновременно опрошенные сетуют на недостаточную активность своих любимых партий, но верят, что на следующих выборах их результат будет лучше. Практически все опрошенные – скорее правые социалисты, чем либералы. Это говорит, что принципы рыночного фундаментализма, характерные для правых партий начала их деятельности, сегодня отошли на второй план. Участники опроса высказывают взгляды скорее социал-демократические или просто демократические, чем правые или либеральные.

«Я голосовал за «СПС» (мужчина, 21 год)

«Я тоже голосовала за «СПС» и тоже очень сожалею, что не прошли!» (женщина, 60 лет)

«Я за «СПС», так как они налогов меньше обещали и улучшения в социальной сфере!» (женщина, 32 года)

«Я за «Яблоко» голосовал! Я за молодежь в правлении нашей страны! Явлинский – экономист, может быть, что-нибудь поправил в экономике нашей страны!» (мужчина, 38 лет)

«Во-первых, идти голосовать за «Единую Россию», значит, быть причастным к быдлу, коммунисты и Жириновский свое уже давно отыграли, они

как балласт на подъемном кране (висят с другой стороны), ну, а это чудо волосатое, простите я себя уважаю, не помню его имени!» (мужчина, 30 лет)

«Да! Простите, но я себя уважаю, мне близки идеи, взгляды «СПС», хотя была уверенность, что они не пройдут!» (мужчина, 30 лет)

«За «Яблоко», причем не за Явлинского, а за партию! Даже, если Явлинский сошел со сцены, то у партии должна быть своя программа, свои идеи, чтобы принести пользу обществу, а не свой лидер!» (мужчина, 26 лет).

«Я тоже голосовала за «СПС», но, к сожалению, они не прошли! Думаю, что на следующих выборах представят более солидную программу! У них было много интересных моментов по малому и среднему предпринимательству, по образованию и здравоохранению, я считаю, что это должно быть рассмотрено!» (женщина, 51 год).

«За «Яблоко», не скрывал и не буду скрывать своих симпатий к Явлинскому, правда, не слышал, что ему уже кто-то приговор вынес! Считаю его порядочным человеком, его всегда приятно видеть по телевидению, разделяю его взгляды и взгляды его партии, а себя отношу к той части общества, может быть, 10 – чуть больше миллион, которые в худшие времена голосовали за Явлинского!» (мужчина, 52 года)

«Я голосовал за «СПС», поскольку мне нравилось в их программе то, что они выступали за свободу, права человека, в их программе есть такой пункт за невмешательство государства в частный бизнес!» (мужчина, 36 лет)

«Я голосовала за СПС, больше из принципа, потому что то, что творилось мне очень не нравилось. Хотя, теоретически, я работаю в бизнесе, и СПС должна была выражать мои интересы. Мне эта партия больше нравится тем, что в последнее время они увлеклись политическими исследованиями, процессами, но только не реальной политической деятельностью. Никакой программы, кстати, ну, как и все другие, не заявили – вот такое у меня противоречиво мнение» (женщина 49 лет)

«За работой партии «Яблоко» я слежу довольно таки давно. Первые выборы – они были неосознанные. Я ходила с малолетней дочкой. И реклама когда была, она говорит: «Или за яблочко или за рыбку!» - тогда Рыбкин еще был и реклама такая красивая. Потом я присмотрелась, почитала об их деятельности, и в этот раз голосовала осознанно. Их социальная направленность более реальная и более высказана... в своих планах. Если бы

они более активно работали, они были бы услышаны многими. А так – тихие они, поэтому процент достаточно низкий» (женщина, 41 год)

«Я голосовала за партию «Яблоко», но скорее в оппозицию большинству. что мне нравится этой партии – так это высокий уровень знания у руководителей, у них хорошие идеи. Но при этом присутствует оторванность от жизни, больше рассуждений чем реальной деятельности» (женщина, 47 лет)

«Вы знаете, мне давно нравится Явлинский... нравится –чем? Вот, человек с экономическим образованием, компетентен во всех вопросах. Поэтому на протяжении многих лет он возглавляет эту партию – партию «Яблоко». Эта партия более доступна к простому населению, то есть та программа – она действительно поддерживает прослойки населения. Справедливость. Отношение к пожилым. Образование. Здравоохранение. Законность. Природные ресурсы. В этой партии много направлений и все они доступны для обычного человека. Что мне не нравится? Вот, как уже сказали – действительно, как-то малая активность руководства, что и приводит ее к таким низким результатам» (мужчина, 53 года)

«Я за партию «Яблоко». Мне, прежде всего, нравится их лидер, Явлинский. И программа: социальные гарантии. Они могли бы быть хорошим конкурентом, но не получилось с тем, что ни пропали в это время. Их было не слышно и не видно». (мужчина 43 года)

«Я голосовала за «Яблоко». Что касается Явлинского – он мне очень нравится своими позициями: грамотными, толковыми. Не случайно Путин сейчас привлекает его к работе в правительство заново» (женщина, 56 лет)

«Яблоко». Так как больше не за кого было голосовать. И эта та партия, которая достойна моего голоса» (мужчина, 22 года).

«СПС и «Яблоко». Голосовала за СПС, т.к. эта партия, на мой взгляд, в наибольшей степени отстаивает интересы либерально мыслящих людей» (женщина, 20 лет).

«Больше симпатизирую СПС, так она очень гибкая организация. В ней до недавнего момента было несколько сопредседателей – Немцов, Хакамада и другие. Это сейчас один – Никита Белых» (женщина, 44 года).

«Я голосовала за Яблоко. Я говорила про элиту, партия ее поддерживает. Сфера деятельности деградируют. Мне не нравится, что переделывают словари уже кофе среднего рода. А Явлинский умный, достойный человек. И партия у него такая» (женщина, 25 лет)

«За «Яблоко». Нравятся программы, которые они ставят, сам Явлинский грамотный, положительный человек, его окружают такие же люди» (мужчина, 54 года)

Д. Либеральные государственники. Их политический выбор.

Опрошенные, представители данной группы консолидировано голосуют за «Единую Россию», других мнений высказано не было. Градус отношения к «партии власти» – теплый, она воспринимается как «своя», выражающая интересы данной группы, а не как наименьшее из зол, что было характерно для других групп опрошенных. С «Единой Россией» связываются и все надежды на будущее, на прогресс, развитие экономики, развитие социальной сферы.

«За «Единую Россию». Мне это ближе, по сравнению со всеми другими партиями» (женщина, 32 года)

«Тоже за ЕР, так как в партии очень много молодых умных людей» (женщина, 40 лет).

«Я голосовала за «Единую Россию». Потому что в принципе мы видели реальные дела которые она делала, конечно это и положительные моменты и отрицательные моменты , но на деле другой партии стоящей нет наверно» (женщина, 44 года).

«Ну, единственное что здесь уже говорилось я голосовала за партию «Единая Россия» потому что эта правящая партия, т.е. все руководители принадлежат этой партии. Хорошо это или плохо сложно судить – потому что оно уже есть. С одной стороны хорошо, что руководство государство и политики идут в одну ногу, в одном направлении. Т.е. политические взгляды и развитие государства в одном направлении движутся, может быть это хорошо. Трудно судить» (женщина, 48 лет).

«Я голосовала за «Единую Россию» потому что сильная программа. Способные люди и программа сильная у них» (женщина, 44 года)

«Я голосовала за «Единую Россию» потому что для меня в последнее время большим авторитетом являлся наш президент, который тоже привержен к партии и были видны реальные результаты. Да конечно оставляет желать лучшего, но результаты есть, есть и положительные результаты. Другие программы меня не так устраивают как программа «Единой России» (женщина, 20 лет)

«Мне понравилась ее программа, кроме этого мне очень нравится, что я наглядно могу видеть, в отличие о других партий, что эта партия хоть что-то делает для народа. Например, организация детских площадок, по городу их довольно-таки много, помогают в деревнях некоторых, то мост построят, то колодец, Хоть какое-то есть движение по курсу народа, это меня тоже устраивает» (женщина, 56 лет)

«Я тоже голосовал за «Единую Россию» из-за того, что, в самом деле, в этой партии они исполняют, на примере видно, что они пытаются сделать на благо народа. По сравнению с другими, которое только лишь кормят обещаниями, вот выберите нас, а мы вам это. Можно видеть, что люди уже всерьез взялись за дело, и мне не жалко было свой голос отдать за эту партию, потому что видно было результат» (мужчина, 36 лет).

«Я тоже голосовал за «Единую Россию», так как она дала возможность молодым семьям, детские садики строя, школы, расширяют Россию, помогают сельскому населению» (мужчина, 27 лет).

«Я голосовала за «Единую Россию». Существующие национальные проекты, которые касаются и здравоохранения, и образования, я считаю очень удачными. Естественно, еще за лидера, который стоял во главе, ему доверяю» (женщина, 40 лет)

«Я голосовала тоже за «Единую Россию», потому что я считаю, что коней на переправе не меняют, и, конечно, Путин для меня тоже авторитет» (женщина, 40 лет)

«Я тоже голосовала за «Единую Россию», потому что там Путин. Путин за 8 лет очень много сделал, и надеюсь, что и дальше так пойдет, и «Единая Россия» многого добьется вместе с ним» (женщина, 29 лет)

«Я голосовал за «Единую Россию». Самое главное, почему я за неё голосовал? Это то, что страна устала от потрясений, а эта партия гарант какой-то стабильности, поэтому вот именно за неё и голосовал» (мужчина, 60 лет)

«Конечно, за «Единую Россию». Два молодых энергичных, грамотных, а потом просто уже и результаты есть Путина, а они абсолютно идут по одной дорожке. Вообще, хватит этого дома престарелых, а это молодые энергичные люди, которые много.... Во всяком случае, у меня большие надежды» (женщина, 65 лет)

«За «Единую Россию». Государственные служащие все голосовали за Единую Россию, однозначно, даже разговора не может быть» (женщина, 35 лет)

«Я тоже голосовала за «Единую Россию», потому что как бы уже есть, результаты правления Путина, поэтому как-то должно продолжаться» (женщина, 25 лет).

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

1. Политическая жизнь в современной России “ушла на обочину”, периферию общественного интереса. Россияне заняты собственными, в первую очередь, социально-экономическими проблемами, работают, отдыхают, учатся, а политикой интересуются “от случая к случаю”, да и то меньше половины населения страны, в основном наиболее образованная и состоятельная прослойка общества. Соответственно, политическая жизнь, не получающая “подпитки снизу”, во многом становится имитацией. Это касается и соперничества политических партий на выборах, и работы выборных органов власти, и процесса обновления политических элит в целом. Симптомы кризисного развития ситуации в социально-экономической сфере, появляющиеся время от времени, не находят развития, не ведут ни к росту влияния оппозиции, ни к обострению политической дискуссии. Оптимисты характеризуют подобное положение дел как “стабильность”, а пессимисты как “застой”. Под стать “стабильности-застою” сформировалась и партийно-политическая система, с мощным, но идейно аморфным и управляемым с помощью административного ресурса политическим “центром” и идеологизированными, но слабыми “флангами”. Система прочная, предсказуемая, но недостаточно гибкая, не рассчитанная на возможные социальные и политические кризисы. Ее поддержка населением скорее основана на негативном отношении общества к оппозиции и готовности дать власти “карт бланш” - “делайте что хотите и не мешайте нам делать то, что мы хотим”. Подобная ситуация заставляет искать пути “оживления”, “очеловечивания” российской политики, не меняя ее основного формата, обусловленного объективными социально-политическими факторами.

2. Сам институт выборов в России переживает сложные времена, которые некоторые аналитики характеризуют как определенный кризис. Выборы в России, после недолгого “демократического разгула” начала 90-х годов, так и не стали значимым фактором ротации власти. Они остаются сегодня скорее декорацией, парадной, ритуальной ценностью, а не институтом “обратной связи” между обществом и властью. У значительной части граждан сложилось убеждение, что есть сфера “моих собственных интересов”, на которые никак не может повлиять деятельность высших, да и любых других выборных органов страны, и выборы как институт их формирования – в том числе. “Все решают без нас и без учета

наших интересов”, - думает рядовой избиратель и либо не идет на выборы, либо голосует “как все”. Снижение значимости института выборов как инструментальной ценности, механизма влияния рядового гражданина на политику не может не сказаться и на общем интересе современных россиян к политике, политическому процессу, партиям. Молодое поколение россиян практически не интересуется выборами и политикой в целом, а старшее ей интересуется в большей степени в силу инерции, привычки, сформированной более бурными прошедшими десятилетиями. Исключение составляет лишь наиболее образованная и состоятельная прослойка общества. Равнодушие современных поколений россиян к политике является одним из главных факторов, определяющих кризис партийно-политической системы сегодняшней России. В условиях равнодушия к политике большей части россиян, в обществе не хватает энергии для строительства нормальных политических партий, и эта энергия подменяется активностью “сверху”, исходящую из высоких административных инстанций. Подобное равнодушие частично вызвано объективными факторами, связанными с общей политической стабильностью, а в определенной степени спровоцировано (точнее усилено) действующим избирательным законодательством, практикой его применения, избыточным “административным ресурсом”, заорганизованностью и забюрократизированностью партийной жизни.

3. Как следствие, партийно-политическая система в современной России переживает сложный период, что проявляется в низком авторитете политических партий, слабом влиянии партий на принятие реальных решений, невнятности программ и идеологических позиций и в неполном соответствии сложившегося набора партий социальной и мировоззренческой структуре общества. Сама роль политических партий в структуре власти выглядит и во многом является подчиненной, вторичной. Это наглядно проявилось в ходе избирательной кампании 2007-08 гг., когда даже “правящая” партия, имеющая гарантированное большинство в органах представительной власти, была вынуждена озвучивать принятые без ее реального участия решения, связанные с новой конфигурацией власти. Еще “печальнее” положение других партий, даже прошедших в состав Государственной Думы, с мнением которых можно вообще не считаться. И эта ситуация вряд ли исправима в обозримой перспективе. Представляется маловероятным и переход в России к формированию “партийного правительства”, то есть к парламентской республике, где правительство формирует политическая партия, победившая на выборах. Общее кризисное состояние современной

российской политической системы существенно сказывается на общей легитимности выборов, в особенности выборов представительных органов власти. Как результат, сама Государственная Дума РФ как институт не пользуется высоким уровнем доверия россиян, причем это наблюдается все пятнадцать лет существования этого института представительной власти, вне зависимости от того, какие политические силы в ней “правят бал”. Еще меньше доверия вызывают политические партии, деятельность которых полностью одобряют только 8% россиян. За этой не слишком радужной картиной стоят такие факторы как общая низкая политическая культура большей части населения страны, несформированность партийной системы, отсутствие авторитета у политических партий и Государственной думы как общественно-политических институтов, последние нововведения в избирательное законодательство, которые устанавливают максимальную психологическую дистанцию между волеизъявлением граждан и результатами выборов. Партийные списки, за которые голосуют граждане, составляются без участия общественного мнения, решения по ним принимаются партийной бюрократией. Результаты выборов, как правило, носят заранее предreshенный характер. Очень велика на них роль так называемого административного ресурса, когда к неугодным партиям возможны любые придирки, вплоть до снятия их с дистанции под надуманными предлогами, тогда как нарушения со стороны “партии власти” остаются заведомо безо всякой правовой оценки. И, наконец, нынешняя партийно-политическая система не в состоянии взять на себя реальное представительство тех или иных слоев и групп российского общества, а интересы и политическое самосознание этих групп остаются скорее в латентном состоянии. Идеологическое лицо партий становится все менее различимым, все они в ходе избирательной кампании апеллируют к самым общим “популистским” идеологическим тенденциям, напирая на принципы социальной справедливости. Мало представляют партии и интересы конкретных социальных групп, которые до сих пор, несмотря на все социальные контрасты в стране, так и не стали полноценными субъектами политического процесса и не готовы осознавать и представлять свои групповые социальные и политические интересы. Почти полностью оказалась подавленной и “региональная составляющая”, далеко не однозначная в путинскую эпоху. политическая оппозиция так и не стала в обществе признанной частью политической культуры. Политики и партии, оказавшиеся в оппозиции, заведомо сами лишают себя шансов на что-либо повлиять, когда-либо поучаствовать в реальной власти.

Неудивительно в этой связи, что переход к пропорциональной (партийной) системе формирования представительной власти, который, казалось бы, должен был придать партиям как институту “второе дыхание”, на практике оказался неспособным укрепить доверие общества и к выборам, и к самим демократическим процедурам в стране. Как убеждено большинство граждан, за теми или иными партиями стоят интересы отдельных группировок во власти, а значит, партии перестают быть ареной общенациональной дискуссии по принципиальным вопросам жизни страны. Многим экспертам представляется устаревшей сама модель политической партии, диктуемая законодательством, не учитывающая реалий современного информационного общества.

4. Подобное положение дел приводит к тому, что значительная часть населения готова поддерживать власть, даже во многом не разделяя или не полностью разделяя ее курс. Во многом именно этим объясняется неизменно столь высокий рейтинг «партии власти» и ее политического представительства в лице «Единой России». “Естественный” рейтинг этой партии, основанный на поддержке идей и проводимого социально-политического курса, составляет не более 35-40%, а на последних выборах она собрала более 60%, в первую очередь, за счет привлечения на свою сторону электората оппозиционных партий. “Единая Россия” действует как “политический пылесос”, затягивая голоса и тех, кто в нормальной, работающей многопартийной политической системе предпочел бы поддержать оппозицию. По данным исследования, оппозиция суммарно могла бы рассчитывать на примерно 25-30% голосов россиян, при этом «правая оппозиция» критикующая власти на нарушение экономических и политических свобод – на 10-15%, «левая оппозиция» критикующая власти за нарушение принципов социальной справедливости – на 15-20% голосов россиян. Хотя в обществе сегодня преобладают скорее левые политические ориентации, связанные с приоритетом идей социальной справедливости, – население не хочет доверить их реализацию оппозиции, это запрос скорее к нынешним властям.

5. Стабильность современного состояния партийно-политической системы в России во многом напрямую обусловлено общим социальным контекстом развития страны, формированием новой социальной структуры общества. Все последние годы наблюдается рост социального оптимизма, улучшение социального самочувствия большей части россиян, стабильность настроений и ожиданий. Все это позволяет говорить о том, что у концентрации электората вокруг “партии власти” есть свои безусловные объективные предпосылки.

Большая часть россиян видят перемены к лучшему, пусть и не столь быстрые, и готовы отблагодарить власть нужным ей голосованием на выборах, даже во многом не разделяя ее курса, особенно в социально-экономической сфере. Зато внешняя политика, восстановление роли страны на международной арене, рост патриотических настроений – все это оценивается со знаком “плюс” россиянами с самыми различными политическими убеждениями. Россияне если и не являются до конца, то, по крайней мере, все чаще осознают себя единой нацией. Именно преодоление кризиса идентичности, восстановление национальной общности, национального консенсуса, пусть осуществленное не до конца и не слишком последовательно, стало главной причиной позитивных оценок действий властей. Однако обратной стороной всеобщего роста оптимизма и оптимистических оценок, является высокий уровень отчуждения россиян от государства и его конкретных институтов (кроме института главы государства). У россиян не сложилось однозначного мнения относительно того, является ли нынешнее государство, выстроенное нынешними властями на основе усиления бюрократического класса, субъектом национальной государственности, способным отразить интересы, надежды и чаяния большинства россиян. А сам новый бюрократический класс вызывает к себе все более негативные чувства.

6. С известными оговорками нынешнее государство можно назвать “государством нового среднего класса”. Это не богачи, а граждане со стабильными доходами, превышающими 10-15 тысяч рублей на члена семьи. Это люди с высшим образованием, бизнесмены, специалисты и государственные служащие, которые сегодня в состоянии и скопить денег на покупку недвижимости, и воспользоваться платными услугами, и съездить отдохнуть на дорогие курорты. В составе среднего класса все больше граждан не только экзотических специальностей, связанных с бизнесом, но и представители массовых профессий, еще вчера живших в глубокой нужде. В основном из них сегодня и состоит новый средний класс, именно он сегодня делает погоду в политике и экономике, генерирует запрос на стабильность. Несмотря на существование огромных социальных разрывов между богатыми и бедными, на который постоянно обращают внимание, численность как тех, так и других, все же достаточно невелика. Согласно многочисленным оценкам, объем среднего класса, если внести ряд уточняющих параметров, составлял в 2006-08 гг. примерно 20-25% от всего взрослого населения страны (а в крупных городах составляла цифру от 30 до 40% и более в Москве). Очень важно то

обстоятельство, что «новый средний класс», является не только носителем высоких материальных и потребительских стандартов, но и соответствующих социально-политических установок. В сегодняшнем обществе он становится ядром «партии порядка», ориентированным на поддержку властей, стабильность, установление устойчивых «правил игры».

7. Однако одного «среднего класса» для устойчивости политического режима было бы недостаточно. Но в современной России сложилась довольно устойчивая социальная структура, и помимо тех сегментов, которые занимает средний класс. Ее цементирует не столько сам средний класс, численно еще не столь большой, сколько союз среднего класса и той самой массовой части общества, которую можно условно назвать «серединным слоем». Рост благосостояния и благоприятные социальные перспективы дают шансы «серединному слою» претендовать на полноценное вхождение в средний класс, менталитет и образ жизни которого воспринимается в качестве эталонного. В результате, несмотря на социальные разрывы в уровне жизни самых богатых и самых бедных, в наиболее массовых сегментах общества происходит процесс выравнивания доходов и потребительских стандартов, что обеспечивает ориентацию этой части общества на «партию власти», ее лидеров и на тот круг идей, которые эта «партия власти» предлагает. В этих условиях социальное недовольство российской бедноты не способно дестабилизировать политическую ситуацию, тем более не способно сделать это глухое недовольство режимом со стороны крупного бизнеса и других слоев общества, которых не устраивает слишком высокая роль государства в экономической и политической жизни. Все эти обстоятельства создают объективные предпосылки для доминирования на российской политической сцене таких партий как «Единая Россия», а на идеолого-мировоззренческом уровне такого феномена как «консенсусная метаидеология».

8. Само социальное расслоение общества имеет подоплеку, связанную не только с материальными возможностями как таковыми. На эти различия накладываются колоссальные региональные различия. Велики и поколенческие расколы, связанные с тем, что существенное изменение алгоритмов выживания и успеха, произошедшее в 90-е, провело огромный рубеж между старшими поколениями - "старыми русскими", и молодежью, в целом достаточно успешно освоившей "новые правила игры". Выпадают из оптимистического консенсуса, главным образом, пенсионеры, жители села и некоторые другие, менее крупные по объему группы населения. Эти группы современных аутсайдеров противостоят

общему потоку социального оптимизма не только из-за более низких доходов, но и вследствие того, что «островки» традиционного общества, в значительной степени сохранившего традиционалистские и советские жизненные установки – неприятие образа жизни современного буржуазно-потребительского общества. Но в силу своего положения аутсайдеров, «невписанности» в современные реалии, эти группы не в состоянии противостоять общим тенденциям и играть значимую роль в современной политике. Если в 90-е годы самый массовый «срединный слой» был идеологически и социально ближе к аутсайдерам, то сегодня он ближе к «среднему классу». И это главный фактор стабильности политической системы страны.

9. Как идейное отражение этой стабильности, в стране сформировался идейно-политический синтез, в рамках которого идейно-политические различия между группами и отдельными гражданами во многом отошли и продолжают отходить на второй план. Он постепенно стал основой «консенсусной метаидеологии» так называемого «путинского большинства», обрел социальный фундамент в виде нового среднего класса, отражающего стабилизацию социальной структуры общества, получил определенное теоретическое обоснование со стороны властей (концепция «суверенной демократии»), обрел некоторые черты официальной идеологии. Внешне оставаясь эклектичным набором зачастую противоречащих друг другу идеологем, идейно-политический синтез стал постепенно обретать и определенную внутреннюю целостность. Главной отличительной чертой метаидеологии является ориентация на власть, объединяющая общество, реализующую общенациональную субъектность, в противовес многочисленным кланам и группировкам, растаскивающим власть, реализующим частные или групповые интересы. Основным ценностный вектор, связываемый с приоритетом ценностей «порядка», «справедливости» и несколько в меньшей степени «свободы», разделяется практически всеми группами общества. Идеи сильного суверенного государства, социальной справедливости, эффективной рыночной экономики, национального достоинства при сохранении высокого уровня личных свобод – своего рода «лево-правый» синтез, объединяющей идеи как из «левого», так и «правого» ряда. Не менее важной особенностью «метаидеологии» является усиление консервативных тенденций, поиск «порядка», идеология патриотизма. Вектор поиска общенациональной идеологии на сегодняшний день направлен в сторону идей сильного, экономически эффективного и современного социально ориентированного

государства и патриотического внешнеполитического курса страны. Значимой ценностью, хотя и уступающей ценностям справедливости и порядка, является свобода. При этом для россиян важно понимание свободы, в первую очередь, как свободы личной жизни, экономической и информационной, и в гораздо меньшей степени как свободы политической. Еще ближе в разных группах общества понимание справедливости и порядка, в основном связанное с идеей равенства возможностей, в первом случае, и идеей “общих для всех правил”, во втором. Сам факт существования общей для большей части населения страны метаидеологии и близкой интерпретации базовых ценностей свидетельствует о преодолении ценностного кризиса в обществе. В то же время реальному объединению общества мешают неэффективные политические, правовые и экономические институты, во многом неадекватные сегодняшним реалиям и системе ценностей. Сегодня все или почти все остальные противоречия, мнимые и реальные, “тонут” в консенсусной метаидеологии, теряя свою актуальность и слабо влияют на реальную политическую мотивацию общества. Однако неизбежный выход из нынешней социально-политической ситуации, возвращение динамики в большой политике и настроениях граждан, неизбежно актуализирует многие из этих противоречий и может сделать их основой новой партийно-политической сегментации общества.

10. В ходе проведенного исследования выделены следующие группы, образующие реальный идейно-политический спектр российского общества. Три группы, во многие близкие по содержанию и политическим установкам, образуют “костяк” метаидеологии, своего рода “коалицию”, на которой держится идейно-политический консенсус. Это:

А. Либерал-консерваторы, либеральные государственники или неоконсерваторы. Для той группы характерно сочетание ценностей сильного государства и экономической свободы. Ей принадлежат от 15% до 18% россиян.

Б. Левые государственники. Для этой группы характерно сочетание ценностей сильного государства и социальной справедливости. Ее объем составляет примерно 14–15% россиян.

В. Патриоты, социал-патриоты. Для этой группы россиян характерен приоритет ценностей сильного государства, патриотизма при одновременно высоком приоритете идей социальной справедливости и экономической свободы. Ее объем составляет около 10%, по своим характеристикам она весьма близка

левым государственнымникам, образуя вместе с ними идейно-политическую нишу “социал-патриотов”, общим объемом 24-25% от всех россиян.

На периферии идейно-политического поля располагаются еще несколько значимых групп:

Г. *Коммунисты, советские традиционалисты*. Общее число их сторонников составляет около 10% россиян.

Д. *Собственно левые, социалисты, социал-демократы*. Их общий объем не превышает 3-4% от всего населения страны.

Е. *Русские националисты, выступающие за приоритет традиционных русских ценностей, против наплыва в страну “мигрантов” из стран Юга и Юго-Востока*. Русских националистов готовы поддержать немногим более 4% россиян.

Ж. *“Правозащитники”, “левые либералы”*, делающие акцент на ценностях свободы личной и политической, выступающие против государственного произвола. Их примерно 8-12% от общего числа россиян.

З. *“Правые либералы”, “рыночники”*, выступающие за политическую демократию, рыночные реформы и опасющиеся усиления государственного влияния в экономической и политической сферах. Их не более 3% от общего числа россиян и эта цифра продолжает снижаться.

В результате мы имеем следующую картину идейно-мировоззренческих симпатий: Политический центр, носитель консенсусной метаидеологии – 45%: В том числе: - *лево-патриотический фланг* – 26%; - *право-патриотический фланг* – 19%; Левая оппозиция – 15%; Правая оппозиция – 14%; Националистическая оппозиция – 4%.

Таким образом, в центре политического спектра, в зоне “консенсусной метаидеологии” располагаются три идейно-мировоззренческие группы с довольно похожей идеологией. Это левые государственнымники, патриоты и либеральные государственнымники. Последняя группа является своего рода “ценностным ядром” идейно-политического союза вокруг “партии власти”. Ядро социальных групп, образующих “консенсусную метаидеологию” представляется сегодня довольно прочным, однако в будущем не исключены новые ценностные и идейные расколы, которые могут послужить основой переконфигурации партийно-политической системы России. Полностью или частично за пределами “идеологического консенсуса” находятся ряд идейно-мировоззренческих групп, настроенных скорее оппозиционно по отношению к политике властей. Это “левые”, ориентированные

на коммунистическую идеологию, некоммунистические левые, национал-патриоты и “правые”, все большую роль среди которых играют “левые либералы”, критикующие действия властей с правозащитных и общедемократических позиций.

11. Можно сделать вывод об определенной недостаточности существующего набора влиятельных политических партий для адекватного представительства идейно-политических групп, существующих в обществе. В особенности это касается оппозиционных политических сил. Так среди оппозиционных групп общества лишь “коммунисты” имеют свою, титульную партию, которой доверяют и за которую голосуют. Важной проблемой является формирование влиятельной оппозиционной социалистической или социал-демократической партии, национал-патриотической партии, и “правой” партии, так как политические силы, занимающие места в этих сегментах политического спектра, не пользуются значительным доверием своих избирателей. Постепенно формируется идейная “ниша” для формирования влиятельной социал-демократической партии, которая может возникнуть на основе союза некоммунистических левых сил и постепенно левеющей лево-либеральной оппозиции.

Что касается политического центра, то создание реальной двухпартийной системы, которая представляется оптимальной и многим экспертам, и опрошенным россиянам, является перспективным, но требует времени и завершения целого ряда политических процессов, происходящих в нашем обществе. Речь идет о формировании политической нации, имеющей закрепленные политические традиции консенсуса по базовым проблемам функционирования общества и государства. В этом случае позитивным может оказаться политическое соперничество между некоторыми влиятельными политическими силами, образующих сегодняшнюю коалицию вокруг “партии власти” и “Единой России”, в первую очередь, либеральными государственниками и левыми государственниками. Однако сегодня общество не достаточно готово к открытому идейному соперничеству внутри “партии власти”, являющейся одновременно одной из несущих конструкций каркаса современной российской государственности. А идеологическая аморфность “Единой России” легко позволяет ей переставлять те или иные идеологические акценты в своей “генеральной линии” в зависимости от политической конъюнктуры, сохраняя идеологическое и организационное единство.

В то же время следует отметить, что роль идейно-политических противоречий в современной России находится на низком уровне и продолжает снижаться. Это означает, что “энергетика” идейно-политических противоречий может оказаться недостаточной для формирования развитой многопартийной партийно-политической системы. По крайней мере, на данный исторический момент, в условиях становления стабильной социальной структуры и формирования политической нации.